

Рудольф Штейнер
ЭЗОТЕРИЧЕСКИЕ РАССМОТРЕНИЯ
КАРМИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ
GA 238

Духовная жизнь современности в ее взаимосвязи с антропософским движением

Десять лекций, прочитанных в Дорнахе с 5 по 28 сентября 1924 г.
Virter Band Das geistige Leben der Gegenwart
im Zusammenhang mit der anthroposophischen Bewegung
Zehn Vorträge und eine Ansprache, gehalten in Dornach zwischen dem 5. und 28.
September 1924

ТОМ IV
ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 5 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Сегодня здесь присутствуют многие из наших друзей, которые после Рождественского собрания находятся здесь впервые, поэтому мне следует хотя бы вкратце, в порядке вступления, указать на значение Рождественского собрания*(*Ср.: Рудольф Штейнер. Рождественский съезд по случаю основания Всеобщего Антропософского общества 1923/1924 гг. (ПСС, том 260).). Через это Рождественское собрание Антропософское общество должно было получить некий новый импульс, необходимый ему для того, чтобы через него действительно достойным образом текла, струилась та жизнь, которую антропософия должна внести в жизнь цивилизованного человечества. Надо сказать совершенно определенно, что со дня Рождественского собрания в Антропософское общество вступил эзотерический импульс. До этого времени Антропософское общество было для антропософии лишь координационным центром. Антропософия была с самого начала тем проводником, через который притекает к людям спиритуальная жизнь, ставшая теперь, начиная с последней трети XIX столетия, доступной людям. Но антропософское движение следует понимать так, что то, что исходит из него здесь, на Земле, есть, собственно, лишь внешнее выражение некоего процесса, совершающегося в духовном мире во имя развития человечества. И кто хочет достойным образом примкнуть к антропософскому движению, тот должен принять во внимание, что теперь спиритуальные импульсы распространяются и на область самого Антропософского общества.

Какой, собственно, толк в том, мои дорогие друзья, если человек так абстрактно, теоретически верит в существование Духовного мира? Верить теоретически в духовный мир означает воспринимать этот духовный мир только головой. Но хотя мысли современных людей по своей исконной природе и представляют собой для них их самое духовное, — эти мысли, в течение последних четырех или пяти столетий формирующие внутренний духовный мир человека, пригодны лишь для восприятия материалистических истин. И вот, современное человечество имеет спиритуальную жизнь в мыслях, но оно наполняет эту спиритуальную жизнь только материалистическим содержанием. Материалистическим является и чисто теоретическое знание антропософии, — остается до тех пор, пока к этому не присоединится внутренняя сознательная убежденность в том, что духовное есть конкретная действительность, что за всем тем, что для чувственного восприятия есть лишь материя, присутствует дух и что он не только пронизывает материю, но в конце концов все материальное исчезает перед истинным взором человека, когда он достигает возможности пробиться через материальное к духовному, к спиритуальному.

Но тогда такое воззрение следует распространить и на все то, что

касается нас самих. А нас самих касается и наша принадлежность к Антропософскому обществу. Это факт внешнего мира, но надо признать, что ему соответствует спиритуальное движение, развившееся в духовном мире в ближайшее время, которое будет существовать в земной жизни, если люди останутся верными ему. В противном случае оно будет существовать отдельно от земной жизни. Оно будет существовать в связи с земной жизнью, если люди найдут в своих сердцах силу, чтобы оставаться верными ему.

Не следует оставаться при одном теоретическом убеждении, что за всеми минералами, растениями, животными и за человеком реет нечто духовное: и за Антропософским обществом, которое во внешнем мире принадлежит к области майи, иллюзии, реет спиритуальный прообраз антропософского движения, который должен вступить как сила глубокой убежденности в сердце каждого приверженца антропософии. И это должно реализоваться в делах и работе Антропософского общества. До Рождественского собрания я часто говорил, мои дорогие друзья, что надо проводить различие между антропософским движением (о котором надо и теперь говорить то же самое, что и прежде) и Антропософским обществом, которое было тогда только внешним, экзотерическим органом реализации антропософского эзотерического импульса. Начиная же с Рождественского собрания все меняется. Перед Рождеством мне пришлось принять трудное решение самому стать председателем Антропософского общества. За все предыдущие годы существования Антропософского общества я смотрел на себя лишь как на учителя антропософии, отнюдь не связанного с делами управления Обществом, и строго проводил это в жизнь. Антропософское общество управлялось другими людьми. Моей обязанностью было лишь — поскольку этого хотели отдельные лица или группы внутри Антропософского общества — осуществлять дело антропософии.

Наши друзья в течение этих лекций поймут, что значит деятельно выявлять на Земле то, что в наши дни в духовном мире стремится к откровению. К тому же необходимо понимать трудности, связанные с тем, что к этой связи с духовным миром должна присоединиться еще задача внешнего управления. И в эти рождественские дни встала проблема: или для тех духовных сил, которые ниспосылают нам антропософию, станет препятствием то, что внешнее управление будет сближено с эзотерикой, — или же произойдет нечто иное. Поэтому то решение, которое приходилось тогда принимать, было необычайно трудным. Ибо вполне могло случиться так, что те потоки духовной жизни, которые притекали к нам, подверглись бы опасности вследствие такого решения.

Все же надо было принять это решение, ибо положение было таково, что если бы антропософское движение оставалось и впредь связанным с Антропософским обществом, должно было наступить нечто противоположное тому, что я только что охарактеризовал. Само Антропософское общество должно было стать в будущем тем средоточием, через которое непосредственно притекает эзотерическая жизнь, — которое само являет и сознает эту свою эзотерическую деятельность.

Для этого должен был быть создан эзотерический президиум при Гётеануме. И следовало признать, что у такого президиума должно быть эзотерическое задание, и что в будущем Антропософское общество не только должно заниматься антропософскими материями, но что в будущем антропософия должна преподаваться, должна осуществлять себя, — то есть антропософия должна участвовать во всех внешних мероприятиях.

При этом важно, как именно будут связаны между собой отдельные члены Общества: важны не программные или формальные уставные отношения, важны реальные силы, связывающие людей. Лишь только то может в эзотерическом смысле служить основанием Антропософского общества и поддерживать его, что основывается на реальных человеческих отношениях. Так в будущем все должно основываться на реальных

человеческих отношениях в широком смысле, — на конкретной, а не абстрактной духовной жизни. Нужно суметь воспринять эту конкретную духовную жизнь как таковую, нужно увидеть ее во всех мельчайших частностях жизни. Я хочу привести маленький пример. После того как был воспринят новый импульс, мы решили выдать каждому из наших членов новое удостоверение. Так как к этому времени число членов Общества достигло двенадцати тысяч, надо было изготовить эти двенадцать тысяч карточек, и я должен был, несмотря на многочисленные возражения, принять решение — это, конечно, небольшая деталь — все членские удостоверения подписать собственноручно. Это, конечно, работа на несколько недель. Но в чем ее смысл? Это было сделано не по какой-либо причуде и не ради следования какому-то внешнему правилу управления: это означает, что мои глаза покоились некоторое время на имени того, кто получал эту карточку. Это пример человеческих взаимоотношений, правда, поначалу не слишком содержательных, но и в этом сказываются человеческие взаимоотношения.

Так отличаются человеческие взаимоотношения, которые должны существовать фактически, от чисто формальных управленческих правил, установленных в соответствующих параграфах и программах. Ничего из того, что реально реализуется через антропософию, не должно быть заключено в уставах и параграфах, но все это должно быть действительной жизнью. Лишь настоящая жизнь может воспринять в себя эзотерическое.

Итак, со времени Рождественского собрания дело антропософии и Антропософское общество больше не отделены друг от друга, — они стали едины. И нужно, чтобы это произошло вошло в сознание каждого члена Общества.

Вам может показаться, мои дорогие друзья, что все это разумеется само собою. Поразмыслите над этим, и вы найдете, что осуществление этого с полной сердечностью не есть нечто само собою разумеющееся: поистине трудно осуществлять это в каждое мгновение своей жизни.

Сейчас меня по-настоящему тревожит следующее: будет ли при этих условиях спиритуальная жизнь продолжать изливаться через Антропософское общество так же, как она изливалась через антропософское движение?

После того как мы находимся уже несколько месяцев под воздействием Рождественского собрания, стараясь оставаться верными тому, что было задумано при спиритуальной закладке краеугольного камня Антропософского общества, мы можем сказать: то, что изливалось уже в продолжение ряда лет, изливается теперь еще обильнее. И мы можем также сказать, что еще больше открываются сердца там, где протекает эзотерический поток, который со дня Рождественского собрания проникает во всю антропософскую работу.

Воспримите в свои сердца, мои дорогие друзья, все глубокое значение этих слов, которые я теперь могу произнести, исходя из опыта последних месяцев! Такое восприятие в будущем поможет созданию нужной почвы для того спиритуального краеугольного камня, который мы заложили для Антропософского общества во время Рождественского собрания.

В сегодняшней вводной лекции я лишь укажу на то, о чем я буду говорить в ближайшие дни: дело в том, что антропософское движение в этот серьезный момент как бы возвращается к своему истоку. Когда в начале этого столетия в Берлине из недр Теософского общества родилось Антропософское общество, произошло нечто очень примечательное. Во время основания Антропософского общества, то есть немецкой секции Теософского общества, я прочитал в Берлине ряд лекций об «Антропософии». При этом в мою деятельность уже тогда вошел тот импульс, который позднее выявил себя в антропософском движении.

Но при этом я хотел бы сегодня напомнить еще об одном. Первое, с чем я выступил перед совсем небольшим кругом лиц, было предложение прочесть несколько лекций на тему: «Практические упражнения по карме». И я ощутил

тогда живейшее противодействие этому начинанию. Может быть, об этом вспомнит наш старейший член Антропософского общества, господин Гюнтер Вагнер*(*Гюнтер Вагнер (1842 — 1930) — основатель фабрики «Пеликан» в Ганновере.), который, к нашей большой радости, сегодня опять присутствует здесь и которого мне хочется самым сердечным образом приветствовать как старейшину Антропософского общества; может быть, он вспомнит, как сильно было тогда с самого начала противодействие всему тому, что предполагалось мною включить в антропософское движение. Эти лекции не состоялись. Тогда еще не довелось приступить к возвращению эзотерики в противовес тем течениям, которые исходили из теософского движения, — эзотерики, которая открыто и непредвзято вещает истину о том, что, собственно, всегда было лишь теоретическим знанием.

Теперь, со времени Рождественского собрания, в этом зале**(**Имеется в виду временный лекционный зал столярной мастерской Гётеанума.) и в разных других местах, где мне будет дана возможность выступать, будет открыто говорить о конкретном действии человеческой кармы в исторических событиях и в жизни отдельных людей. Сегодня некоторые из наших антропософов уже знают, как протекали разные земные жизни ряда значительных личностей и как образовывалась карма самого Антропософского общества и отдельных личностей, связанных с ним. Со времени Рождественского собрания об этих вещах сообщается совершенно эзотерически. И с того времени наши циклы лекций стали открытыми, доступными каждому, у кого есть к тому интерес. Так что мы стали более эзотерическим и в то же время совершенно открытым Обществом.

Тем самым мы возвращаемся в известном смысле к исходному пункту. Теперь должно сделаться реальностью то, что тогда предполагалось. Так как многие из наших друзей находятся здесь впервые после Рождественского собрания, то я в ближайшие дни буду говорить перед вами именно о вопросах кармы. А сегодня я позволю себе сделать только своего рода введение, коснувшись того, на что указано, хотя лишь в общих чертах, в номере «Сообщений» за эту неделю*(*«Что происходит в Антропософском обществе. Известия для его членов». Первый год издания, № 34 от 31 августа 1924 года. (Напечатано в «Тезисах антропософии». ПСС, том 26, стр. 65.)).

Для достижения тех познаний, которые дают возможность восприятия в духовном мире фактов и существ этого духовного мира, — для исследования этих фактов необходимо, как мы знаем это из нашей антропософской литературы, определенное развитие человеческого сознания. Мы уже слышали о том, как здоровый непредвзятый человеческий рассудок может постигать этот духовный мир, открытый и исследованный с помощью прошедшего определенное развитие человеческого сознания. Нужно всегда иметь в виду следующее: для исследования духовного мира необходимо равить иные состояния сознания; для понимания же результатов, полученных духовным исследователем, достаточно иметь здоровую человеческую способность мышления, здравый рассудок, не обремененный предубеждениями.

Но когда говоришь так, то сразу же встречаешься с определенным противодействием со стороны современного мышления. Когда я сказал однажды в Берлине именно эти слова, которые я сейчас произнес, то в газете появилась статья, написанная в благожелательном тоне о моей публичной лекции, прочитанной перед многолюдной аудиторией**(**Статья до сих пор не разыскана., и в ней говорилось: господин Штейнер сказал, что здоровый человеческий рассудок может понять то, что исследовано в спиритуальном мире. Но все развитие новейшего времени научило нас тому, что тот рассудок, который здоров, ничего не понимает в сверхчувственном, а тот рассудок, который что-нибудь понимает в сверхчувственном, — тот определенно нездоров. — Можно сказать, что в известном отношении таково общее мнение современных образованных людей. В переводе на трезвый немецкий язык это

будет звучать так: если человек еще не спятил, то он ничего не понимает в сверхчувственных мирах, если же он что-нибудь понимает в сверхчувственных мирах, то он, конечно, сумасшедший. Этим сказано то же самое, только несколько яснее.

Поэтому придется теперь заняться тем, чтобы выяснить, как здоровый человеческий рассудок может понять результаты духовных исследований, полученных с помощью развития иных состояний сознания. Мы уже несколько столетий оснащаем наши внешние органы восприятия различными лабораторными инструментами, телескопами и микроскопами. Духовный исследователь тоже вооружает свои внутренние органы восприятия тем, что он развивает сам в своей душе. Естественное избрало путь вовне, и оно пользуется внешними инструментами; духовное же исследование избрало путь внутрь и пользуется внутренними органами восприятия, которые душа образует себе при неукоснительно здоровой душевной жизни.

Сегодня я хотел бы дать вам предварительное представление об иных состояниях сознания, исходя из сопоставления обычных состояний сознания современного человечества с теми состояниями сознания, которые существовали некогда при прежних, еще доисторических, примитивных состояниях развития человечества.

Ныне человек живет в трех состояниях сознания, из которых только одно признается им за достоверный источник познания: человек живет в состоянии обычного бодрствования, он живет в состоянии сновидческом и в состоянии сна без сновидений.

В обычном бодрственном состоянии сознания мы обращаемся к внешнему миру так, что все, что мы воспринимаем внешними органами чувств, мы расцениваем как действительность и даем этому на себя воздействовать; мы постигаем эти чувственные внешние восприятия своим рассудком, связанным с мозгом, или, по меньшей мере, рассудком, привязанным к человеку, и образуем представления, понятия, а также ощущения и т. д. относительно того, что воспринято внешними органами чувств. В этом бодрственном сознании мы воспринимаем в известных границах нашу собственную внутреннюю жизнь. И мы приходим, с помощью различных соображений и мыслей, к признанию сверхчувственного, стоящего за чувственным. Мне незачем описывать далее это состояние сознания; оно достаточно известно каждому, поскольку применяется постоянно в процессе познания и в волевой жизни.

Сновидческое же состояние сознания современного человека — неясное, сумеречное. Человек видит в сновидениях символически преображенным то, что воспринимает во внешнем мире, но он не всегда это сознает. Мы лежим утром в постели, еще не совсем проснувшись, еще не открывая полностью глаз, и наш затуманенный взор видит солнечный свет, светящий в окно. Человек еще как бы отделен легким покровом от всего того, что он обычно воспринимает в резко очерченных формах, в четких внешних чувственных восприятиях; при этом в душе возникают образы, похожие на отблески какого-то сильного пожара. И эти отблески являются символическими образами того солнечного света, который воспринимается еще не полностью проснувшимся человеком.

Или же человек видит во сне, что он идет по аллее, обрамленной белыми камнями; он приближается к одному из камней и видит, что тот сверху поврежден чем-то, — не то каким-то природным процессом, не то человеком. И вот человек просыпается: у него заболел зуб; эта зубная боль донесла до его сознания весть о поврежденном зубе. Два ряда здоровых зубов обретают символическое выражение в том, что человек увидел во сне, а поврежденный зуб — в поврежденном камне.

Или нам снится, что мы находимся в жаркой, душной комнате и нам тяжело. Мы просыпаемся: у нас сильное сердцебиение, пульс частый. Частота сердцебиения и пульса воспринимаются нами во сне в символах

жаркой и душной комнаты. Во сне обретают символическое выражение как внутренние, так и внешние состояния; человека наполняют реминисценции дневной жизни, преобразенные самым различным образом, сплетающиеся иногда в целые драмы. Он не всегда знает, как происходит это преобразование в удивительном диапазоне его душевной жизни. И часто человек, находясь под впечатлением этой жизни сновидений, которая может влиять и на бодрственную жизнь, если сознание почему-либо затуманено, может оказаться в состоянии легкого дурмана.

Ученый-естествоиспытатель идет по улице мимо книжного магазина. Он видит книгу о низших животных, книгу, которая его как естественника всегда очень интересовала. Теперь же, несмотря на то, что из заглавия видно, что в книге есть нечто необычайно важное для этого ученого, он этим совершенно не интересуется: внезапно в тот момент, когда он взглянул на книгу, которая его необычайно заинтересовала бы раньше, он услышал вдали звуки шарманки, которая играла позабытую им мелодию. Он весь внимание. Подумайте только: естествоиспытатель видит название книги по естествознанию и не обращает на нее внимания, а поглощен доносящимися до него издали звуками шарманки, которых он в другой раз, может быть, и не заметил бы. В чем же здесь дело? — Сорок лет тому назад, когда он был еще совсем молод, он танцевал впервые в жизни со своей первой партнершей под звуки как раз этой мелодии, которую сейчас играет шарманка. Мелодия, которую играет сейчас шарманка и которой он не слышал сорок лет, напомнила ему сейчас об этом. Ученый оказался человеком трезвого ума, и вспоминал все довольно точно.

Мистик часто встречается с тем, что подобные происшествия выступают настолько внутренне преобразенными, что в переживании принимают совсем другой вид. Именно тот, кто приступает с сознанием внутренней ответственности и добросовестности к исследованию духовной жизни, должен обратить пристальное внимание на недопустимость всего того, что может вызвать в душевной жизни человека заблуждения и иллюзии. Может очень легко показаться, когда углубляешься в душевную жизнь, что нашел внутренний путь к чему-то духовному, а на деле имеешь лишь преобразенное воспоминание о мелодии шарманки. Сновидческое сознание — это нечто удивительное, нечто грандиозное, но правильно понять его человек может лишь тогда, когда он обладает истинными духовными знаниями в этой области человеческой жизни.

А если мы теперь обратимся к рассмотрению глубокого сна без сновидений, то человек при современном состоянии сознания имеет только воспоминание о том, что от его засыпания до пробуждения протекло некоторое время. Все фактическое он вынужден переживать опять-таки с помощью своего бодрствующего сознания. От сна без сновидений у человека остается лишь некоторое смутное чувство, что сам он существовал между засыпанием и пробуждением.

Итак, мы имеем теперь три состояния сознания: бодрствующее сознание, сновидческое сознание и сознание сна без сновидений. Но если мы обратимся назад к прадревним временам человеческого развития, — как уже сказано, не к историческим временам, а к доисторическим, познаваемым только с помощью тех средств, о которых мы будем говорить в ближайшие дни, — то мы находим там у человека также три состояния сознания, но совсем другого рода. То, что мы переживаем теперь в бодрственном состоянии сознания, тогда не переживалось вовсе: в прадревние времена человеческого развития вместо резко очерченных, четко разграниченных материальных предметов и существ переживались расплывчатые контуры.

Если бы человек той эпохи смог увидеть всех вас, как вы здесь сидите, то он увидел бы вас не в четких контурах, которые обрисовывают ваше человеческое существо разграниченными линиями, как мы видим это сегодня, но ваши фигуры были бы для него обычного бодрственного сознания

ра⁰¹львчатыми; все, что мы сегодня видим и что тогда было неясно видимо, было для него везде пронизано некоей ауричностью, духовным сиянием и блистанием, и мерцанием, и п⁰¹реливами, которые далеко распространялись за пределы того, что мы теперь видим. Все вы, сидящие здесь, обнаружили бы для такого наблюдателя свои ауры, и он видел бы эти мерц⁰¹ющие, сияющие, блистающие, переливающиеся ауры душе⁰¹ного мира тех, кто находится перед ним. Тогда было еще возможно проникать взором в душевное, ибо человек жил еще в атмосфере душевно-духовного.

Позвольте мне привести следующее сравнение: если мы идем теперь после жаркого сухого дня вечером по улице, то мы видим после такого дня уличные фонари так, что их св⁰¹ильники выступают в отчетливых контурах. Если же мы пойдем по улице в туманный день, то эти же самые уличные фонари будут окружены различными цветными ореолами, которые, кстати сказать, современные физики истолковыв⁰¹ют совершенно неправильно, считая это явлением субъек⁰¹тивного порядка: на самом деле они суть то, что переживает⁰¹ся от существа этих огней в связи с тем, что человек находи⁰¹ся в водном элементе тумана. Древние люди находились в элементе духовно-душевном; они видели ауры, которые не были чем-то субъек⁰¹тивным, но объективно принадлежали существу людей. Таково было одно из тех состояний созн⁰¹ия.

Затем они имели еще другое состояние сознания, прим⁰¹кавшее к первому подобно тому, как у нас к бодрств⁰¹енному состоянию сознания примыкает состояние сна со сновиден⁰¹иями. Но это не было похоже на наше теперешнее сновидческое состояние сознания: при нем исчезало все внешнее, все воспринимавшееся внешними органами чувств. У нас теперь впечатления от внешнего мира становятся во сне символ⁰¹ическими образами: солнечный свет превращается в зарево пожара, ряд наших зубов — в ряд придорожных белых ка⁰¹ней и т. д.; бывают или сновидения-воспоминания, относ⁰¹ящиеся к земному, или же одухотворенные драмы, сновидческие драмы. Мир внешних чувств существует для нас пост⁰¹янно; мир воспоминаний также пребывает тут. Для тех же, кто в прадревние времена обладал другими состояниями сознания, дело обстояло иначе (мы увидим в дальнейшем, что все мы имели тогда такое сознание, ибо все сидящие здесь имели его в предыдущих воплощениях). В тогдашние вр⁰¹мена, когда дневной солнечный свет слабел, человек видел не символы физических вещей, но эти физические вещи вообще исчезали для него. Дерево, стоящее перед ним, исчезало; оно превращалось в нечто душевное; сказания о духах деревьев — это не выдумки народной фантазии (лишь нынешняя интерпретация их — это выдумки ученых, блуждающих во тьме заблуждения). На место дерева выступал дух этого дерева. И эти духи — духи деревьев, духи гор, духи скал — направляли душевный взор людей в тот мир, в котором ч⁰¹овек находится между смертью и новым рождением, где он находится среди духовных фактов так же, как здесь, на Зе⁰¹ле, находится среди земных фактов; где он находится среди духовных существ так же, как здесь, на Земле, среди физ⁰¹ических существ. Мы увидим в дальнейшем, как наше обы⁰¹ное сновидческое сознание может для современного челон⁰¹ка, стремящегося к духовным познаниям, также преобразиться в подобное состояние сознания.

Было тогда и третье состояние сознания. Люди тогда, конечно, тоже погружались в глубокий сон, но когда они пробуждались, то у них было не только смутное воспомин⁰¹ие о том, что они прожили некоторое время во сне или смутное ощущение своей жизни во сне: когда они пробужд⁰¹лись, у них было отчетливое воспоминание о том, что именно они переживали во сне. И как раз из этого состояния глуб⁰¹кого сна приходили впечатления о предыдущих земных жизнях и судьбах, связывающих их с другими людьми, что давало познание и прозрение кармы.

Сегодняшний человек имеет бодрств⁰¹енное сознание, сн⁰¹видческое сознание и сознание сна без сновидений. А прадревнее человечество имело

следующие три состояния сознания: сознание, воспринимающее пронизанную духом действительность, сознание, дающее возможность прозрения в духовный мир, и сознание, прозревающее карму. В основном у прачеловека было своего рода сумеречное, вечернее состояние сознания.

Это сумеречное, вечернее сознание исчезло, угасло в ходе развития человечества. Теперь должно взойти утреннее, радостное сознание. Современная духовная наука уже вступила в него. И человек должен достичь того, чтобы при взгляде на дерево, на скалу, на источник, на гору или на небесные светила он, укрепив свои душевные силы, смог бы прозревать за каждым физическим предметом стоящий за ним духовный факт или духовное существо.

Это может стать точной наукой, точным познанием (конечно, сегодня это считается безумием, над этим смеются, считая это сумасшествием): если по-настоящему познающий взирает на дерево, то это дерево, хотя оно и материально, исчезает для его взора, образуя как бы выемку в пространстве, а человеку навстречу выступает духовное существо дерева. Подобно тому как солнечный свет, отражаясь от всех внешних физических предметов, светит навстречу нашим физическим глазам, так человечество придет к тому (и антирелигиозная философия предвзвещает это), что осознает следующий факт: духовное существо Солнца, проникающее своими силами и жизнью весь мир, живет во всех физических существах. Как физический свет отражается в нашем физическом глазу, так и в наше душевное око может светить от каждого земного существа божественно-духовное солнечное Существо, пронизывающее все. Человек говорит сейчас: роза — красная; в основе этого суждения лежит то, что роза возвращает ему тот дар, который сам он получил от физически-эфирного существа Солнца. А в дальнейшем он скажет: роза возвращает ему то, что она получила от духовно-душевного существа Солнца, пронизывающего весь мир своими волнами и жизнью.

Человек снова вживется в духовную атмосферу, он будет знать, что собственным существом он укоренен в этой духовной атмосфере. И затем он придет к пониманию того, что в сновидческом состоянии сознания, которое вначале представляло собой лишь хаотическую символизацию внешних чувственных восприятий, заключены откровения того духовного мира, через который мы проходим между смертью и новым рождением; он начнет понимать, что в глубоком сне без сновидений в нас действует и живет, в качестве реального сплетения сил, то, что после пробуждения от сна направляет нас к нашей карме. То, что мы осуществляем, несмотря на нашу свободу, в течение дня как нашу судьбу, — это ткется во сне, когда мы своим духовно-душевым существом, освобожденным от физически-эфирного, ведем совместную жизнь с божественными духами, переносящими результаты наших предыдущих жизней в эту земную жизнь. И тот, кому удастся через развитие соответствующих душевных сил получить прозрение в жизнь во время сна без сновидений, — тот открывает там кармические связи. Только благодаря этому исторический ход жизни человечества впервые получит смысл. Он образуется, ткется из того, что приносится людьми из прежних эпох — через жизнь между смертью и новым рождением — в новые эпохи. Если мы взглянем на какую-нибудь личность, современную или из прошлых времен, то мы поймем ее лишь тогда, когда постигнем ее предыдущие земные жизни.

В ближайшие дни мы будем говорить прежде всего о тех изысканиях, которые ведут от жизни исторических личностей, а также от повседневной жизни людей в современную или в какую-нибудь другую эпоху, к предшествовавшей земной жизни.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 7 сентября 1924 г.

Дорогие друзья, позавчера я говорил о том, что теоретические

рассуждения о карме и повторных земных жизнях остаются чем-то безжизненным, если соответствующее рассмотрение не приводит также к действительному пониманию практической жизни, то есть к рассмотрению этой жизни в смысле кармы и повторных земных жизней. Однако к такому рассмотрению, какое подразумевается здесь, надо приступать с величайшей серьезностью. Ибо уже можно сказать следующее: искушение, которому поддается человек, создающий для себя идеи о всевозможных кармических взаимоотношениях и о всяческих вещах, связанных с повторными земными жизнями, — это искушение очень велико, и источник иллюзий в этой области чрезвычайно большой. Ведь исследования в этих направлениях можно в действительности предпринимать только тогда, когда духовный мир в определенном смысле становится открытым для такого исследователя, благодаря достигнутому им душевному развитию.

Впрочем, также требуется, чтобы слушатели, внимающие сообщениям о таких исследованиях, для убежденности в истинности сообщаемого опирались на все то, что так или иначе обнаруживается в ходе подобного исследования. Собственно, дело не просто в доверии тому, кто без обиняков начинает говорить о повторных земных жизнях, а в том, что извлеченное из подобных оккультных глубин должно быть подкреплено тем, достоверным, что уже изначально имеется в наличии.

И вот я думаю, что в течение 23-24-х лет развития антропософии было получено достаточно оккультного материала, чтобы теперь можно было представить результаты и этого рискованного исследования о карме и повторных земных жизнях перед теми слушателями, которые обрели верие к сообщаемому благодаря знанию других областей жизни духа, развернутых перед нами в ходе времени. Впрочем, здесь присутствуют многие, состоящие членами нашего Общества лишь со сравнительно недавнего времени. Одно это означало бы невозможность развития Общества, если бы для его новых членов нам приходилось бы, так сказать, начинать с самого начала. С другой стороны, мы испытываем большую радость и удовлетворение по той причине, что на этих содержательно насыщенных лекциях здесь также появилось большое число старейших друзей-антропософов, переживших вместе с нами почти все антропософское развитие. Ведь в ходе времени должны быть созданы возможности для того, чтобы в Антропософском обществе его недавние члены подводились старейшими именно к тому, что должно культивироваться в ходе развития Антропософского общества.

Я говорю это потому, что те рассуждения, которые станут исходным пунктом для содержания ближайших лекций, содержат в себе нечто такое, что может показаться поистине рискованным. Но, мои дорогие друзья, человеческая жизнь впервые выступает в верном освещении лишь тогда, когда она рассматривается, согласно истине, как проходящая через повторные земные существования. Однако серьезное, ответственное исследование в этой области дается вовсе не легко, ибо его результаты, собственно, противоречат определенным образом тем представлениям, которые обычно складывают себе об этом люди.

Ведь когда кто-либо рассматривает человеческую жизнь с ее кармическим содержанием, то его прежде всего поражают удары судьбы, связанные или с профессией человека, или с его призванием, социальным положением и т. п. В отношении содержания земной жизни человека нетрудно обнаружить, что оно связано с теми свойствами данного человека, которые могут внешне и не выступать, но вместе с тем оказывают на глубины его душевного существа. Заглядывая же в те недра, в которых можно узреть повторные земные жизни, необходимо отвлекаться от многого из того, что внешне накладывает свою печать на судьбу человека в его земной жизни.

Так что не следует думать, что для кармы, проходящей через различные земные жизни человека, имеет большое значение его внешняя профессия

или его внутреннее призвание. Представьте себе только, насколько поверхностно связана с кармическим достоянием человека его внешняя профессия, скажем, профессия служащего и т. п. Для собственно кармических закономерностей судьбы то, что характерно для такой внешней профессии, не имеет никакого значения. Так же обстоит дело и с внутренним призванием. Как легко поддаться искушению думать о музыканте, что он в одной из его предыдущих земных жизней уже был музыкантом или, по крайней мере, художником! Однако это бывает только в редчайших случаях. Ибо, как устанавливает действительное исследование, длительно действующая карма, длящиеся взаимосвязи судьбы преимущественно погружены внутрь человеческой души и мало затрагиваются внешней профессией и внутренним призванием человека: они больше связаны с внутренними душевными способностями и разного рода душевным сопротивлением, то есть связаны с моральными взаимоотношениями, которые в конце концов могут давать о себе знать в каждой внешней профессии и в любом внутреннем призвании.

Но потому-то при исследовании кармы, исследовании взаимосвязей судьбы, необходимо обращать внимание на такие обстоятельства в жизни человека, которые кажутся подчас второстепенными. Я снова напомню об одном факте, который мне встретился в жизни.

Я должен был исследовать кармические взаимоотношения одного человека*(*О каких взаимоотношениях идет речь, до сих пор установить не удалось.), который отличался в жизни некоторыми особенностями; он имел свою задачу в жизни, у него была своя профессия. Однако, направляя интуитивный взор на профессиональную деятельность этого человека и на то, что он делал, например, из своего дружелюбного отношения к людям, я не получал никаких указаний на его прошлые земные жизни. Казалось, что все это не могло не быть связанным с его прошлыми земными жизнями, — однако для ясновидческого взора не обнаруживалось никакого указания на это. Путем ясновидения, направленного на эти факты его профессии и дружелюбного отношения к людям, не удалось проникнуть в прошлые земные жизни этого человека. Наоборот, в отношении этой личности кое-что удалось получить курьезным образом — благодаря одной ее второстепенной житейской привычке. Этот человек был преподавателем; он читал лекции и, прежде чем начать говорить, совершенно автоматически вытаскивал носовой платок, чтобы высморкаться. Я часто слушал его лекции и всегда наблюдал, что прежде чем начать говорить, — последовательно излагать свой предмет, — он сперва вытаскивал носовой платок и сморкался. И делал он это не во время беседы, а именно тогда, когда должен был последовательно излагать свой предмет. Это создавало определенный образ, который предоставлял возможность заглянуть в прошлую земную жизнь этого человека.

Я привожу этот пример как особенно гротескный. Подобные примеры не всегда столь гротескны, но надо обладать способностью вникнуть в человека, охватив его в целом, если вообще хочешь действительно и достоверно узреть его карму. Видите ли, когда человек имеет определенную профессию, то она для более глубокого взгляда есть нечто такое, что может быть приобретено посредством надлежащего воспитания и т. д. Но когда он не может не вытащить носовой платок и не высморкаться, прежде чем начать держать речь, это уже зависит от его внутренней конфигурации и гораздо более интимно связано с его существом. Впрочем, приведенный радикальный пример являет собой крайний случай. Эти вещи не всегда оказываются такими. Но я хотел бы с его помощью показать вам, что при исследовании кармы то, что находится на поверхности жизни человека, как правило, почти всегда бесполезно и надо вникать в интимные вещи, но при этом не в надуманные, а в те, которые открыто выступают в жизни.

После этого введения я хотел бы теперь начать разговор о том, о чем собираюсь вам говорить, — разумеется, с необходимыми оговорками, а

именно: каждый человек может верить или не верить тому, что я скажу, но хочу уверить вас в том, что вещи, которые я опишу, основываются на глубочайшей серьезности духовнонаучного исследования.

Такие вещи не обнаруживаются, если к их исследованию приступают с установкой нынешних исследователей; исследования, касающиеся кармы, сами должны проистекать из кармы же. Я должен был упомянуть об этом в конце нового издания моей «Теософии»* (*См. «Отдельные замечания и добавления» (к 9-му изданию 1918 г.), ибо среди многих странных требований, которые в ходе жизни были предъявлены мне, есть и предложения предстать перед сотрудниками некой психологической лаборатории, чтобы они могли исследовать, основанно ли то, что я сообщал о духовной науке. Это требование является столь же смехотворным, как если бы человек представил определенные математические выкладки и результаты, но вместо того, чтобы исследовать эти последние, пожелали бы исследовать в психологической лаборатории его самого с целью проверки, является ли он настоящим математиком или нет. Однако подобные смехотворные требования ныне серьезно выдвигаются в среде ученых. То, что из подобных опытов, само собой разумеется, не может получиться ничего, я отчетливо высказал в конце нового издания моей «Теософии», упомянув также о том, что все пути исследования какого-либо конкретного результата, добытого духовной наукой, сами должны быть подготовлены духовно-сверхъестественным способом.

Однажды мне довелось встретиться с одним современным врачом, репутация и печатные труды которого мне были очень хорошо известны и которого я очень ценил. Я упоминаю здесь, в связи с данным случаем, об этих кармических деталях потому, что они привели к соответствующему исследованию. Это последнее отняло много времени и было закончено только в последние недели. Так что, будучи добросовестным человеком, я лишь теперь могу впервые говорить об этом. Я упоминаю обо всех этих деталях, чтобы вы могли узреть многое, — но, разумеется, не все, — из того, как взаимосвязаны эти вещи.

Итак, я познакомился с этим современным врачом, и при моем знакомстве с ним присутствовала другая личность*(*Речь идет о дружившем с Карлом Людвигом Шлейхом враче Максе Аше, состоявшем членом немецкой секции Теософского общества. После смерти последнего в марте 1911 года Рудольф Штейнер упомянул его на десятом общем собрании немецкой секции следующими словами: «Еще я должен упомянуть и третью личность, которая, быть может, для многих неожиданно быстро покинула физический мир; это наш дорогой друг, член нашей секции Общества, доктор Макс Аш. В своей весьма бурной жизни ему пришлось преодолеть много трудностей, которые препятствуют человеку приблизиться к чисто духовному движению. Но наконец он нашел к нам путь таким образом, что для него, врача, лучшим лекарством от страданий стало погружение в теософское чтение и размышление. Многократно он уверял меня, что врачу невозможно уверовать ни в какое лекарственное средство кроме того, что духовно приходит из теософских книг; что он чувствует, что теософское учение как бальзам изливается на его многострадальное тело. И поистине до самого смертного часа он погружался в теософию. После того как наш друг почил и его дочь написала мне, что хотела бы, чтобы я произнес несколько слов на его могиле, а я не смог исполнить этой просьбы, сослужить теософскому другу этой последней службы здесь, в этом мире, — это стало для меня тяжелым бременем. Только могу вас заверить, что те слова, которые мне надлежало сказать на его могиле, были в полном посланы ему в тот мир, в который он тогда вступил».. Эту другую личность я уже знал дольше и притом до мельчайшей; она постоянно производила на меня впечатление — не скажу глубины, но основательности. Впечатление основательности вызывалось тем, что эта личность необыкновенно охотно бывала с людьми, которые с широким размахом занимались несколько поверхностно понимаемым оккультизмом, и эта личность исключительно охотно рассказывала о том, как многие ее знакомые высказывались обо всем оккультном, а также обо всем том, к чему, исходя из оккультного, должны мол стремиться современные поэты как лирические, так и эпические вместе с драматургами. И эту личность окружала некая «моральная» аура. Я употребляю слово «моральная» для обозначения всего того, что связано с душевными свойствами, которыми правит воля. В присутствии этой личности, которой я наносил визит, я встретился с другой, которую уже знал по ее печатным трудам и врачебной

деятельности и которую очень ценил. И то, что разыгралось тогда во время этого посещения, оставило во мне глубокое впечатление, побудившее меня духовно исследовать это.

Тогда произошло нечто замечательное. Благодаря ясновидческому наблюдению встречи этих людей, а также благодаря тому впечатлению, которое производила на меня встреча упомянутая личность (я ведь ее давно уже знал по ее печатным трудам и врачебной деятельности и очень ценил, а здесь впервые ее увидел), — благодаря всему этому я смог исследовать жизненные и кармические взаимоотношения, правда, поначалу не этой личности, с которой я лишь недавно познакомился, но она словно излучала некий свет на ту, другую личность, с которой я был знаком уже давно. И оказалось, что эта другая личность жила, — правда, не в ее последней земной жизни, а в одной из более ранних, — в Древнем Египте; и примечательно то, что после смерти ее труп был мумифицирован.

И вот очень скоро обнаружилось также и то, что эта личность еще существует. Позднее я сам как-то ее увидел, но поздно. Это было исходным пунктом. После того как это кармическое исследование было стимулировано той личностью, с которой я был уже давно знаком, эта последняя стала в свою очередь излучать некий свет, а потому открылась возможность исследовать кармические взаимоотношения также и моего нового знакомого. И тогда обнаружилось следующее.

Если в иных случаях очень легко от теперешней земной жизни человека ясновидчески обратиться назад к его предыдущей земной жизни, то здесь интуитивное познание ушло далеко в прошлое, в Древний Египет, и перед духовным взором возникали две личности. Во-первых, это личность некоего высокопоставленного египтянина, который обладал высокой степенью древнеегипетского посвящения, — однако как посвященный он впал в некоторое декадентство, стал не слишком серьезно относиться к посвящению и даже начал трактовать это посвящение в несколько насмешливой манере. Этот высокопоставленный египтянин имел служителя, отличавшегося исключительной серьезностью; этот служитель, конечно, не был посвященным. Обязанностью их обоих было бальзамирование тел умерших, для чего им приходилось заботиться о получении нужных снадобий из дальних стран.

Так вот, искусство мумификации именно в Египте отличалось чрезвычайной сложностью и требовало глубоких познаний о человеческом существе, о человеческом теле. Но кроме того, от тех, кто надлежащим образом производил бальзамирование тел, требовались также глубокие познания о человеческой душе. Упомянутый высокопоставленный египтянин, который, собственно, получил посвящение ради дела бальзамирования мумий, постепенно впал в несколько фривольное отношение к своей профессии. Дошло до того, что те самые вещи, которые были восприняты им через определенное посвящение, постепенно, говоря на мистериальном языке, были выданы им его служителю. И этот последний стал лучше понимать мистериальные тайны, чем его руководитель — посвященный. Вот так упомянутый служитель стал самостоятельным бальзамировщиком мумий, в то время как другой уже больше не надзирал за ним. Тем не менее все, что было связано с высоким социальным положением и почетением, оказываемым главному бальзамировщику, он оставил за собой. Это постепенно привело к тому, что он перестал пользоваться прежним высоким уважением и оказался вовлеченным в ряд житейских конфликтов. А его служитель постепенно дорос до очень серьезного понимания жизни; он получил своего рода посвящение, которое, впрочем, вовсе не было действительным посвящением, но жило в нем инстинктивно. И вот таким образом при участии этих двух людей был забальзамирован в Древнем Египте целый ряд мумий.

Время шло. Оба эти человека прошли через врата смерти, испытали те

переживания, о которых я буду говорить в следующем раз и которые связаны с развитием кармы, а затем оба снова вступили в земную жизнь во времена образования Римской империи, приблизительно во время правления императора Августа*(*Правление Августа: 63 г. до н.э. —14 г. н.э.).

Как было сказано, это мое исследование является добродетельным и столь же точным, каким может быть какое-либо физическое или химическое исследование. Я не стал бы говорить об этих вещах, если бы как раз в последние недели не открылась возможность говорить о них столь конкретным образом. И вот мы находим, что тот высокопоставленный египтянин, который постепенно сделался, собственно, фривольным посвященным, после прохождения им врат смерти и нового рождения пережил чрезвычайно горькое земное испытание со всеми его последствиями. Мы находим, что он родился как дочь Августа - Юлия*(39 до н.э.-14 н.э.); она стала женой пасынка Августа Тиберия и вела жизнь, которая ей самой, естественно, представлялась оправданной, но тогдашнее римское общество считало ее аморальной, в результате чего Юлия была осуждена на изгнание. Другой же египтянин, служитель первого, хотя и не получивший посвящения, но проникший отчасти в его тайны, воплотился тогда же как римский историк Тит Ливий.

Интересно то, как Тит Ливий стал писателем-историком. В древнеегипетское время он забальзамировал значительное число тел. Души, которые жили в этих телах, потом внаступую воплощались в Древнем Риме; в частности, среди них были семь римских цезарей (ибо эти семь римских царей действительно существовали). Мы возвращаемся в очень древние египетские времена, когда мы идем туда, где эти двое — высокопоставленный египтянин и его служитель — были воплощены. В силу известного закона, души тех людей, тела которых после смерти подвергались мумификации, сравнительно скоро вновь призываются к воплощению на Земле. Но кармическая связь упомянутого служителя главного бальзамировщика с теми душами, тела которых он забальзамировал, оказалась настолько интимной, что он должен был написать именно о них (разумеется, он должен был включить в написанную им историю также и других людей, тела которых не были мумифицированы им самим). Итак, он должен был написать историю прежде всего тех людей, тела которых были им забальзамированы в Древнем Египте. Так Тит Ливий стал писателем-историком.

Я хотел бы, чтобы вы по возможности взяли римскую историю Тита Ливия и дали воздействовать на себя стилю его изложения, зная уже о тех кармических взаимосвязях, на которые я вам указал. И вы увидите, что примечательная человеческая пронизательность и вместе с тем склонность к мифу, пронизывающие стиль изложения Тита Ливия, могли быть приобретены им на основе его оккультных познаний как бальзамировщика о существовании человека. На такие связи впервые наталкиваются, когда предпринимают такие исследования. Но тогда свет проливается на некие другие вещи. Трудно представить себе происхождение стиля Тита Ливия, этого поразительного стиля, которым Тит Ливий как историк как бы «бальзамирует людей», которых описывает, — ибо он таков, в конечном счете, этот стиль, — трудно найти источник этого стиля. Но он становится ясным, если учитывать описанные кармические взаимоотношения.

Итак, вы видите эти две индивидуальности из Древнего Египта воплотившимися как Юлия и Тит Ливий. Как Юлия и Тит Ливий они снова проходят через врата смерти. Одной из этих душ довелось пережить многое: быть в Древнем Египте довольно сильным посвященным, но впадшим в искривленную его жизнь фривольность; испытать горечь последующего действия всего этого в жизни между смертью и новым рождением; затем в качестве Юлии испытать ее своеобразную жизненную судьбу (почитайте о ней!); потом пережить все то, что последовало за этим во время между смертью и новым рождением, — сильную антипатию против инкарнации

Юлии; и эта антипатия примечательным образом получила универсальный характер. Посредством интуитивного познания можно найти эту индивидуальность в той ее жизни между смертью и новым рождением и внять, как она словно кричит: «Ах, если бы я никогда не стала женщиной! Ибо к этому женскому существованию привело меня то, что я никогда совершила в древнем Египте!»

Можно дальше проследить судьбы этих двух индивидуальностей. Наступает Средневековье, и мы находим в его середине Тита Ливия как веселого поэта-песенника. Можно Удивиться тому, что находишь его там именно таким, ибо внешние профессии вовсе не взаимосвязаны, не передаются из воплощения в воплощение. Но можно пережить величайшее изумление, наблюдая за следующими друг за другом земными жизнями людей. И вот мы снова находим римского писателя-историка Тита Ливия, — с его стилем изложения, образовавшимся из познаний о существе человека, которые были обретены им при мумификации, — находим его в средневековом воплощении как поэта, занятого дальнейшей разработкой этого стиля, который отличался большой легкостью и теперь был словно возвышен до лирической легкости. Мы находим Тита Ливия в качестве Вальтера фон дер Фогельвейде* (*Ок. 1170 - ок. 1230.).

Вальтер фон дер Фогельвейде, который проживал в Тироле, имел нескольких покровителей, и один из них был замечательным человеком. Этот человек был «на ты» со всевозможными алхимиками, которые тогда в Тироле насчитывались дюжинами; он был владельцем замка, но всегда вращался среди всякого рода алхимических фигляров (если употребить выражение из современного актерского языка), однако при этом чрезвычайно много испытал и многому научился. Между тем, шатаясь среди алхимических фигляров, он стал интенсивно исследовать все оккультное (как позднее это произошло подобным же образом с Парацельсом). Он достиг весьма высокой способности оккультного восприятия и постижения и благодаря этому отыскал в Тироле нечто такое, о чем, собственно, было известно тогда уже только из преданий, — некую горную крепость в скалах, которая тогда не могла быть открыта никем другим. Ибо эта крепость — крепость короля гномов по имени Лаврин — была создана в скалах внутри пещеры. И демоническая природа владений короля гномов Лаврина произвела на упомянутую личность чрезвычайно сильное впечатление. Так что в ее душе соединились замечательные вещи: посвящение, низведенное до фривольности; озлобленность на женскую долю, вынудившую эту индивидуальность пребывать в римской безнравственной среде и вместе с тем претерпеть изгнание в силу римского лицемерия относительно нравственности; непосредственное, хотя и внешнее познание алхимических тайн, расширенное затем до свободного восприятия и постижение природных демонов и вообще дьявольского во всех царствах природы. И оба они — Вальтер фон дер Фогельвейде (если этого нет в его биографии, то все же это имело место) и этот человек — довольно часто бывали вместе. Вальтер фон дер Фогельвейде испытал сильное влияние со стороны этого человека.

Вы видите, как мы проследили здесь, так сказать, кармический закон в действии: две индивидуальности снова и снова воплощаются в одно и то же время, испытывая постоянное тяготение друг к другу, взаимно дополняя друг друга, изживая и выравнивая себя в своих противоположностях. Они все снова и снова одновременно призываются к воплощению на Земле. Интересно заметить, что своеобразие лирического стиля Вальтера складывается из того, что, с одной стороны, он как бы испытывает глубокое отвращение к своей прошлой профессии бальзамировщика трупов; но хотя он теперь и обращается к той стороне жизни, которая связана с радостным мироощущением, все же к этому примешивается некоторый оттенок пессимизма. Почувствуйте особенности стиля Вальтера фон дер Фогельвейде, и вы ощутите внутри этого стиля две предыдущие земные жизни

поэта. Почувствуйте беспоконную жизнь Вальтера фон дер Фогельвейде. Ее неблаполучие является напоминанием о том роде жизни, которая бывает у человека, столь долго имевшего дело с мертвецами и перегрузившего свою душу их многочисленными судьбами, как это имело место в случае бальзамирощика мумий.

А в дальнейшем... Видите ли, дальнейшее прослеживание этой кармической цепи привело меня опять в ту же самую комнату, — но на этот раз только интуитивно, в духе, — где в присутствии одного моего давнего знакомого (которого я также знал как египетскую мумию, — мумию, забальзамирощанную другим присутствующим) я нашел ту душу, которая, пройдя через жизни древнеегипетского служителя при бальзамирощике трупов, Тита Ливия, Вальтера фон дер Фогельвейде, была теперь воплощена в современном враче Людвиге Шлейхе* (*Людвиг Шлейх, 1859- 1922.).

Вот таким поразительным образом открываются кармические взаимосвязи в жизни людей. Кто вообще может познать посредством обыкновенного сознания земную жизнь человека?! Она может быть постигнута лишь тогда, когда знаешь, что, собственно, есть на дне той или иной души. Теоретически многие знают о том, что переживания прошлых, следующих друг за другом земных жизней откладываются на дне человеческой души. Но реальным, конкретным знанием это становится впервые лишь тогда, когда действительно ясновидчески созерцаешь это в конкретном случае.

Ясновидческий взор вновь покидает эту комнату, ибо другая личность, с которой я был давно знаком (и которая в Древнем Египте была мумифицирована именно упомянутым служителем-бальзамирощиком), не оставила после себя сколько-нибудь значительных следов. Но тотчас же открылся дальнейший путь высокопоставленного египтянина, бальзамирощавшего трупы, Юлии, открывателя волшебного замка Лаврина, а теперь — Августа Стриндберга* (*Август Стриндберг, (1849- 1912).).

И вот я попрошу вас рассмотреть всю жизнь и литературное творчество Августа Стриндберга в том контексте, о котором я говорил. Взгляните на своеобразное женоненавистничество Стриндберга, которое, собственно, вовсе не является таковым, ибо оно проистекает из совсем иных оснований. Проследите все то демоническое, что проходит через творения Стриндберга. Заметьте пристрастие Стриндберга к всевозможным оккультным искусствам и кунштюкам, — окиньте взором, наконец, авантюрную жизнь Августа Стриндберга! И тогда вы обнаружите, как отчетливо выступает эта жизнь на изображенном мною фоне.

И почитайте затем в воспоминаниях Людвиг Шлейха** (**«Благоразумное прошлое (жизненные воспоминания)».) (Берлин, 1922) о его отношениях с Августом Стриндбергом, например: «Это было в начале 90-х годов, когда в один прекрасный день мой коллега доктор Аш вошел с каким-то знакомцем в мой рабочий кабинет: «Вот, я привел Вам Стриндберга» (стр. 176) и вы опять увидите, как это изживается на фоне прошлых земных жизней! Но из мемуаров Людвиг Шлейха может пролиться еще некий свет, совсем особый свет, я сказал бы даже — приводящий в замешательство свет. Личность, у которой я встретил Шлейха и о которой мною было сказано, что она была мумифицирована самим Шлейхом в его древнеегипетской жизни, оказывается тем человеком, о котором Шлейх рассказывает, что он привел к нему Стриндберга. Оба они в древнем Египте работали вместе над ее трупом при мумификации; и эта душа, которая была в том теле, опять свела их вместе.

Таким образом, то, что сперва обсуждается теоретически относительно повторных земных жизней и кармы, потом становится конкретным. И лишь тогда то, что предстает в земной жизни, впервые становится доступным прозрению, пониманию. Так что та или иная конкретная земная жизнь остается совсем непостижимой, если она не может быть ясновидчески рассмотрена на фоне более ранних земных жизней.

Мои дорогие друзья! Когда я обсуждаю такие вещи, то у меня возникает некоторое ощущение. Эти вещи, которые стало возможным обсуждать после нашего Рождественского собрания, — эти вещи, если хотят увидеть их в верном свете, требуют от слушателей истинной серьезности — серьезного настроения и серьезного пребывания внутри антропософского движения, ибо эти вещи очень легко могут привести к всевозможным фривольностям. Однако эти вещи должны быть изложены, так как ныне необходимо, чтобы Антропософское общество строилось на фундаменте серьезности и сознательно относилось к своей задаче внутри современной цивилизации.

Поэтому после того, как я таким образом заложил основание, я хотел бы в следующей лекции, которая должна состояться в среду в половине девятого, говорить о карме Антропософского общества, чтобы затем в последующих лекциях, которые еще будут объявлены, перейти к тому, чем могут стать такие кармические рассмотрения для человека, который хочет рассмотреть свою собственную жизнь сообразно ее более глубокому смыслу.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 10 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Наше понимание хода истории человечества и нашей собственной жизни будет верным лишь в незначительной степени, если мы будем их рассматривать только с внешней стороны, привлекая только то, что разыгрывается в нашей земной жизни между рождением и смертью. Невозможно узреть внутренние мотивы истории и жизни, если взор не направляется на то, что является духовной основой внешних физических событий. Когда излагают всемирную историю и описывают события, разыгрывающиеся в физическом мире, обычно охотно утверждают, что эта всемирная история показывает века и представляют их в качестве последствий событий первого десятилетия и так далее. Но это может привести только ко всевозможным иллюзиям! Это выглядит так, как если бы мы, наблюдая волнуемое море, стали рассматривать каждую вздымающуюся волну как следствие предыдущей, между тем как силы, вздымающие волны, действуют снизу. Так это и есть: причины того, что происходит в историческом становлении или в судьбе человека, скрыты в духовном мире, и только крайне незначительная часть их заключена во внешних событиях.

Я хотел бы на нескольких примерах показать, как для изучения того, что лежит в основе происходящих событий, в эти события должны быть включены и духовные события. Современная эпоха в духовном отношении связана ведь с тем, что в духовной жизни называется правлением Михаила. Это правление Михаила опять-таки связано с тем, чего в глубочайшем смысле хочет также антропософское движение, — с тем, что является его задачей. Так что с событиями, о которых я буду говорить, связаны также судьба, карма Антропософского общества и вместе с тем карма подавляющего большинства личностей, которые находятся в этом Антропософском обществе (о чем мы поговорим в следующий раз). Многие из того, чего я коснусь сегодня вечером, большинству из вас уже известно из предыдущих лекций. Но я хотел бы уже известное вместе с менее известным рассмотреть с некоей определенной точки зрения.

Вы видите, мои дорогие друзья, как со времени Мистерии Голгофы христианство непрерывно развивается, проходя через цивилизованный мир. И я прежде неоднократно говорил о том, в чем состояло значение этого христианского развития на протяжении сменяющих друг друга столетий. Но нельзя отрицать и того, что в это христианское развитие вмешивалось и нечто иное. Ибо если бы это не имело места, тогда наша нынешняя культура не была бы пронизана тем мощным материализмом, каким она в действительности пронизана.

Правда, нельзя отрицать того, что в этот материализм внесли значительный вклад как раз христианские церковные вероисповедания, — тем

не менее он возник, собственно, не из христианских, а из других импульсов, которые извне влиялись в христианское развитие.

Мы видим, как на Западе в конце VIII — начале IX века такая личность как Карл Великий повсюду распространял христианство, хотя и таким способом, с которым мы — с нашими нынешними гуманными понятиями — не всегда согласны. Она несла христианство в среду живших тогда в Европе еще некрещеных народов. Среди них особенно примечательны те, которые оказались в сфере влияния походов, предпринимавшихся из Азии через Северную Африку на Европу со стороны арабизма, магометанства. Нам надо в связи с этим постичь магометанство в широком смысле слова.

Мы видим, как через пятьсот с лишним лет после Мистери Голгофы в магометанстве возрождаются все древние мировоззренческие элементы арабизма. Многие из этого, связанное с богатой, но по своему духу нехристианской ученостью, благодаря сокрушительным военным походам из Азии через Северную Африку, получило распространение на Западе и юге Европы. Мы видим, как этот поток арабизма постепенно иссякает, — но иссякает преимущественно для внешнего мира: он остается внутри развития духовной жизни. В то время как более внешний способ распространения арабизма в Европе уже иссякал, вы видите, как арабизм распространяется неким внутренним способом (и это тот самый случай, когда мы должны обратить свой взор от внешней истории к ее духовному фону). В последней лекции о казахских взаимосвязях я уже говорил вам, что, исходя из внешнего положения человека в жизни, мы не можем сделать никаких заключений о том, какой была его прошлая земная жизнь, ибо тут все дело в гораздо более внутренних импульсах. Также и у исторических личностей их судьбы восходят к гораздо более внутренним импульсам. И мы видим, как результаты более ранних эпох переносятся в более поздние эпохи самими людьми, их индивидуальностями, но мы видим, как при этом перенесении эти результаты изменяются. Так что без дальнейшего духовного исследования, только на основании внешних наблюдений, мы не можем вновь узнать их в той новой форме, в которой их представляет вновь воплотившаяся индивидуальность. И вот мы хотим охватить взором одно такое внутреннее течение.

В то самое время, когда Карл Великий распространял христианство (распространял примитивным способом, связанным с тогдашней европейской примитивной образованностью), на Ближнем Востоке жила одна личность, которая по сравнению с Карлом Великим находилась на гораздо более высоком уровне, — Гарун аль Рашид. Гарун аль Рашид правил при своем дворе в Передней Азии самых замечательных и знаменитых духовных деятелей того времени. И насколько более блестящим был двор Гарун аль Рашида, чем прославленный двор Карла Великого! Мы находим при дворе Гарун аль Рашида архитектуру, поэзию, астрономию, географию, историю, знания о человеке, — и все это представлено самым блистательным образом, в лице самых блистательных деятелей, многие из которых еще несли в себе познания древней науки посвящения.

В особенности замечаем мы при Гарун аль Рашиде (который являлся организующим духом высокого порядка и из своего двора хотел создать, я бы сказал, некую всемирную академию, где в едином великом органическом целом совместно действовало бы то, что в разрозненном виде имелось на Востоке в искусстве и науке), — мы видим при Гарун аль Рашиде в качестве его спутника одну личность, которая как раз несла в своей душе элементы древнего посвящения.

Дело ведь обстоит не так, что тот человек, который был в более ранней инкарнации посвященным, должен и в следующем воплощении быть посвященным. Вы, мои дорогие друзья, можете ведь поднять вопрос, который встает в связи с некоторыми утверждениями, высказанными в этих лекциях: ведь должны же существовать древние посвященные, куда же они ушли?

Разве они опять не воплощались? Где они теперь? Где они были в последние столетия? — Так вот, они уже были опять воплощены; однако тут надо принять во внимание, что тот человек, который в ранней инкарнации был посвященным, вынужден в своей позднейшей инкарнации воспользоваться именно той внешней телесностью, которая может быть предоставлена ему новой эпохой. Человеческое развитие в Новое время не дает таких тел, которые внутренне были бы столь послушными, гибкими и мягкими, чтобы в них могло непосредственно вступить то, что в более ранней инкарнации жило в индивидуальности. Таким образом, посвященные, снова воплотившись, получают другие задачи, и в импульсах их деятельности теперь уже бессознательно действует то, что раньше выступало в форме посвящения.

Итак, жил при дворе Гарун аль Рашида некий второй организатор, обладавший необычно глубокими прозрениями, полученными путем посвящения, правда, не в этой инкарнации, — некий советник, оказавший Гарун аль Рашиду немало неоценимых услуг.

Обе эти личности, Гарун аль Рашид и его советник, прошли через врата смерти. И после того как они вступили в духовный мир, они узрели оттуда последние фазы распространения арабизма: с одной стороны, через Африку в Исламию и затем далеко в Европу, а с другой стороны — в Центральную Европу. Оба этих потока представляли собой мощные силы, и Гарун аль Рашид многое сделал в своей жизни с целью способствовать распространению арабизма в физическом мире.

Этот арабизм получил особый облик при дворе Гарун аль Рашида, — облик, который вел свое происхождение от некоторых других форм познания и искусства, которые уже с давнего времени стали характерны для Азии. Последняя великая волна развития в Азии возникла из предшествовавшей эпохи Михаила — из греческой духовной жизни, греческой спиритуальности, из греческого художественного чувства, объединенных между собой благодаря общению Аристотеля с Александром Великим. Все это как цвет греческой культуры было необычайно энергичным образом (но вместе с тем и образцовым для духовного распространения) перенесено во время завоевательных походов Александра Великого в Азию и в Африку и было пронизано тем образом мысли, который нашел свое научное выражение в аристотелизме, распространившемся затем в Передней Азии и в Африке. Потому восточный арабизм формировался сообразно тем импульсам, которые усвоила Греция времен Аристотеля и которые затем, благодаря завоеваниям Александра и основанию им новых городов, нашли столь блистательное распространение.

Если мы обратимся ко временам за несколько столетий до Мистерии Голгофы, — вплоть до времени походов Александра и распространению благодаря ему тех сокровищ мудрости, о которых я сейчас упомянул, — то увидим, что уже на протяжении ряда столетия до Гарун аль Рашида, который жил в VIII веке христианского летосчисления, в тамошней Азии наличествовал образ мыслей, способный воспринять импульс греческой духовной жизни в ее аристотелевском варианте. Однако это приняло там своеобразные формы. Хотя эта высокая духовность производила величественное впечатление при проникновении арабизмом в дворе Гарун аль Рашида; хотя она культивировалась Гарун аль Рашидом, его советником да и всеми прочими, и хотя все это было даже пронизано древней восточной мудростью мистерий, — все же то, что как аристотелизм жило при дворе Гарун аль Рашида, не было подлинно тем, что было возвращено в общении Аристотеля с Александром. Оно приняло формы, которые не хотели приспособляться к христианству.

Итак, мы видим там блистательно культивируемую под эгидой Гарун аль Рашида и его советника некую форму аристотелизма, «александризма», которая представляла собой своего рода враждебный христианству полюс, приняв духовный облик своеобразного пантеизма, который не хотел

соединяться с христианством, — согласно своей внутренней сущности, не мог соединиться с христианством.

С таким душевным строем, примыкающим к античной духовной жизни, которая не хотела влиться в христианство, прошли Гарун аль Рашид и его советник через врата смерти. Вся их забота, все их устремление, вся их сила были — после того, как они прошли через врата смерти, — направлены на то, чтобы теперь уже из духовного мира продолжать вмешиваться в ход исторического развития, способствуя распространению духовной жизни арабизма из Азии в Европу (которое раньше происходило внешним образом — путем войн и т. п.). После смерти они посылали из духовного мира вниз духовные импульсы, которые были призваны приобщить арабизмом духовную жизнь Европы.

Итак, вы видите, что Гарун аль Рашид после смерти предельно следует следующему развитию: от Передней Азии через юг Европы, через Испанию проследивает он из духовного мира распространение арабизма и содействует его продолжению. Другая же индивидуальность, живущая теперь в духовном мире, наблюдает и неким образом переживает то, что происходит внизу, в физическом мире; он в известном смысле принимает в духовном мире поход, который в своей земной проекции совершался бы в направлении к северу от Черного моря — в сторону Центральной Европы.

Так направляем мы наш взор ввысь к этим индивидуальностям, к их духовным странствиям, которые указанным образом могут проецироваться вниз на физический план. Вы ведь знаете уже также из истории, как аристотелизм и сказание об Александре распространялись внутри христианства. В IX, X, XI, XII и еще XIII столетиях к самым популярным в Европе сюжетам принадлежал сюжет, связанный с Александром Великим. И тут мы имеем чудесную поэму монаха Лампрехта — его песнь об Александре, в которой все деяния Александра связываются с духовным миром. Описаны воспитание и жизнь Александра, его походы в Азию. Однако повсюду особенно подчеркнут духовный аспект земной жизни Александра. Ведь со всей земной жизнью связано духовное, но обыкновенное сознание этого не воспринимает. Все это было в данной средневековой обработке сюжета об Александре. И таким образом аристотелизм распространяется вплоть до схоластики, повсюду налицо аристотелевские понятия. Но это есть лишь другой полюс: там, в Азии, аристотелизм развивается в арабской форме, здесь — в христианской форме. Песнь об Александре вся проникнута христианским образом мыслей, — аристотелизм в Европе выступает во вполне христианском облике.

И здесь разыгрывается нечто примечательное: христианские учителя Церкви, вооруженные в своих душах Аристотелем, борются против представителей арабизма, которые принесли из Азии в Испанию другого Аристотеля и распространили там свое нехристианское учение. Мы везде видим на картинах, которые были написаны позднее, как отцы христианской Церкви борются с этим аристотелизмом с помощью того оружия, которое они получили от Аристотеля; они поражают ногами Аверроэса и других, которые на свой лад представляют тот аристотелизм, который через Александра пришел в Европу.

Это разыгрывается во внешнем мире. Однако, исходя из духовного исследования, надо сказать следующее: после того как Гарун аль Рашид и его советник прошли через врата смерти, они продолжали жить упомянутым образом дальше. Само собой разумеется, что в духовном мире продолжали жить также Александр и Аристотель. Но сами они, их реальные индивидуальности, которые лишь однажды и, можно сказать, мимоходом заглянули в земную жизнь в первые века христианства (причем в стране, интересной с антропософской точки зрения), но потом опять отошли в духовный мир, — эти индивидуальности оказались в духовном мире спустя уже некоторое время после того, как Гарун аль Рашид и его советник

оставили физический план. Аристотель и Александр следовали иными путями; их реальные индивидуальности шли вместе с христианским развитием, — они продвигались на Запад вместе с христианским развитием.

И вот в IX столетии разыгралось нечто крайне важное, в высшей степени существенное. Но то, что теперь из духовного мира руководит духовными событиями в Европе, — это неожиданным образом совпадает в сверхчувственных мирах с неким свершением. Нечто чрезвычайно значительное совершается в сверхчувственных мирах именно в 869 году. В духовных высях совершается нечто чрезвычайно значительное; внизу же, в земном мире, происходит восьмой вселенский собор в Константинополе, на котором был провозглашен догмат: если хочешь быть христианином, то не смей говорить, что человек, состоит из тела, души и духа. Идея троичности — трихотомия, как ее называли — была объявлена ересью.

Раньше, говоря об этом, я часто повторял, что на этом соборе 869 года был отменен дух; отныне считалось, что человек состоит из тела и души и что душа имеет некоторые духовные свойства. То, что тогда произошло в Константинополе, было лишь некоей земной проекцией, не просто, впрочем, распознать, проекцией чего, собственно, это было. Это было проекцией одного духовного, причем для европейской духовной истории чрезвычайно важного события, которое, правда, растянулось на многие годы, однако, возможно, было приурочено к этому моменту времени.

К IX столетию в духовной жизни европейского человечества уже полностью было утрачено то, что в первые христианские века было еще вполне доступно истинным христианам, а именно, знание о том, что Христос был Существом, Которое раньше было в Солнце, что Его жизнь была связана с Солнцем, — и что Христос воплотился в теле Иисуса из Назарета. Христос как Солнечное Существо в силу Его обитания в Солнце был до Мистерии Голгофы связан с космическим миром; и не только Солнечным Существом является Христос, но также и тем Существом, Которое связано со всем, что планетарно соотносено с Солнцем; знание об этом было доступно первохристианам. Но это знание о космическом происхождении Христова импульса уже отсутствовало в IX столетии. Величие Христова импульса, так сказать, подверглось умалению. Люди все больше и больше обращались к тому, что они называли чисто человеческим, то есть к тому, что разыгрывается лишь на физическом плане. Читая Евангелия, оставляли без внимания то, что указывало на Космос, и содержание Евангелий излагали как некий земной эпос.

Чтобы верно понять то, что, собственно, при этом происходит, надо уяснить себе, что реально в процессе развития человечества христианство существовало и до Христа, то есть до Мистерии Голгофы. Надо со всей серьезностью принять слова святого Августина, который говорил, что христианство было всегда, но что те, кто исповедовал христианство до Мистерии Голгофы, назывались не христианами, а по-другому. Однако это выражение Августина лишь внешне и приблизительно передает чрезвычайно глубокий и значительный смысл. В истинных мистериях и даже в тех местах, где не было мистерий, но куда проникали мистериальные знания и импульсы, — там везде еще до Мистерии Голгофы существовало христианство. Но только там говорили о Существо Христе как о Существо, Которое присутствует на Солнце, — Которое можно узреть тогда, когда, благодаря мудрости мистерий, человек продвигается настолько далеко, что ему становится доступным лицезрение духовного, фактического содержания жизни Солнца.

Так говорили в древних мистериях о Христе, который должен прийти в будущем. Говорили не о каком-то земном Христе, который жил на Земле и который там присутствует, но о Христе грядущем, пришествие которого когда-то произойдет, но которого тогда искали на Солнце. Такое учение распространялось также и в позднейшие времена в тех местах, куда

христианство еще не достигло в течение христианских столетий.

И вот недавно, благодаря пребыванию в Англии, когда я читал летний курс лекций в Торки* («Сознание посвященных Истинные и ложные пути духовного исследования» (ПСС, том 243).) на западе Англии, по близости от того места, где некогда бывал король Артур со своими приближенными (мы посетили это место), — именно там открылось некое запоздалое проявление дохристианского христианства. Там до позднейших времен сохранилось то, что есть в сказании об Артуре и что нынешняя ученость, не слишком считающаяся с положением вещей, относит к сравнительно поздним временам. Но это восходит к очень ранним временам. И действительно, получаешь глубокое впечатление, когда стоишь на этом месте* («Тинтагель в Корнуолле») и взираешь оттуда на море подобно тому, как некогда отсюда смотрели на море рыцари Круглого стола, рыцари короля Артура. Впечатление такого рода, при известной восприимчивости, поведает, что, собственно, делали эти рыцари круглого стола, рыцари Артура, в том гигантском замке, от которого сохранились, как последние свидетели, разбитые каменные глыбы.

С этого места руин, которые все еще производят могучее впечатление, взглянем на море. Это — горная вершина, по обеим сторонам которой — море. В этой области находишься под воздействием ежечасных перемен погоды: то видишь сияющее Солнце, отражающееся в море, то вслед за этим тотчас налетает буря. Когда все это обзираешь оккультным взором, то получаешь величественное впечатление. Тут творят и живут элементарные духи, выступающие из дефигурирования света, атмосферы и пенящихся и бьющихся о берег волн. Благодаря этому впечатлению от взаимодействия тех элементарных духов, которые живут во всем тут происходящем, еще и теперь можно увидеть, как Солнце в его сущности воздействует на земное бытие, встречаясь с восстающими снизу, из Земли, спиритуальными элементарными духами, стихийными силами. Тут получаешь сегодня такое впечатление: прежде это было непосредственным, первоначальным источником инспираций для двенадцати рыцарей короля Артура.

Тут стояли Артуровы рыцари Круглого стола, наблюдая эту игру стихий света, воздуха, воды и земли, — игру элементарных духов. И можно было также узреть, что эти элементарные духи были посланцами, несущими вести от Солнца, Луны и звезд; это затем переходило в импульсы рыцарей. Так было в старые времена. Многое сохранилось в течение христианских столетий, предшествовавших IX столетию, о котором я сегодня говорю.

Задачей ордена Артура, который был основан тут по наставлению Мерлина, было вносить культуру в Европу, когда Европа в своей духовной жизни еще находилась под влиянием самых странных элементарных существ. И в гораздо большей степени, чем ныне думают, в древнюю жизнь Европы — в непосредственную человеческую жизнь — повсюду вмешивались элементарные сверхчувственные существа.

Прежде чем туда пришло провозвестие христианства, это сохранялось там в своих древних формах, ибо, как было сказано, Артурова жизнь восходит к дохристианским временам. Сохранялось в те времена и знание (инстинктивное, но вполне отчетливое) о Христе, о Солнечном Духе, существовавшее еще до Мистерии Голгофы. И в деяниях рыцарей Артурова Круглого стола жил сам этот космический Христос, Который — только не под именем Христа — присутствовал также в том порыве, с которым Александр Великий нес в Азию греческую культуру с ее спиритуальной жизнью. — Это были, так сказать, «александровы» походы, которые совершались по Европе рыцарями Артурова Круглого стола по образцу похода Александра Македонского в Азию.

Я рассказываю об этом, чтобы на данном примере (исследованном совсем недавно) показать, как тогда совершалось служение Солнцу, то есть древнее служение Христу, — но само собой разумеется, тому Христу, каким

Он был для людей до Мистерии Голгофы, когда все было космическим, — даже при переходе Космоса в земные стихии. В элементах духа, которые жили в свете и воздухе, в воде и земле, присутствовало космическое; тогда при познании невозможно было отрицать наличие во всем этом космического. Тогда, в IX столетии, в европейском язычестве еще жило много дохристианского христианства. Своеобразие этого времени в том, что эти последние представители европейского язычества воспринимали космического Христа, гораздо достойнее понимали Христа, чем те люди, которые принимали Христа через официально распространяемое христианство.

Когда мы ясновидчески воспринимаем эту жизнь вокруг короля Артура, как она продолжается вплоть до современности, тогда мы замечаем, каким неожиданным образом она властью кармы, властью судьбы вдруг вступает в современность. Я мог ясновидчески узреть одного рыцаря — члена Артурова Круглого стола, который очень проникновенно вел жизнь члена этого ордена, даже несколько обособляясь от остальных, которые больше предавались рыцарству. Это был рыцарь-созерцатель, — впрочем, не похожий на рыцарей Грималья, — это в окружении короля Артура не имело места. То, что предпринимали его рыцари и на что они смотрели как на свои задачи, было большей частью тем, что соответствовало тогдашнему времени военных походов и что можно назвать поисками приключений, авантюрами. Но один из них, отличающийся от других, обнаруживал в образе своей жизни многое из того чудесного, что было в его инспирации. Эти рыцари поднимались на приморский мыс, взирали на чудесную игру облаков вверху, на прибой волн внизу, — на их взаимодействие, которое еще и сегодня производит мощное, величественное впечатление; они созерцали в этом духовное, тем самым получая инспирацию. Благодаря этому они обретали свои силы. Но среди этих рыцарей был один, который обладал особенно пронизательным взором в отношении этих морских волн с их рябью, — в отношении того, как духовные существа резвятся в ряби этих волн, являя свои гротескные на земной взгляд фигуры. Он обладал удивительным прозрением в то, как величавое, чистое солнечное воздействие вступало в игру с остальной природой, жило и творило в духовном деянии и плетении этой подвижной морской поверхности. Он жил в том, что можно узреть сквозь эту влажную атмосферу в несомой ею световой природе Солнца, которая тут иным образом, чем в других странах, выступала в деревьях и в пространстве между деревьями: она высвечивала, играя временами радужными красками, в пространстве между деревьями.

Таким был этот рыцарь, который имел восприимчивый взор для этих вещей. И мне захотелось проследить его жизнь дальше, — рассмотреть эту индивидуальность дальше, ибо в позднейшей инкарнации из этой почти примитивно языческой и лишь в широком смысле христианской жизни должно было бы получиться нечто интересное. Действительно, именно этот рыцарь Круглого стола Артура снова воплотился как художник Арнольд Бёклин. И эта загадка, которая необыкновенно долго преследовала меня, смогла разрешиться только в связи с Артуровым рыцарским орденом Круглого стола. Вы видите, что тут мы имеем христианство до Мистерии Голгофы, которое еще сегодня можно ощупать духовными руками и которое еще просвечивало в то время, которое я здесь обрисовал.

Личности, которые прошли через врата смерти и которые хорошо знали о том, что христианство существовало и до Мистерии Голгофы, встретились, когда в Константинополе происходил восьмой вселенский собор, — они встретились, я бы сказал, на происходившем одновременно с этим некоем Небесном Соборе; там встретились Аристотель, Александр, Гарун аль Рашид, его советник и некоторые из рыцарей Артурова Круглого стола.

Тогда желавшие действовать в христианском смысле Аристотель и Александр приложили много усилий, чтобы преодолеть арабизм, живший в индивидуальностях Гарун аль Рашида и других. Это не удалось. Те

индивидуальности не были способны к этому. Но произошло другое: чтобы стать глубже и проникновеннее, чем это было при довольно грубых обычаях рыцарей короля Артура, древнее космическое христианство продолжало дальше жить в людях, связанных с Круглым столом Артура. И тогда же на этом Небесном Соборе, чтобы противостоять тому, что, как можно было предвидеть, произойдет в будущем, были — при поддержке Михаила — Александром и Аристотелем приняты решения по поводу того, каким образом духовная жизнь в Европе должна получить новые импульсы в смысле христианизированного александризма, христианизированного аристотелизма.

Но Гарун аль Рашид и его советник остались при своем. И результаты этого, если я смею так выразиться, Небесного Собора в истории европейской духовной жизни возымели величайшее значение. Ибо если мы направим взор на дальнейшее странствование Гарун аль Рашида в духовном мире, то мы найдем, что этот чудесный организатор, этот величавый дух из времен Карла Великого опять появляется на Земле. Он появляется уже в христианской среде, но по-прежнему несет в себе импульс арабизма, который оставался с ним и в жизни между смертью и новым рождением. Однако для такой индивидуальности нет нужды в том, чтобы внешняя конфигурация, в которой она теперь выступает в физическом мире, была подобна арабской. Это содержание изживается теперь в новых формах, — но тем не менее остается в этих новых формах по существу старым, — остается магометанством, арабизмом.

Это действительно проявляется в европейской духовной жизни: Гарун аль Рашид опять появляется на Земле, перевоплотившись в Бэкона Веруламского. С другой стороны, советник Гарун аль Рашида, перевоплотившись в Центральной Европе, широко затем действует там как Амос Коменский. Многие в европейской духовной жизни произошло в связи с тем, что именно эти вновь воплотившиеся индивидуальности Гарун аль Рашида и его советника, действуя в этих своих новых человеческих обликах, внедрились в Европу.

Вы видите, что сначала нечто подготавливается, а позднее действительно происходит. Ибо то, что позднее выступает в Бэконе и Амосе Коменском, до того воздействовало из духовного мира, приняв особенно интенсивные формы в результате упомянутого сверхчувственного Собора 869 года.

В противовес этому действует другой полюс — христианизированные александризм и аристотелизм. Это выразилось прежде всего в многообразных влияниях, проявившихся в тех уединенных местах, где возвращалась христианская духовная жизнь. Взглянем на одно из таких мест — на школу Шартра. Школа Шартра, процветавшая в XII столетии, совершила великий спиритуальный прорыв. Сильвестр Шартрский, Алан Островитянин и другие умы, которые были связаны со школой Шартра или учили в ней (как Алан Островитянин или Сильвестр), обладали многим из древней мудрости посвящения, хотя их и нельзя назвать в точном смысле слова посвященными. Книги, написанные ими, выглядят как набор слов. Но в то время было невозможно то, чему хотели придать полноту жизни, выразить в книгах иначе, чем посредством риторики, то есть своего рода набора слов. Но тот, кто умеет читать, распознает в этих книгах то, чему учили своих многочисленных учеников великие учителя Шартра, — учили блистательным, чудесным, спиритуально проникновенным образом.

Тогда над европейской духовной жизнью действительно сияла спиритуальная звезда в лице школы Шартра, где и теперь высются чудесные, поражающие своей архитектурой соборы, воочию являющие труд столетий.

Во многих других местах также жила спиритуальная жизнь — спиритуальное прозрение в мир природы, отличающееся от ее позднейшего истолкования; была духовная жизнь, которая и действовала на духовных путях. Интересно, что эта духовная жизнь, эта спиритуальная жизнь распространялась многообразно. В отдельных местах Франции мы можем

проследить, как, исходя из Шартра, достигая юга Франции и даже Италии, дух Шартра жил в учениях тамошних школ, жил самым спиритуальным образом.

Интересно, что Брунетто Латини, который одно время был послом в Испании, когда он возвращался обратно и еще вдали от своего родного города услышал о бедствии, постигшем Флоренцию, то он пережил сильное душевное потрясение, которое совпало с легким солнечным ударом. В таком состоянии человек легко становится доступным для спиритуальных влияний, распространяющихся спиритуальным же образом. Известно, что Бруно Латини на обратном пути во Флоренцию пережил некий род стихийного посвящения. Он стал учителем Данте. Спиритуальность «Божественной комедии» Данте происходит от тех учений, которые Брунетто Латини преподал своему ученику Данте.

Во всем этом живет как раз то, что, можно сказать, было выработано на сверхчувственном Соборе 869 года. Ибо инспирация учений Шартра, инспирация для Брунетто Латини, а также инспирация для Данте, внесшая в поэму Данте конкретный элемент, — все это связано с тем импульсом, который пришел из этого сверхчувственного собрания в IX христианском столетии.

Когда ясновидчески всматриваешься в эти вещи, то при этом обозреваешь всю европейскую духовную жизнь — от древности Александра Великого, через время Мистерии Голгофы и вплоть до времени школы Шартра. А если двигаешься еще дальше и рассматриваешь взаимодействие сверхчувственных вещей с их темными отражениями в физическом мире, тогда начинаешь впервые действительно понимать то, что ныне можно назвать течением Михаила.

Затем можно всмотреться в то, чего хочет — в смысле Михайлова течения — антропософское движение. Об этом мы намерены говорить в следующий раз.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 12 сентября 1924 г.

Если мы хотим, чтобы человеческое мышление и деяние вновь были пронизаны духовной жизнью, тогда необходимо со всей серьезностью воспринять такие ясновидческие представления о духовном мире, какие были проведены перед нашими душами в последних лекциях, так как в течение столетий именно их недоставало цивилизованному человечеству.

Направляя свой взор в прошлое на различные эпохи исторического развития человечества, мы видим, как в более ранние времена человеческие деяния на Земле повсюду были связаны с тем, что совершается в сверхчувственном мире. Дело обстоит не так, как если бы у большей части человечества в последнее время отсутствовало абстрактное знание о сверхчувственном: этого нельзя сказать. Но отсутствует мистическое, необходимое для того, чтобы связать конкретно происходящее в земном мире с конкретными свершениями духовной жизни и ее творчества.

Мы приступаем к этому с уже предпринятыми нами наблюдениями. Когда мы рассматриваем земную жизнь человека, то мы можем привести ее в связь с жизнью между смертью и новым рождением; и мы можем то, что происходит в земной жизни того или иного человека, связать с тем, что совершается в ряду следующих одна за другой земных жизней.

Мы начали рассматривать духовно-сверхчувственное течение, которое связано с современным течением Михаила. На служение последнему поставлена антропософия. Тем самым мы вступили на путь, который должен привести нас к карме самого антропософского движения и тем самым — к карме отдельных личностей, которые честным образом, то есть исходя из непосредственного внутреннего порыва, связали жизнь своей души, своего духа с антропософским движением.

Я обратил ваше внимание на то, как в то самое время, когда на Земле в

869 году имел место вселенский собор, оказавший в дальнейшем глубокое влияние на культурную жизнь всего христианского Средневековья, под эгидой Михаила совершилось одно сверхчувственное событие. Надо отметить ту глубокую боязнь, вследствие которой просвещенные умы Средневековья избегали говорить о трехматном составе человека из тела, души и духа. Ибо этот восьмой вселенский собор в Константинополе объявил учение о трехчастном человеке еретическим, и при той власти, какую имели такие духовные постановления в Средние века, становится понятным, почему вся духовная жизнь в этой части Земли оказалась помрачена.

Но тем интенсивнее становится та духовная жизнь, которая с древнего времени готовит Михаилово течение XX столетия, — то Михаилово течение, в котором мы находимся с последней трети XIX столетия и в котором мы, как и все человечество, будем находиться еще три или четыре столетия. Сегодня мы хотим указать на поступательное развитие этого течения, чтобы послезавтра приблизиться к тому, что связано, с одной стороны, с кармой антропософского движения, а с другой стороны — кармически связано с духовной жизнью современности.

Я уже говорил о том, что на своего рода сверхчувственном надземном Соборе, состоявшемся в то самое время, когда имел место восьмой вселенский собор в Константинополе, встретились индивидуальности Гарун аль Рашида и его муромского советника с индивидуальностями Александра и Аристотеля; там находились также некоторые индивидуальности из того времени, когда имело место Артурово рыцарское служение. И, как я разъяснил, все это произошло под эгидой Михаила.

Потом я обратил ваше внимание на то, как Гарун аль Рашид снова появился на Земле, перенесся в Европу восточную духовную жизнь вместе со ставшим нехристианским учением Аристотеля, — появился как лорд Бэкон, Бэкон Веруламский, имевший большое влияние на духовную жизнь Европы, проявившееся, однако, лишь в материалистическом смысле. И я обратил ваше внимание на то, как охарактеризованный мною советник Гарун аль Рашида снова появился в лице Амоса Коменского, о котором можно сказать много хорошего, но который, с другой стороны, в своем стремлении ввести в школьное обучение образную наглядность, способствовал материализму тем, что резко акцентировал непосредственную чувственную наглядность.

Вы видите, как тогда, в конце XVI — начале XVII столетия, вошло в земную жизнь то течение, которому было не по пути с прямым продолжением христианства и которое вошло в европейское духовное развитие чуждый христианству элемент. Но с другой стороны, действовали также дальше, — правда, теперь в сверхчувственных мирах, — индивидуальности Аристотеля, Александра и всех тех, кто примыкал к ним, будучи связанными с течением Михаила.

Но, кроме того, внутри этого течения действует — частично в сверхчувственных мирах, а частично на самой Земле — еще некое начало, — действует через некоторых личностей, которые находились в связи с этим сверхчувственным течением, когда переживали время между смертью и новым рождением; они затем появлялись на Земле в течение ближайших столетий. Эти личности были больше связаны не с александризмом, не с аристотелизмом, а с Платоном и со всем тем, что потом выросло из воззрений Платона.

И мы видим, как в столетиях, следующих за IX веком, на Земле воплощаются платонически ориентированные духи. В Средние века они продолжали развивать то учение, которое официальным христианством, официальным католицизмом рассматривалось как еретическое, но которое было истинным христианским учением. Те индивидуальности, которые продолжали христианский аристотелизм, задерживались в духовных мирах, ибо на Земле в IX-XII столетиях для этого духовного течения не было — согласно условиям развития — никакой опоры. Наоборот, те, кто имел

преимущественно платоновский образ мыслей, могли с особой интенсивностью развиваться в некоторых изолированных духовных местах. Мы находим в среде официального, все более и более распространяющегося католического христианства в некоторых школах таких личностей, которые продолжали древнюю традицию мистерий и, исходя из нее, проливали свет на христианство. И таким местом, куда влилось все то, что продолжало традицию мистерий, была спиритуальная школа Шартра, внутри которой действовали такие умы как Бернард Сильвестр, Алан Островитянин и другие, о которых я часто упоминал в последнее время.

Что же, собственно, такое пришло тогда для развития духовной жизни и, в конце концов, влилось в эту замечательную школу Шартра, которая известна людям лишь с ее внешней стороны? Это есть некая духовная жизнь, которую, в сущности, полностью проспали в Новое время, — духовная жизнь, в которой еще вращивались древние традиции мистерий. Внутри этой духовной жизни мы, в частности, везде находим в качестве господствующего духовно-проникновенное воззрение на природу, которое целиком отличается от того абстрактного естествознания, которое позднее проникло во все круги человеческого общества и которое знает законы природы, выраженные в одних лишь понятиях.

То, что это духовное течение переносило из природы в человеческую душу, было чем-то всецело одухотворенным, — было живым деянием и самой жизнью, а не лишь абстрактными, мертвыми, понятийными законами природы. Тогда еще мало обращали внимание на то, что позднее стало вызывать восхищение людей, — на современные химические элементы. Но тем больше взирали на то, что называлось «элементами» в старом смысле, — на землю, воду, воздух, огонь. В тот самый момент, когда эти элементы познавали не просто в словах, но посредством традиции, еще пронизанной духом древнейших мистерий, — в тот самый момент лицецерели то, что отсутствует в наших современных 70-80 химических элементах, но наличествует в тех четырех элементах, а именно — мир элементарной духовности, мир определенных элементарных существ, в который тотчас погружаешься, как только вживаешься в эти четыре стихии.

И затем лицецерели, как сам человек в отношении его внешней телесности причастен к этой жизни и творщей деятельности земли, воды, воздуха, огня, — лицецерели, как это становится в нем органическим образованием. И тогда те, кто таким образом всматривался в жизнь и творящую деятельность этих четырех стихий, усматривали в этом не какие-то «законы природы», но за землей, водой, воздухом, огнем прозревали великое живое существо — богиню Природу. И они получали из этого прозрения непосредственное ощущение того, что богиня Природа сперва обращается к человеку только одной половиной своего существа, другая же половина ее существа сокрыта в том мире, в котором человек находится во время сна, от засыпания до пробуждения, где «я» и адвальное тело человека пребывают в духовном окружении, составляющем основу мира природы, — пребывают совместно с элементарными существами, лежащими в основе элементов природы. И мы повсюду в упомянутых изолированных духовных местах и школах находим учителей, которые в больших или меньших человеческих группах говорят о том, как богиня Природа в своих внешних проявлениях, которые предстают человеку в его бодрственном состоянии, обнаруживает одну часть ее живого и творческого существа, — но при этом во всех стихийных явлениях мира природы, в бурях, непогоде и т. п. и во всем том, что окружает и конституирует человека, принимает участие нечто такое, что человек не может воспринять и что сокрыто от него во тьме сна.

Эти ученые тогдашнего времени ощущали великую богиню Природу как то, что в течение половины времени восходит и являет себя в природе, воспринимаемой внешними органами чувств, — но они ощущали также, как она каждую ночь удаляется и ежегодно в определенное время погружается

вглубь, действуя и творя в тех просторах, которые сокрыты от человека, погруженного в сон. И это было прямым продолжением представления древних мистерий о Прозерпине.

Подумайте только о том, что, собственно, это означает. Мы имеем теперь естественнонаучное воззрение на природу, которое сплетено из мыслей, состоит из «законов природы», — которое гласит и мыслит абстрактно и в котором нет ничего жизненного. А в то давнее время еще существовало воззрение на природу, согласно которому люди взирали на нее так, как взирали они на деятельную дочь Деметры — богиню Прозерпину. И в представлениях, которые сообщались в тех школах и происходили из еще живой традиции, наличествовало много изречений и выражений, в точности продолжающих то, что в древних мистериях говорилось о Прозерпине. Когда же хотели привести человека к пониманию его душевной жизни на основе понимания его жизни телесной, ему объясняли следующее: «В отношении телесности ты состоишь из элементов, в которых творят и элементарные существа, но ты несешь в себе душу. Она не подчиняется власти этих существ, но, наоборот, господствует над этой организацией элементов; эта душа находится под влиянием планетарного мира Меркурия, Юпитера, Венеры, под влиянием Солнца и Луны, Сатурна, Марса». — И человеческий взор в целях изучения психологии направлялся тогда ввысь, к там планетарного мира. Тогда человеческое существо расширялось, восходя от телесного к душевному через созерцание сопринадлежности человека к окружающему миру, — переходя от творящей деятельности элементов земли, воды, воздуха, огня к тому, что свершали в человеческой душевной жизни планеты, включая Солнце и Луну, своим кружением, своим видом, своим световым воздействием, своим таинственным окультизм воздействием. И от богини Природы, раньше именовавшейся Прозерпиной, обращались ввысь к тем Разумам, к тем гениям планет, Солнца и Луны, — ради того, чтобы постичь человеческую душевную жизнь.

И потом, когда надо было постичь духовную жизнь, — ибо учителя этих изолированных школ — вопреки догме восьмого константинопольского собора — никогда не давали отворотиться себя от рассмотрения духа, — когда надо было постичь духовную жизнь, тогда направляли ясновидческий взор ввысь к неподвижным звездам, к их конфигурациям и особенно к созвездиям круга Зодиака. Там постигали то, что человек несет в себе как дух, — постигали из констелляций небесных светил, их вида и из познания духовных властей, находящихся в неподвижных звездах.

Так постигали человека, исходя из окружающего мира, из Космоса. Так тогда постигали макрокосм и микрокосм, то есть человека. Таково было учение о природе в тогдешнее время. Им вдохновлялись в изолированных духовных школах, но отдельными личностями, живущими повсюду, оно доставлялось также и прочим людям. И это учение достигло своего рода кульминации, будучи чудесным образом преподано в школе Шартра такими личностями как Бернард Сильвестр, Алан Островитянин и др.

Эта школа Шартра поистине есть нечто совершенно чуждое. Когда ныне берешь в руки относящиеся к ней книжки, то они воспринимаются как некие каталоги имен (о чем я уже говорил). Но в тогдешнее время было принято писать именно таким каталогизирующим стилем о содержании полнокровной духовности. И тот, кто может прочесть такие вещи, воспринимает именно из их композиции то, что восходит к учителям школы Шартра и что пронизано древней спиритуальностью. Глубокая спиритуальность школы Шартра оказывала свое действие не только посредством того, чему там учили и что многочисленные ученики выносили из нее, но она действовала и непосредственно спиритуальным образом. В духовную атмосферу человечества излучалось окультизм образом то, что как полнокровная духовность жило в Шартре. Поэтому мы видим, как через всю Францию вплоть до Италии проникают духовные лучи этой школы Шартра. В

различных школах, известных в истории под своими внешними наименованиями, учили учащихся природоведению.

Вот один конкретный случай. Когда учитель Данте Брунетто Латини, возвращаясь со своей должности посла Флоренции в Испании, испытал легкий солнечный удар и пережил неподалеку от своего родного города сильное душевное потрясение, то он стал доступен для оккультных излучений школы Шартра. Он пережил то, что он сам впоследствии представлял следующим образом. Приближаясь к своему родному городу Флоренции, он вступил в густой лес, и ему сперва встретились три зверя, а затем явилась богиня Природа, созидающая царства природного мира (так, как было указано мною). И он ясновидчески узрел это; в том наполненном патологическом состоянии, в которое Брунетто Латини тогда впал, но которое вскоре прошло, он ясновидчески увидел то, чему учили в духовных школах. И после того как богиня Природа (преемница Прозерпины) предстала перед ним за работой, он узрел, как построен человек из четырех элементов, как прядет душа в сфере планетарных сил; он был со своими мыслями вознесен вплоть до неба неподвижных звезд. Он пережил на собственной персоне всю эту мистическую средневековую науку.

Брунетто Латини является учителем Данте. Если бы он им не был, — если бы он не сообщил Данте как своему ученику того, что он получил в столь величественном ясновидческом прозрении, — то мы не имели бы «Божественной Книжки», ибо она есть отблеск учения Брунетто Латини в душе Данте. Видите ли, в теперешнее время не было бы никакой возможности для таких вещей, но тогда, еще при гораздо более свободном устройстве Церкви, чем позднее, все учителя Шартра были членами духовных орденов. Мы видим их в одеянии цистерцианцев* (*Орден цистерцианцев был основан в 1098 году бенедиктинским аббатом Робером из Цито (близ Дижона)*). Мы видим, что они связаны с наилучшими течениями внутри жизни христианских монашеских орденов.

Затем развитие вступило в своеобразную фазу. В течение всего времени, когда эти платоники действовали описанным образом, аристотелики не могли действовать на Земле. Тогда там не было для этого условий. Но зато они подготавливали Михаилово течение в сверхчувственной жизни. Пробывая в сверхчувственном мире, они находились в непрерывной связи с теми учителями, которые действовали на Земле в том же направлении и которые затем устремились в Шартр. А потом, после расцвета школы Шартра в конце XI столетия — XII столетии (приходится эти вещи фиксировать при помощи земных обозначений, хотя эти земные обозначения, конечно, не подходят и над ними можно с легкостью посмеяться), имела место своего рода сверхчувственная беседа между теми душами, которые, принадлежая к течению Шартра как платоники, восходили через врата смерти в сверхчувственный мир, и теми душами, которые как аристотелики или александрийцы, оставались пока там наверху. Эта беседа, происходившая на переходе от XII столетия к XIII, привела к некоему соглашению о стратегии действий в дальнейшем.

Это привело к тому, что, в связи с наступлением других условий в духовной жизни европейского человечества, платоники, закончив развертывание своей великой деятельности в Шартре, оказались в сверхчувственном мире и передали свою миссию аристотеликам. И эти последние стали теперь воплощаться в физическом мире, чтобы продолжить надлежащим образом то, что можно назвать космическим служением Михаилу.

И вот мы снова находим тех, кто действовал по преимуществу в аристотелевском смысле, внутри монашеского ордена доминиканцев* (*Основан Домиником в 1215 году*). Души аристотеликов, так сказать, отграничиваются от земной деятельности души платоников; и теперь развивается то, что в наше время может быть оценено по достоинству только внутри антропософского движения (мною однажды уже был прочитан цикл лекций о схоластике** (**«Философия

Фомы Аквинского» (3 лекции, прочитанные в Дорнахе в 1920 г.) (ПСС, том 74.), об ее истинном образе и происхождении), — развивая схоластику Средневековья, то есть учение, которое в условиях уже спешившего к материализму времени хотело по возможности удержать духовность в человеческих воззрениях.

Еще до того, как на Земле появились Бэкон Веруламский и Амос Коменский, в схоластике работали над продолжением Михайлова служения. Мы видим, как в схоластике, в ее так называемой реалистической школе, был спасен первоисточник того, что человек вносит своими мыслями в духовность. Духовная реальность приписывалась схоластиками-реалистами тому, что человек может уловить посредством своих мыслей. Это — разреженная духовность, и только ее тогда возможно было спасти, но все-таки это духовность.

Дело обстоит таким образом, мои дорогие друзья, что спиритуальная жизнь во всемирно-историческом развитии осуществляется так, что если обзираешь ее реальность и владеешь наукой посвящения, то ты обязан совместно рассматривать то, что разыгрывается на Земле в качестве физических событий (или вообще таких, которые принадлежат физической истории), и то, что из духовного мира проникает в это физическое. Тогда приходишь к единому воззрению на то, как сперва действовали — до Шартра включительно — платоновские души и как затем действовали аристотелевские души. Ясновидчески взираешь сначала на то, как аристотелевские души инспирируют из сверхчувственного мира тех учителей, которые в качестве платоновских душ живут на Земле и учат тому, как выработать на Земле, в земном раздумье, науку. Всмотриваясь в эту эстафету, видишь, как учитель Шартра странствует по Земле и как он придает законченность своим исследованиям, пронизанным его ясновидческими прозрениями; и видишь, как падает сверху вниз инспирирующий луч аристотелевской души из сверхчувственного мира и вводит в верное русло то, что окрашено платонически. Тогда получаешь совсем иное представление о жизни по сравнению с тем, какое очень часто встречается теперь. Во внешней жизни так охотно противопоставляют платоников и аристотеликов. А ведь в действительности дело обстоит совсем иначе. Земные исторические эпохи требуют, чтобы их трактовали то в платоническом, то в аристотелевском смысле. Но когда ясновидчески обзираешь сверхчувственную жизнь за кулисами мира внешних чувств, тогда обнаруживешь, как первая оплодотворяет другую, как первая вступает в другую.

И опять-таки, когда в среде доминиканцев учили аристотелики, то платоники, уже находящиеся в духовном мире, были инспирирующими гениями для позднее воплощенных аристотелевских душ, с которыми они вступили в соглашение. Жизнь вообще в то время была иной, чем теперь. Вернется ли в это сегодня или нет — все равно, но дело обстоит так, что если направить на то время духовный взор, то можно найти, например, такого духа, как Алан Островитин, сидящего в своей уединенной келье, отдавшегося своим занятиям и ожидающего духовного посетителя из сверхчувственного мира, который вступил бы с ним в общение и который является некоей аристотелевской душой. Да также и позднее, когда в ордене доминиканцев появились аристотелики, у них было сильное сознание своей принадлежности к духовному миру. Это следует из такого факта: один учитель-доминиканец спустился в земную физическую жизнь раньше, чем другая душа, с которой он был связан; эта последняя задержалась в духовном мире, чтобы закончить там нечто, что она должна была, воплотившись, принести на Землю, чтобы затем действовать совместно с ранее воплотившейся душой. И это сознавалось ими. Они сознавали себя в своих деяниях, в своей работе связанными с духовным миром.

Все это было вычеркнуто из позднейшей истории. Но истину об исторической жизни не вычитать из документов Нового времени, — ее надо добыть из жизни. И надо иметь непредвзятый взгляд в отношении жизни.

Надо видеть проявления жизни также и там, где она развивается внутри поистине мало симпатичного круга людей, — развивается как нечто такое, что кармой введено именно в этот круг людей, но что внутренне означает нечто совсем иное.

Такое прочтение событий, мои дорогие друзья, в ходе моей жизни выступало мне навстречу самым замечательным образом. И теперь я впервые прозреваю во многое из того, что отчетливым образом, словно оккультное письмо, выступало мне навстречу в ходе жизни. Ведь карма творит и действует поистине таинственным образом в отношении самых значительных вещей, которые переживаешь. И я хотел бы сказать: то, что я сегодня здесь (а в других местах в другое время) говорю о таких вещах, как школа в Шартре и все то, что ей предшествовало, это также заключается в своеобразии кармы. Ибо самые выдающиеся люди, которые учили в школе Шартра, принадлежали к ордену цистерцианцев.

Так вот, цистерцианский орден, подобно другим орденам внутри католического развития, пришел в упадок, но "ведь в этом процессе упадка много видимости. Индивидуальности порою продолжают старые, чрезвычайно ценные также и для антропософии духовные направления, находясь внутри взаимоотношений, к которым они, собственно, не принадлежат; однако жизнь, карма привела их туда. Примечательно то, что с моей ранней юности и до определенного времени ко мне всегда что-то подступало из цистерцианского ордена. Когда я окончил народную школу, то я (по причинам, которых я коснулся в автобиографии «Мой жизненный путь») был направлен моими близкими в реальное училище, а не в гимназию, — едва не став между тем учеником гимназии при цистерцианском ордена. Казалось само собой разумеющимся, что я должен был бы стать им. Но этого не произошло, — конечно, в силу хороших кармических оснований.

Но реальное училище, в котором я учился, находилось лишь в пяти шагах ходьбы от гимназии цистерцианского ордена. Можно было познакомиться со всеми этими превосходными учителями-цистерцианцами. Речь тут идет не об орденах, но об отдельных индивидуальностях. Еще сегодня я с глубоким удовлетворением думаю об одном таком священике-цистерцианце* (*Вильгельм Нейман (1837-1919)*), который с поразительным воодушевлением преподавал в той гимназии немецкую литературу. Я так и вижу перед собой этих личностей, которые прогуливаются по той улице, которая называлась в Винер-Нейштадте Аллейным переулком, — прогуливаются, прежде чем идти на занятия в гимназию. Эти профессора-священники в штатской одежде были чрезвычайно одаренными людьми. И меня в то время гораздо больше привлекало прочесть в конце учебного года программные статьи этих профессоров-цистерцианцев, чем читать учебники в течение учебного года; так я читал с ревностным усердием то, что эти цистерцианцы из Винер-Нейштадтской гимназии излагали по учебному плану как свою собственную мудрость. Короче говоря, монашеский орден цистерцианцев был мне близок. И вполне вероятно, что если бы я поступил в цистерцианскую гимназию, то сам стал бы цистерцианцем (это, конечно, одна из тех гипотез, которые выдвигают лишь для того, чтобы осветить положение вещей).

В Вене все это затем продолжалось (я рассказывал об этом в «Моем жизненном пути»). По прошествии некоторого времени я стал посещать кружок, который собирался у Делле Грацие, где часто бывали профессора теологии Венского теологического факультета. С некоторыми из них я очень близко познакомился. Все они тогда были деятельными членами ордена цистерцианцев. Я опять сошелся с цистерцианцами. И благодаря тому, что теперь проходит через орден цистерцианцев, я смог проследить кое-что из далекого прошлого.

Я укажу вам на одно событие, чтобы показать, как действует карма. Благодаря "журфиксам" у Делле Грацие (в Англии они называются "five-o'clock teas") я хорошо познакомился с часто бывавшими там профессорами

теологического факультета. Я прочел там один доклад, на котором присутствовал один священник из ордена цистерцианцев, — это был исключительно выдающийся человек. И когда я закончил свой доклад, он сказал нечто крайне своеобразное — нечто такое, что я могу передать только в следующей форме: он сказал мне несколько слов, в которых заключалось воспоминание о совместном бытии со мной в одной из прошлых земных жизней.

Такие вещи имеют воспитательное значение для жизни человека. Это было в 1889 году. Конечно, в журнале "Гётеанум" я мог рассказать только о внешних частностях этих вещей; мои статьи оттуда появятся в виде отдельной книги* (*См. "Мой жизненный путь", гл. 8 (ПСС, том 28).) — с примечаниями, в которых тогда будет учтена внутренняя сущность происшедшего.

Вы видите, что здесь мы имеем нечто от тех кармических оснований, которые привели к тому, что я вообще могу говорить в такой форме об этих духовных течениях. Подготовка для этого может быть только сама жизнь, а не штудирование.

Итак, я показал, как совместно действовали платоновское и аристотелевское течения. В свою очередь также и аристотелики прошли через врата смерти. И в эпоху души сознательной материализм на Земле стал все больше и больше брать верх. Но как раз в то время, когда материализм начал наступление на Земле, тогда (приходится сообщать об этом, пользуясь тривиальной терминологией) в сверхчувственных мирах была основана своего рода школа Михаила — расширенная школа Михаила, в которой объединились после смерти души Бернарда Сильвестра, Алана Островитянина и опять-таки души Аристотеля и Александра. В этой школе различные человеческие души, какие тогда не были воплощены на Земле, объединились с духовными существами, которые совершали свой жизненный путь без земных воплощений, но которые были связаны с человеческими душами. Сам Михаил там действовал как учитель, созерцая из прошлого великие учения древних мистерий и давая чудесный образ тайн древних мистерий, но одновременно давая и перспективу того, что должно произойти в будущем.

И видите ли, в некоторой форме там находятся известные души, которые в ходе многих земных жизней отчасти принадлежали к этой плеяде, участвуя в XIV — XV столетиях в этой сверхчувственной школе. Эти сонмы душ стремятся примкнуть к Михайлову течению, воспринимают в свои волевые импульсы желание связать себя с Михайловым течением.

Можно направить ясновидческий взор на эти души. Мы находим их внимающими учениям Михаила в его сверхчувственной школе, ибо совсем немногие из них жили тогда на Земле, но почти все переживали время между смертью и новым рождением, участвуя в этом сверхчувственном собрании. Мы находим их ныне в тех душах, воплощенных на Земле, которые развивают честное, глубокое, верное устремление к антропософскому движению.

В карме тех людей, которые честным, душевно честным образом стремятся к антропософскому движению, заложены импульсы, которые надо исследовать в сверхчувственном мире также и в отношении кармы. Конечно, то, что эти души благодаря их карме попали в такое небесное сообщество, имеет свое основание в том, что они в прошлых земных жизнях образовали такую карму, что она привела их именно туда. Однако карму человеческих душ ведь не понять, если рассматривать только то, что разыгрывается на Земле, но игнорировать то, что происходит с душами во время между смертью и новым рождением.

Рассмотрение мира бесконечно обогащается, когда наблюдение действующих в мире душ (а это в конечном счете все люди) начинается не тогда, когда люди рождаются на Земле, и кончается не тогда, когда они умирают: ведь со смертью их действия вовсе не начинаются и не прекращаются. В том, что происходит духовно, действуют не только те души,

которые тогда воплощены на Земле, но действуют и другие души, находящиеся между смертью и новым рождением в сверхчувственном мире и посылающие оттуда лучи своего воздействия на Землю. В наших собственных действиях заключены импульсы, исходящие от таких душ. Все это действует совместно, ибо земные деяния людей в свою очередь вступают в небесный мир и там продолжают действовать дальше, как это я образно показал в первой драме-мистерии на примере личностей Капезиуса и Штрадера.

Учитель Данте Брунетто Латини находится там. В свое время он умер, прошел через врата смерти, но это ведь есть некое преобразование жизни. Он там, он действует дальше, и мы находим его, когда ищем его духовно.

Так делается более полным представление о духовном развитии человечества, ибо в нем всегда принимают участие так называемые умершие, а они, собственно, суть гораздо более живые, чем так называемые живые, то есть люди, в данное время живущие на Земле. Во многих отношениях кто-либо, вроде Брунетто Латини, хотя он ныне и не воплощен на Земле, причастен к весьма многим нынешним земным событиям. Таким образом, вы видите, как глубоко связана земная жизнь с жизнью сверхчувственной; нельзя говорить о каком-то сверхчувственном мире, отделенном от земного мира, от мира внешних чувств, — ибо все, что является чувственным, в то же время пронизано сверхчувственным, а все сверхчувственное проявляется в чувственном. И постигнуть земную жизнь можно, собственно, только тогда, когда видишь это сверхчувственное за земной жизнью.

Вот что, мои дорогие друзья, должно стать характерной чертой антропософского движения после нашего Рождественского собрания: трактовка сверхчувственных фактов самым откровенным, непредвзятым образом, с полным их осознанием. Это должно быть характерной эзотерической чертой, отличающей антропософское движение. Только посредством этого антропософское движение действительно приобретет спиритуальное содержание.

То, что мною было сказано о течении Михаила, имеет продолжение. Однако когда индивидуальности снова появляются на Земле, им приходится пользоваться тем физическим телом, которое возможно в ту или иную эпоху; они должны приспособиться к воспитательным импульсам той или иной эпохи. В материалистическое время из-за этого возникает некая внешняя оболочка. Наше материалистическое время воздвигает наибольшее количество препятствий для тех душ, которые в прошлых земных жизнях обрели много спиритуальности и должны теперь втиснуть эту спиритуальность в нынешние тела, обработанные вдобавок теперешними воспитательными мероприятиями. Так что вы не должны удивляться, когда я говорю: честно устремленные к антропософии души отыскиваешь указанным образом в прошлых периодах развития Земли. И невозможно заложить основ действительного познания, не видя этого взаимопроникновения во всем, что действует и живет в мире. Ибо духовное исследование связано с самой духовной жизнью; духовное исследование ищет дух именно на его путях. А пути духа иные в каждую эпоху. В нашу эпоху на них вступаешь только тогда, когда имеется твердая почва духовного познания также и внешней природы.

За той эпохой, которую я описал в связи с течением Михаила, следует такая эпоха, которая здесь, на Земле, проявляется материалистически, обрабатывает все на материалистический лад. И в сверхчувственном мире интенсивно готовится импульс Михаила, который в эту нашу эпоху должен быть неким образом принесен с Неба на Землю. И наша эпоха не может исходить из содержания последних столетий: это надо знать, но исходить из этого нельзя. Обладая современным сознанием, исходить надо из того, что в последние столетия разыгрывалось в сверхчувственном мире. При обращении к этому соприкасаются с тем, что должно быть почвой антропософской

деятельности, антропософской жизни в современности. И такие воззрения, которые я излагал в эти часы лекций, не должны восприниматься просто холодным рассудком и трезвой душой: они должны быть восприняты всем человеком, цельностью человеческого существа. Антропософия сможет стать чем-то для человечества только тогда, когда она будет воспринята цельностью человеческого существа. Это положено в основу нынешнего антропософского движения, соединившегося с Антропософским обществом со времени Рождественского собрания. Хотелось бы пожелать, чтобы это как можно глубже вошло в души причастных к этому людей, — чтобы они осознали то, что связано в душевной глубине с их кармой.

Тем самым, мои дорогие друзья, мы создали своего рода основу для следующего воскресного собрания, когда мы намерены рассмотреть дальнейшее развитие течения Михаила и то, что отсюда вытекает для задач антропософии как задача духовной жизни современности вообще.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 14 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Я хочу сегодня развесить здесь изображения, полученные мною в последние дни, — в связи с частым обращением в лекциях к школе Шартра, столь важной для внутренней духовной жизни Запада. Вы видите на этих изображениях (во вторник я покажу вам другие репродукции из того же собрания) чудесную архитектуру и чудесную в смысле средневековой пластики скульптуру, возвышающуюся в том месте, где некогда был расцвет той духовной жизни, о которой я здесь уже часто говорил в связи с ее большой важностью для Запада

Эта школа Шартра состояла из тех личностей, которые в XII столетии еще обладали стремлением, поучая или учась, углубляться в то, что происходило в ту эпоху развития европейской цивилизации, когда человечество искало познание в живом деянии и творчестве существ мира природы, а не в понятийном постижении бессущностных, абстрактных «законов природы». И хотя в школе Шартра и не было больше древних посвященных, но все же там были личности, обладавшие разумением и сердцем, способным многое воспринять из той традиции, которая некогда была непосредственным переживанием. Они возвращали это, активно обращаясь к духовным силам, которые правят в мире природы. И я отметил, мои дорогие друзья, что можно узреть таинственное световое излучение из Шартра, проникшее в дух Брунетто Латини — великого учителя Данте. А затем я попытался показать то, как личности, индивидуальности Шартра продолжали действовать в духовных мирах в союзе с теми, кто воплощался после них и действовал в орденах доминиканцев, преодолевая границы схоластики.

Можно сказать, что индивидуальности Шартра должны были, исходя из знамений времени, предвидеть, что для них откроется возможность снова появиться в земной жизни только после определенного периода действия на Земле Михаилова элемента, который начался в конце XIX столетия. Эти индивидуальности Шартра принимали активное участие в тех сверхчувственных учениях, которые преподавались под эгидой самого Михаила (об этом говорилось в предыдущий раз). Эти учения породили импульсы, которые должны действовать в течение ближайших столетий и под влиянием которых ныне должен находиться каждый, кто хочет посвящать себя духовной жизни.

В общем можно сказать: дальнейших воплощений этих духов Шартра было пока лишь незначительное число. Но именно это обстоятельство помогло мне найти возможность, благодаря одному стимулу, исходящему из современности, обратиться к школе Шартра. Тогда в школе Шартра существовал один монах, полностью отдавшийся тому, что было жизненной стихией в тогдашней школе Шартра. Однако в школе Шартра, именно среди

самых преданных ее делу, чувствовалось настроение заката этой духовной жизни. Ибо все, что еще напоминало о великих, полных значения импульсах исполненного духовности платонизма, — это жило в Шартре, но носители этой шартрской жизни уже должны были сказать себе: ведь в будущем в европейской цивилизации не будет никакой восприимчивости к этой платоновской жизни.

Производит трогательное впечатление, когда видишь, как школа Шартра хранила образы гениев, инспирируемых так называемые «семь свободных искусств» — грамматику, диалектику, риторику, арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Также и воспринимая то духовное, которое присутствовало в этих семи свободных искусствах, еще ощущали жизненные дары богов, поступавшие к людям через неких существ, — а не всего лишь сообщения мертвых мыслей о мертвых законах природы. И можно было видеть, что имело Европа впредь не будет иметь никакой восприимчивости ко всему этому. Поэтому ощущалось нечто вроде настроения заката духовной жизни.

И один такой монах, особенно преданный трудам и учениям Шартра, все же воплотился в наше время, причем воплотился таким образом, что можно было в этой жизни данной личности найти своего рода чудесный отблеск ее предыдущей земной жизни. Этой личностью в наше время была одна писательница, с которой я был знаком и с которой я был даже дружен* (*Скорее всего, речь идет о Бетти Паоли (см.: Э. Бок. Рудольф Штейнер. Штутгарт, 1967, стр. 54 ел.)). Она давно уже умерла; в наше время она несла в себе особенное душевное настроение, о котором я прежде не говорил, хотя это ее настроение я наблюдал годами. Но говорить об этих вещах стало возможным только после того, как настроение Рождественского собрания распространилось в нашем Антропософском обществе; ибо это настроение бросило особый свет на эти вещи, а потому сегодня открывается возможность непредвзято говорить о таких вещах.

В разговорах эта личность говорила, собственно, лишь о том, что она хотела бы умереть. При этом нельзя было сказать, что это желание смерти проистекало из сентиментального или ипохондрического, или же меланхолического настроения; но если имеешь психологический взгляд, способный проникать в вещи такого рода, то проникаешь в такое далекое прошлое этой души, что можешь сказать: это есть отблеск ее прошлой земной жизни. Именно в прошлой земной жизни был заложен зачаток того, что выступило теперь. Речь идет не о желании смерти, а о том ощущении, что этой душе, перевоплотившейся теперь, собственно, совсем нечего делать в нашей современности.

Сочинения этой личности словно происходят из другого мира; это явствует не из того, что в них сообщается, а из пронизывающего их настроения. И только тогда приходишь к пониманию этого настроения, когда находишь путь от сумрачного света этих сочинений, — от сумрачного света, который жил в этой душе и стал основой ее сочинений, — путь обратно в прошлое, к тому монаху Шартра, который тогда пережил в Шартре настроение заката жизненного платонизма.

Такое настроение у этой личности проистекало не из темперамента, не из меланхолии, не из сентиментальности, но было отсветом предыдущей земной жизни. И современная душа этой личности была словно зеркалом, в котором выступало отражение жизни Шартра. В эту личность перешло не содержание учений Шартра, но настроение. И когда, обратив свой взор в прошлое, погружаешься в это настроение, тогда можно оттуда извлечь нечто вроде духовной фотографии тех личностей, которые учили в Шартре и которых можно найти в их мире с помощью духовного исследования.

Вы видите: сама жизнь, вследствие кармы, предоставляет различные возможности заглянуть в эти вещи. И если в предыдущий раз я описал свои переживания в связи с монашеским орденом цистерцианцев, то сегодня мне

хотелось бы в дополнение к этому рассказать о том, как вечерние сумерки школы Шартра вторглись в сердце, в душу одной чрезвычайно интересной личности современной эпохи. Она уже давно вновь нашла те миры, к которым так сильно стремилась, — обратно к основоположникам Шартра. И если бы усталость, как кармическое последствие душевного настроения у того монаха Шартра, не господствовала над всей душевной жизнью этой личности, то вряд ли я мог бы подумать себе, что в нашей современности может существовать подобная личность, способная культивировать духовную жизнь современности именно в связи с традиционной жизнью Средневековья. Замечу, что когда в глубинах души присутствуют действенные кармические импульсы такого рода, тогда имеет место то своеобразное явление, что при последующей инкарнации данного человека наблюдается сходство в физических чертах лица с его предыдущей инкарнацией (так бывает только в редких случаях, но бывает). Оба лица — того монаха и этой современной писательницы — действительно были чрезвычайно похожи друг на друга.

Вот так, мои дорогие друзья, я хотел бы постепенно показать, что карма Антропософского общества и соответственно карма отдельных его членов такова потому, что (как я уже говорил в прошлый раз) большая часть тех душ, которые искренне привержены антропософскому движению, где-либо и когда-либо примыкали к течению Михаила, охарактеризованному мною рассуждениями об Аристотеле и Александре; о том, что в духовном мире и в мире физическом было продолжением жизни при дворе Гарун аль Рашида; и, наконец, о той сверхчувственной школе, которая находилась под эгидой самого Михаила. Самым значимым в учении этой школы было то, что в ней все снова и снова указывалось, во-первых, на ее связь с древними мистериями, — на то, что из содержания древних мистерий должно восстать в новой форме, чтобы пронизать спиритуальностью новую цивилизацию. А с другой стороны, в ней указывалось на те импульсы, какие должны иметь души, пламенно стремящиеся к духовной жизни, для своих действий в будущем. Смысл этого духовного течения прояснит также и то, что антропософия в ее существе означает импульс для обновленного, истинного, искреннего понимания импульса Христа.

Ибо в антропософском движении имеются души двойного рода. Значительное число этих душ принимало участие в тех течениях, которые были, так сказать, официальными христианскими учениями первых веков; они принимали участие во всем том, что как христианство шло в мир в эпоху императора Константина и непосредственно затем последующее время. Именно среди тех, кто тогда со всей честностью обращался к христианству и воспринимал христианство в глубь души, были такие души, которые, благодаря их стремлению к пониманию христианства, ныне находятся в Антропософском обществе. Однако это не те христиане, которые просто следовали за движениями вроде движения императора Константина: это преимущественно те христиане, которые притягивались к тому, чтобы быть истинными христианами, и которые были тогда рассеяны по отдельным сектам. Христианские секты, добивавшиеся духовного углубления, включили в себя множество душ, которые ныне искренним образом, — зачастую из подсознательных импульсов, которые могут даже неверно истолковываться поверхностным сознанием, — вступили в антропософское движение.

Другие же души суть те, кто не принимал непосредственного участия в этом христианском развитии, когда больше не было того душевного углубления, как в ранних сектах, — но они имели в глубине души нестертым, живым то, что в дохристианское время переживалось как древняя мудрость мистерий. Они также были по-разному причастны к христианству, но оно не производило на них такого впечатления, как на те души первого рода, ибо в них жило впечатление от учений древних мистерий, культовых упражнений и

т. д. Как раз среди них, именно таким путем вступивших в антропософское движение, находятся также души, которые искали Христа не в абстрактном смысле. Души, охарактеризованные прежде, испытывают, так сказать, радость, снова найдя Христа в антропософском движении. А среди душ другого рода находятся те, которые с внутренним пониманием постигают то, что в антропософии является космическим христианством. Христа как космического Солнечного Духа постигают прежде всего те многочисленные души, находящиеся в антропософском движении, которые в глубине еще имеют много жизненного из того, к чему они были причастны в древних языческих мистериях. С этим связан весь спектр течений духовной жизни современного человечества; современность я понимаю в широком смысле — как охватывающую и грядущие десятилетия, столетия.

Ведь антропософия в конечном счете выросла из духовной жизни современности. Если содержание антропософии и не имеет непосредственно ничего общего с этой духовной жизнью современности, то все же она во многих отношениях кармически выросла из нее. И надо всмотреться в то, что по видимости не принадлежит к антропософии; надо всмотреться туда, чтобы включить в свое духовное поле зрения все то, что в ходе времени было причастно к упомянутым мною течениям. Я уже говорил, что действительное понимание внешне происходящего на физическом плане получают лишь тогда, когда ясновидчески взирают «за кулисы» того или иного явления, — взирают на то, что из духовной сферы вступило в то или иное событие на физическом плане. И мы должны, как я уже сказал в предыдущий раз, обрести мужество снова ввести в современность настрой древних мистерий, который не просто в абстрактном смысле связывает физически соприкасающиеся с пантеистической или теистической, или еще какой-либо жизнью, но в состоянии отдельные события, да и человеческие переживания во время этих событий, конкретно возвести к духовным, изначальным основам и изначальным существам.

Следует также отыскать то, что ныне принадлежит к глубочайшим задачам современности. Современное познание должно заново открыть для себя троичность человеческого существа, состоящего из тела, души и духа, но для этого оно должно руководствоваться не абстрактными идеями и законами, а должно ясновидчески прозревать действительные основы человеческого существа. Такое познание действительно сможет исследовать человека в его здоровых и болезненных состояниях, но не так, как это делается сейчас, то есть на основании только лишь физических исследований. Так нельзя прийти к истинному познанию человеческого существа, нельзя понять того, что действует в человеке и с такой силой вмешивается в его судьбу: несчастье, болезнь, одаренность теми или иными способностями или же бездарность. Все формы проявления кармы научатся познавать только тогда, когда смогут проследить человека в его духовности и его внутренней душевной жизни после ухода человека из жизни физической.

Современное познание рассматривает человека совсем внешним образом в отношении его органов, в отношении его нервов, кровеносных сосудов и т. д. И кто рассуждает о здоровье и болезнях человека таким образом, тот не в состоянии найти в нем дух или душу. И можно сказать следующее. Современный анатом, современный физиолог мог бы сказать то, что сказал однажды знаменитый астроном в ответ на вопрос, заданный ему правителем: «Я обыскал всю Вселенную, все светила с их движениями, но я нигде не нашел Бога». Так сказал тот астроном. Современный анатом и физиолог мог бы сказать: «Я исследовал все — сердце и почки, желудок и мозг, кровеносные сосуды и нервы, — но не нашел души и духа».

Видите ли, все то, что составляет трудности, например, для современной медицины, находится именно под этим влиянием. И все это должно теперь претерпеть развитие в соответствии с требованиями, предъявляемыми к антропософскому движению, ко всему Антропософскому обществу, и в

часть — к отдельным группам специалистов (например, я рассказывал о «пасторской» медицине в группе специально подготовленных к этому лиц* («Пасторско-медицинский курс» (Дорнах, 8-18 сентября 1924 г.) (ПСС, том 318)). Ибо должен быть найден доступ также и к тем закономерностям, которые в конечном счете принадлежат динамике кармических потоков. И для психологии и терапии станет ясно, как при наблюдении больного и здорового человека необходимо вникать во все то, что говорится о душе и духе (это помимо внешне физического, — при всем почтении к данным естествознания, о чем я всегда повторяю). Вскоре будет видно, сколь необходимо в отношении здорового и больного человека вникать в высшие члены его существа; я имею в виду книгу** (**Рудольф Штейнер, Ита Вегман. Основы для расширения врачебного искусства на базе духовнонаучных познаний. Книга вышла в 1925 году уже после смерти Рудольфа Штейнера (ПСС, том 27).), над которой я работаю вместе с моей дорогой сотрудницей, госпожой доктором Вегман. Эта книга скоро выйдет в свет и она относится именно к этой области. Такие последствия, которые ищут доступа к тому, чтобы верным путем проникнуть от физического человека к человеку духовному, лишь тогда дадут перспективные результаты, если они будут проводиться верным образом. А именно, к такой работе должны быть привлечены не просто исследовательские силы нашей современности, но как раз те исследовательские силы, которые принимают во внимание кармические взаимосвязи, возникающие в ходе исторического развития человечества. Надо работать с закономерностями кармы, для того чтобы проникнуть в тайны, о которых тут идет речь. Начальные шаги в этом направлении сделаны в первом томе труда, который скоро появится. Этот (мой и доктора Вегман) труд получит свое продолжение; и тогда будет сделан следующий шаг — от более элементарных вещей к тому, что именно в этой медико-патологической области может стать вкладом в познание человека. Это возможно осуществить только потому, что госпожа доктор Вегман в своих медицинских исследованиях так всегда принимает факты, что они у нее естественным образом перерастают в духовное восприятие человеческого существа. Но в ходе этого исследования, при ясновидческом рассмотрении системы органов человека в духовной перспективе, открываются вещи, которые приводят также и к кармическим закономерностям. Этот способ рассмотрения надо развивать, чтобы узреть то духовное, которое находится не за человеком в целом, но именно за отдельными органами (за одним органом находится, например, мир Юпитера, за другим органом — мир Венеры и т. д.); такие ясновидческие восприятия открывают возможность проникнуть за пределы человеческой личности в ее прошлые земные жизни. В нынешней земной жизни человек предстает перед нами в границах своей кожи. Если мы обретаем способность ясновидчески проникать в отдельные органы человека, тогда то, что содержится внутри его кожи, расширяется таким образом, что каждый орган указывает на то или иное направление в мире, и при этом образуются пути, ведущие в макрокосм. А затем данный человек снова вводится в свои пределы; и это именно то, что нам нужно, — человек, который снова воссоздан духовно после того, как он преодолел свою нынешнюю форму, ограниченную кожей. И если физическую реальность, которая сильно отличается от представлений нынешних анатомов и физиологов, расширить вовне, тогда это даст ясновидческие созерцания, соответствующие прозрениям в прошлую земную жизнь данного человека. Так переживаются взаимосвязи, которые проливают свет на историю развития человека, а также проясняют современность с ее физической стороны. Ведь все прошлое человека живет в его современности. Впрочем, этот общий абстрактный тезис, разумеется, еще ничего не выражает, ибо то же самое говорят и материалисты; все дело в том, как живет это прошлое в современности. Теперь я хотел бы привести вам один пример, который сам по себе столь поразителен, что вызвал во мне величайшее удивление, когда это

обнаружилось как результат проведенного мною исследования. И многое из того, что продумывалось мною прежде в этой области, должно быть пересмотрено или, по меньшей мере, дополнено.

Видите ли, для того человека, который осмысленно наблюдает ход истории, одно событие, происшедшее как раз в первые века христианства, окутано особой тайной. Мы видим там одну личность, которая внутренне очень мало прорядна к тому, что ей довелось совершить, — мы видим уже упоминавшегося мною императора Константина, принявшего христианство, чтобы сделать из него то, чем потом стало официальное христианство Западной Европы. Но мы видим рядом с ним (разумеется, не в буквальном смысле, но при охвате больших промежутков времени), — видим рядом с Константином Юлиана Отступника — личность, в которой жила мудрость мистерий. Юлиан Отступник говорил о трогвенном Солнце. И он поплатился за это жизнью, ибо стал тогда рассматриваться как предатель тайн мистерий. Это считалось тогда недопустимым. Но Юлиан Отступник занял своеобразную позицию по отношению к христианству. Приходишь в недоумение от того, что эта тонко мыслящая, гениальная голова была столь мало восприимчива к величию христианства. Но это происходило потому, что он в своем окружении видел мало внутренней честности, как он принимал ее. А среди тех, кто ввел его в античные мистерии, он находил еще много честности — положительной, активной честности.

Юлиан Отступник был злодейски убит во время похода в Азию. Об этом убийстве люди много фантазировали. Но оно произошло именно потому, что в Юлиане Отступнике видели предателя тайн мистерий. Это было вполне подконтрольное убийство.

Когда познакомишься с тем, что жила в Юлиане Отступнике, тогда возникает глубокий интерес к тому, как жила эта индивидуальность дальше. — Ибо это есть совершенно своеобразная индивидуальность, — такая, о которой можно сказать: больше, чем Константин, больше, чем Хлодвиг, больше, чем все другие он был пригоден для того, чтобы проложить пути христианству! И это было заложено в его душе. Если бы время благоприятствовало этому, если бы тогда были соответствующие условия, то Юлиан мог бы пронести прямую эстафету от древних мистерий — от их дохристианского Христа, от реального макрокосмического Логоса — к тому Христу, который должен был действовать в человечестве после Мистерии Голгофы. И если духовным образом вникнуть в Юлиана, то открываешь нечто замечательное. Это существо отступника было у него только шелухой, в основе же его души было стремление постигнуть христианство, — стремление, которому, однако, Юлиан не дал проявиться: он поддал его в себе под влиянием тех нелепостей, какие Цельс написал об Иисусе. Оказывается, что и гениальная личность порой поддается влиянию людских глупостей. Таким образом, ощущаешь, что Юлиан, собственно, был душой, пригодной проложить пути христианству, — вывести христианство на путь, ему надлежащий.

И вот потом расстаешься с этой душой Юлиана Отступника в ее тогдашней земной жизни и с величайшим интересом начинаешь проследивать дальше путь этой индивидуальности через духовные миры. Но тут есть нечто неясное. Вокруг этой души витает нечто неясное, и только при самом интенсивном стремлении удается достигнуть в этом отношении ясности. В Средние века существовало множество легендарных воззрений, которые были тем не менее адекватными действительным событиям. Я уже упоминал о том, насколько адекватными — хотя вместе с тем, конечно, и легендарными — были сказания, связанные с личностью Александра. Сколь живым является изображение жизни Александра еще в передаче патера Лампрехта! А воспоминание о Юлиане таково, что всегда можно сказать: оно, собственно, хочет и бежать человеческого наблюдения. И если хочешь это проследить, то надо приложить величайшие усилия, чтобы удержаться на

этом свой духовный взор, ибо оно непрестанно ускользает от него. Прослеживаешь его через столетия вплоть до Средневековья — оно ускользает. И если потом все же удастся проследить то, что сохранилось от Юлиана, тогда со своим духовным наблюдением «приземляешься» в одном примечательном пункте, который, собственно, никак не является историческим, но тем не менее — он историчнее исторического: «приземляешься» наконец подле одной женской личности, в которой находишь душу Юлиана. Эта женская личность совершила в жизни нечто важное, несмотря на гнет ее собственных переживаний. Эта личность видела не в самой себе, но в другой личности некое отражение судьбы Юлиана Отступника, поскольку Юлиан Отступник предпринял поход на Восток и там, на Востоке, был предательски убит.

Видите ли, это — Герцелойде, мать Парсифаля; она — историческая личность, хотя история о ней ничего не сообщает. Она была замужем за Гамуретом, который во время похода на Восток погиб из-за предательства, его судьба указала Герцелойде на ее собственную судьбу в ее прошлой жизни в качестве Юлиана Отступника. Благодаря этому указанию, глубоко проникшему в ее душу, Герцелойде сообщила то, о чем говорится в легенде (но что исторически безусловно достоверно) по поводу воспитания ее сына Парсифаля. Эта душа Юлиана Отступника, которая в своих глубинах осталась той же, так что можно полагать, что она, собственно, была призвана указать христианству верный путь, — она затем в Средние века оказалась воплощенной в женском теле, в женской личности Герцелойде, которая и побуждает Парсифаля отыскать и указать христианству эзотерические пути.

Вы видите, как таинственно, как загадочно подчас проливаются пути человечества в глубинах его земного существования и за его кулисами. Этот пример, который примечательным образом переплетается с тем, что уже говорилось в связи со школой Шартра, обратит ваше внимание на то, как удивительны пути человеческой души и пути развития всего человечества. Этот пример получит некое продолжение в том, что я еще скажу о жизни Герцелойде и о том, кем был Парсифаль. Об этом в следующий раз.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 16 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Сегодня мы будем продолжать рассмотрение, начатое нами третьего дня. Мы остановились на том, какое влияние на ход развития духовной жизни современности имела индивидуальность Юлиана Отступника или, вернее, та индивидуальность, которая жила в Юлиане Отступнике и о которой я говорил вам, что она была затем воплощена в той личности, сведения о которой существуют лишь в легендах: она сокрыта в сказаниях о Парсифале под именем Герцелойде. Углубленная душевная жизнь вступила тогда в душу той, кто была прежде Юлианом Отступником. Эта индивидуальность нуждалась в ней в противовес тем бурям и внутренним настроениям противоборства, которые она пережила до этого в бытность свою Юлианом Отступником. Эта жизнь Герцелойде, о которой я уже говорил вам, осенила жизнь Юлиана Отступника как исполненное мира, теплое облако. И благодаря этому его душа сделалась внутренне более сильной, она стала богаче самыми разнообразными внутренними импульсами.

Но поскольку эта душа принадлежала к тем индивидуальностям, которые еще владели неким достоянием древних мистерий и жили в атмосфере древних мистерий в то время, когда эти мистерии еще были в известной мере чистыми, сводными, — эта душа многое восприняла в себя из спиритуальности Космоса. Это было несколько отодвинуто на задний план во время инкарнации Герцелойде, но затем снова воспрянуло в этой душе, и вот мы опять находим эту индивидуальность в XVI столетии. И мы видим, как в XVI столетии у этой индивидуальности снова выявляется то, что

она пережила и совершила в качестве Юлиана Отступника, но уже переработанное и пронизанное христианством. Эта индивидуальность появляется в XVI столетии как Тихо де Браге и противостоит тому, что возникает в цивилизации Запада как коперниканское мировоззрение.

Коперниканское мировоззрение создавало такую картину Вселенной, которая, если проследить ее выводы до конца, стремилась к тому, чтобы полностью вытеснить из представления о Вселенной все спиритуальное. Коперниканская картина мира приводит в конце концов к механической, машинообразной концепции пространственной Вселенной. Имея в виду именно эту коперниканскую картину Вселенной, один знаменитый астроном*(*Пьер Симон Лаплас (1748-1827).) сказал Наполеону, что он не нашел никакого Бога внутри этой Вселенной, что он все исследовал и не нашел там Бога. Это — следствие изгнания всякой спиритуальности.

К этому мировоззрению не могла примкнуть интересующая нас индивидуальность, которая жила теперь в Тихо де Браге. Поэтому мы видим, как Тихо де Браге берет для своего мировоззрения то, что приемлемо для него в коперниканстве, но отклоняет то абсолютное движение Земли, которое приписывается ей коперниканской системой. И мы видим, что у Тихо де Браге это связано с реальной спиритуальностью, — той спиритуальностью, в отношении которой мы можем ясно различить, если направим взор на его жизненный путь, как прежняя карма вторгается в жизнь Тихо де Браге, — вторгается со всей силой, хочет стать содержанием его сознания. Так, например, родственники в Дании всячески стараются сделать его профессиональным юристом. Он должен был под присмотром домашнего учителя изучать в Лейпциге юриспруденцию; только тогда, когда тот спал, он улавливал себе ночное время, когда вступал в общение с богами. И тут обнаруживается — это опять-таки содержится в его биографии — нечто в высшей степени замечательное.

Вы увидите, что в дальнейшем это будет иметь значение для суждения об индивидуальности Тихо де Браге — Герцелойде — Юлиана Отступника. Уже с помощью весьма примитивных инструментов, которые он смастерил себе, он обнаруживает значительные ошибки в вычислениях, касающихся местонахождения Сатурна и Юпитера. И мы наблюдаем знаменательную сцену в жизни Тихо де Браге, когда он, будучи еще молодым человеком, располагающим лишь примитивными инструментами, с которыми, казалось, невозможно ничего предпринять, однажды чувствует побуждение точно определить местонахождение на звездном небе Юпитера и Сатурна. И такие вещи пронизываются у него спиритуальностью, что приводит его к такому пониманию Вселенной, какое, собственно, и следует иметь, стремясь к обретению временного посвящения, когда приходят к тому, что говорят о духовных существах так, как говорят о физических людях на Земле, ибо постоянно встречаются с ними (ведь между индивидуальностями людей, обитающими здесь, на физическом плане, и теми, которые уже освободились от тела и живут между смертью и новым рождением, разница, собственно, только в различном качестве их бытия).

Это привело к развитию у Тихо де Браге необычайной способности прозрения в те связи, которые открываются, если рассматривать все происходящее на Земле не как обусловленное только земными импульсами, а все, совершающееся на небе, среди небесных светил, не как лишь математически измеримое, — но если постигать взаимопроникновение звездных импульсов и импульсов исторических, действующих в человечестве. Через инстинктивное начало его души, которое он принес из жизни Юлиана Отступника и которое во время жизни Юлиана Отступника не было еще пронизано рационализмом или интеллектуализмом, но было интуитивным, имагинативным (ведь именно такой была внутренняя жизнь Юлиана Отступника), — через это начало ему теперь удалось достичь поразительных результатов.

Он не мог произвести особого впечатления на своих современников своими астрономическими воззрениями, отличающимися от воззрений Коперника, и вообще всем тем, что он сделал в области астрономии: он выполнил бесчисленные наблюдения над небесными светилами и составил карту звездного неба, которая дала возможность Кеплеру прийти к его великим достижениям, ибо Кеплер пришел к установлению своих «законов Кеплера», основываясь на звездной карте Тихо де Браге. Но все это не произвело на его современников столь большого впечатления, как один не такой уж значительный, но внешне поразительный факт, — а именно, то, что Тихо де Браге точно предсказал, почти день в день, смерть султана Сулеймана, которая и произошла согласно его пророчеству. Мы видим, что в Новое время в Тихо де Браге действительно проявляются, будучи проникнуты спиритуальной интеллектуальностью, те древние воззрения, которые он воспринял в качестве Юлиана Отступника. Мы видим, как все это действует в позднейшее время в Тихо де Браге. И когда Тихо де Браге в XVII столетии прошел через врата смерти, он оказался среди наиболее интересных душ, перенесенных тогда в духовный мир.

И вот, в тех течениях, которые я обрисовал вам как течение Михаила, постоянно принимает участие Тихо де Браге — Юлиан Отступник — Герцелойде; эта индивидуальность постоянно находится тут с какой-либо сверхчувственной задачей. Поэтому мы обнаруживаем ее опять при свершении тех значительных событий в сверхчувственном мире в конце XVIII века и начале XIX века, которые связаны с течением Михаила.

Я уже указывал на ту великую сверхчувственную школу XV-XVI столетия, которая находилась под эгидой Михаила. Тогда для тех, кто был в этой школе, началась такая жизнь, что их деяния, совершаемые в духовном мире, оказывали свое воздействие на мир физический, действовали совместно с физическим миром. Так, например, как раз во время, последовавшее за периодом деятельности этой школы, некая важная задача выпала на долю той индивидуальности, о последующей жизни которой я часто говорил, — индивидуальности Александра Великого.

Я уже обращал ваше внимание на то, что Бэкон Веруламский, лорд Бэкон, — это перевоплощенный Гарун аль Рашид. Но примечательно то, что в связи с воззрениями лорда Бэкона, имевшими такое сильное, определяющее влияние на все последующее духовное развитие (именно в отношении более тонких духовных устремлений), — с лордом Бэконом произошло нечто такое, что можно назвать болезненным отращиванием к древней спиритуальности, которая все же имела у него в его бытность в качестве Гарун аль Рашида. И вот мы видим, что от импульса лорда Бэкона исходит целый мир демонических существ. Весь мир прямо-таки заполняется ими, — как сверхчувственный, так и мир внешних чувств, — разумеется, не в смысле восприятия их внешними органами чувств, — но я хочу сказать, что мир внешних чувств заполняется этими демоническими существами. И на долю Александра и выпадает главным образом задача вести битву с этими демонами — «идолами» лорда Бэкона Веруламского.

Подобные же деяния, имеющие чрезвычайно большое значение, происходят и внизу, ибо в противном случае материализм XIX столетия вторгся бы в жизнь еще гораздо более опустошительным образом. Подобные деяния, происходящие при взаимодействии духовного мира и мира физического, принадлежали течению Михаила и продолжались вплоть до того, как в конце XVIII и начале XIX столетия в сверхчувственных мирах совершилось то, что я уже назвал здесь однажды возрождением значительного сверхчувственного культа.

Тогда в сверхчувственном мире был установлен некий культ, который разыгрывался в реальных имажинациях духовного рода. Так что можно сказать, что в конце XVIII и начале XIX столетия непосредственно на границе с физическим миром внешних чувств, совсем вблизи него (конечно, это надо

понимать качественно), как бы витало некое сверхчувственное свершение, представляющее собой сверхчувственные культовые действия, величественное разворачивание фазов духовной жизни космических существ, существ иерархий, вместе с могущественными эфирными влияниями Космоса и человеческими деяниями на Земле. Интересно, что в особенно благоприятный момент в дух Гёте проник некий, можно сказать, миниатюрный образ этого свершения сверхчувственного культа. И этот миниатюрный образ, этот метаморфизированный, видоизмененный миниатюрный образ мы находим у Гёте в его «Сказке о зеленой змее и прекрасной лилии». — Здесь мы имеем случай, где нечто слегка проскальзывает наружу. Видите ли, это был сверхчувственный культ, в котором принимали участие преимущественно те, кто был причастен течению Михаила при всех его проявлениях, — как сверхчувственных, так и происходящих в мире внешних чувств, — о которых я говорил.

И во всем этом необычайно большую роль играет та индивидуальность, которая в конце концов была воплощена в Тихо де Браге. Он стремился везде удержать великие деятельные импульсы того, что называют язычеством, того, что называют существом древних мистерий, — сохранить их для лучшего постижения христианства, которое он воспринял в то время, когда жил в качестве души Герцелойде. Теперь же как Тихо де Браге он стремился ввести в христианские представления все то, что он имел благодаря своему посвящению Юлиана Отступника. Это представлялось особенно важным тем душам, о которых я говорил. Со всеми этими течениями связаны многочисленные души, которые теперь находятся в антропософском движении, которые искренне стремятся к участию в этом движении. Они чувствуют себя привлеченными к Михайлову течению благодаря внутренней природе и сущности этого течения Михаила. И Тихо де Браге оказал значительное влияние на то, что эти души спустились на Землю в конце XIX столетия или в начале XX столетия (преимущественно в конце XIX столетия), — спустились на Землю подготовленными к тому, чтобы взирать на Христа или чувствовать Христа не только так, как Его чувствуют различные вероисповедания, но и как космического Христа, во всем Его грандиозном мировом величии. К этому они готовились также и сверхчувственно, во время их пребывания между смертью и новым рождением, благодаря таким влияниям, как влияние Тихо де Браге, — той души, которая была наконец воплощена в Тихо де Браге. Таким образом, эта индивидуальность постоянно играла именно внутри этого Михайлова течения необычайно важную роль.

Видите ли, как в старой Михайловой школе в XV и XVI столетиях, так и позднее, при установлении сверхчувственного культа, который в известной мере предварял грядущее правление Михаила на Земле, — всегда указывалось на предстоящее время правления Михаила.

Я уже говорил о том, что значительное количество индивидуальностей, одаренных платоновским складом души, после своей деятельности в Шартре осталось в духовном мире. Сегодня я попросил выставить здесь другие картины из альбома о Шартре: изображения пророков, а также репродукции совершенно изумительной архитектуры Шартра. Индивидуальности учителей Шартра, которые как раз были душами платоновского склада, — они остались в духовном мире. А на Землю спустились главным образом аристотелики, многие из которых состояли, например, в ордене доминиканцев. Но затем, спустя некоторое время, и те и другие объединились и совместно действовали сверхчувственным образом из духовного мира. Так что можно сказать: души платоников так и остались в духовном мире; они и до сего дня, в лице своих главнейших индивидуальностей, не появлялись еще на Земле, но ожидают конца настоящего столетия.

Наоборот, многие индивидуальности, почувствовав себя привлеченными к тому, что я описал как деяния Михаила в сверхчувственном мире, —

почувствовали себя искренним образом привлеченными к такому спиритуальному движению, — вступили в поток антропософского движения. И можно уже сказать: то, что живет в антропософии, — это прежде всего было вызвано импульсом, исходившим из Михайловой школы XV и XVI века и от того культа, который сверхчувственно совершался в конце XVIII и начале XIX столетия.

Также и мои драмы-мистерии возникли как отблеск этого сверхчувственного культа, особенно первая мистерия. Хотя она и сильно отличается от гётевской «Сказки о зеленой змее и прекрасной лилии», но в ней явственно заметны сходные черты. Такие вещи содержат в себе реальные духовные импульсы; их нельзя так просто «высосать из пальца», но их созерцают и разрабатывают созвучно с духовным миром.

И вот сегодня мы находимся в антропософском движении, заставшем наступившую эпоху правления Михаила. И мы призваны именно к тому, чтобы постигнуть сущность этого правления Михаила, чтобы работать в духе деяний Михаила через столетия и тысячелетия; как раз теперь, в столь значительный момент, когда он опять вступает в свое правление на Земле, нам надлежит действовать в этом направлении. Во внутреннем эзотеризме этого Михайлова течения совершенно определенным образом предначертаны грядущие свершения — прежде всего для этого столетия.

Но видите ли, мои дорогие друзья, мы не находим, что антропософия, с ее нынешним внутренним содержанием, в прошлые времена сколько-нибудь была подготовлена на Земле. Вернитесь немного назад с того времени, когда вошла в мир антропософия, и непредвзято, не затуманивая свой взор различными филологическими хитросплетениями, поищите источники антропософии хотя бы в XIX столетии; вы их не найдете. Вы найдете разве лишь единичные следы спиритуальных воззрений, которые могли бы служить некоторыми очень скудными зачатками для созидания всего здания антропософии. Но настоящей подготовки на Земле не имелось.

Но тем интенсивнее велась подготовка антропософии в сверхчувственном мире. И наконец, какое участие принимала в созидании антропософии деятельность Гёте, также и после его смерти (хотя это в моих книгах выглядит иначе), — это вы все знаете. Самое главное во всем этом деле, непосредственно самое главное, происходило в сверхчувственном мире. Но опять-таки, если живо проследить духовную жизнь XIX столетия назад, вплоть до Гёте, Гердера и, пожалуй, даже до Лессинга, можно заметить, что то, что действовало в предельных душах конца XVIII века и первой половины XIX века, было очень сильно овеяно дыханием спиритуального; оно и выявилось, например, у Гегеля в предельных абстракциях или у Шеллинга в абстрактных образах.

Я думаю, что из того, как я изображаю в своих «Загадках философии» Шеллинга и Гегеля, можно понять: я хотел указать на то, что в духовно-душевном развитии их мировоззрения имеется нечто такое, что могло потом влиться в антропософию. Я пытаюсь в моих «Загадках философии» постичь эти встречающиеся там абстракции, так сказать, всей душой. Здесь я могу указать в особенности на главу о Гегеле, а также на многое из того, что там сказано о Шеллинге.

Но надо идти еще глубже. И тогда обнаруживаются знаменательные явления, выступившие в духовной жизни первой половины XIX столетия, которые увязли в том, чем стала духовная жизнь во второй половине XIX столетия, — в материалистической жизни. И все же во всем этом выступает нечто спиритуальное, — хотя и облаченное в абстрактные понятия, но содержащее в себе спиритуальную жизнь и спиритуальное сознание.

Особенно интересен философ Шеллинг, который делает все более интересным по мере того, как вчитываешься в него. Он начинает, можно сказать, почти в духе Фихте, с пронизанных волей, четко сформулированных чистых идей. Так выступал Фихте. Иоганн Готлиб Фихте — это одна из

немногих личностей в мировой истории, может быть, даже единственная в своем роде личность, соединявшая самые абстрактные понятия с энтузиазмом и энергией воли; он представляет собой очень интересное явление. Этот низенький, коренастый Фихте, рост которого несколько задержался перенесенными им в юности лишениями и который шагал по улице необычайно твердой поступью, — он весь — воля, — воля, изживающая себя в самых абстрактных понятиях, но при этом достигающая с помощью этих абстрактных понятий того, чего он достиг, например, с помощью своих «Речей к немецкой нации»* (**Произнесены в Берлине зимой 1807— 1808 гг.*), вызвавших такое удивительное воодушевление у бесчисленного множества людей.

Шеллинг выступает почти как Фихте, хотя и не с такой силой, но с таким же родом мышления. Однако мы скоро видим, что дух Шеллинга расширяется. Подобно тому как Фихте говорит о «я» и о «не-я» и о прочих подобных абстракциях, так говорит и Шеллинг в своей молодости, восхищая своих слушателей в Йене. Однако это скоро прекращается; дух его раскрывается шире, и мы видим, как в него вступают новые представления, если и кажущиеся почти фантастическими, но опять-таки восходящие почти к имагинациям. Так продолжается некоторое время, а затем он углубляется в таких мыслителей, как Якоб Бёме, и пишет вещи, коренным образом отличающиеся по своему тону и стилистике от его ранних произведений: он говорит об основе человеческой свободы, воскрешая в некотором роде идеи Якоба Бёме. Мы видим, как в Шеллинге почти что оживает платонизм. Он пишет очень проникновенный мировоззренческий диалог «Бруно», действительно напоминающий платоновский диалог. Интересно также и другое его маленькое произведение «Клара», в котором сверхчувственный мир играет большую роль.

А затем Шеллинг на очень долгое время умолкает. И его современники-философы считают его уже, можно сказать, «живым трупом». А потом он публикует лишь одно, но необычайно значительное произведение о Самофракийских мистериях* (**«О божествах Самофракии» (1815 г.)*). Таково дальнейшее расширение кругозора его духа. Он живет пока еще в Мюнхене, до тех пор, пока прусский король не приглашает его в Берлинский университет читать лекции по философии, — той философии, о которой Шеллинг говорит, что он выработал ее в течение десятилетий, находясь в тиши одиночества. И вот Шеллинг выступает в Берлине с той философией, которая содержится в его «Философии мифологии» и «Философии откровения», и заданных посмертно. На берлинскую публику он не произвел особенно большого впечатления, ибо основной тон того, что он говорил в Берлине, собственно, следующий: с помощью одного только размышления, каким бы оно ни было, человек ничего не может добиться в отношении мировоззрения; для этого в душу человека должно вступить нечто такое, что внесет жизнь в его размышления в качестве реального духовного мира.

И вот у Шеллинга внезапно появляется на смену прежней рационалистической философии воскрешение древней философии богов — мифологии, — воскрешение древних богов, причем на совершенно современный лад. Однако тут действует, очевидно, древняя духовность. Это весьма примечательно. В том, что Шеллинг развивает в своей «Философии откровения» о христианстве, содержатся значительные импульсы (хотя и выраженные в совсем абстрактной форме) касательно некоторой стороны христианства; они могут быть высказаны и в антропософии, исходя из духовного видения.

Пройти мимо Шеллинга так легко, как это сделали берлинцы, конечно, нельзя. Да и вообще нельзя пройти мимо него, — а берлинцы прошли очень легко. Когда один из партнеров Шеллинга женился на дочери одного из прусских министров, — событие, внешне причастное к делу, но также кармически связанное с ним, — то кто-то из прусских чиновников, услышав об этом, сказал, что прежде он не понимал, зачем, собственно, Шеллинг

переехал в Берлин, ну а теперь понял.

Когда так прослеживаешь жизнь Шеллинга, то уже можно проникнуть в его внутренние трудности и конфликты. Этот последний период жизни Шеллинга описывается в историях философии омерзительно, всюду этот отдел носит название «Теософия Шеллинга». Так вот, я много занимаюсь Шеллингом, и, несмотря на абстрактную форму, из того, что жило в Шеллинге, всегда исходило некое тепло. Например, еще в своей юности я много занимался упомянутым мною диалогом «Бруно, или о Божественном и натуральном начале вещей».

Шеллинг, который с 1854 года опять пребывает в духовном мире, был мне особенно близок этим своим диалогом «Бруно», — если в него внимательно вжиться, — также своей «Кларой», а в особенности своим сочинением о Самофракийских мистериях. Можно было легко достигнуть реальной духовной близости с Шеллингом. И тогда мне стало ясно (уже в начале 90-х годов прошлого столетия), что в Шеллинге действует духовная инспирация. Что касается других лиц, создававших свои мировоззрения в первой половине XIX столетия, там дело шло как обычно, — но в Шеллинге неизменно действовала духовная инспирация.

Так что перед нами предстает такая картина: внизу, в физическом мире, проходит Шеллинг со своей неоднозначной судьбой; благодаря этой своей судьбе, как я уже сказал, ему довелось длительное время находиться в одиночестве. Шеллинг, к которому его современники относились по-разному — иногда с необычайным воодушевлением, иногда же с насмешкой; Шеллинг, производивший при своих личных выступлениях всегда большое впечатление; этот коренастый, низкорослый человек с необыкновенно выразительной голубой, со сверкающими глазами, сохранившими свой огненный блеск до глубокой старости, — с глазами, из которых словно говорил огонь истины, огонь познания, — вглядываясь в это Шеллинга, можно ясно увидеть, что были моменты, когда в него нисходила свыше инспирация.

Особенно очевидным это стало для меня, когда я прочитал рецензию Роберта Циммермана на сочинение Шеллинга, посвященное «Возрасту мира»* (*Роберт Циммерман. Труды и критика к философии и эстетике. 1 том, Вена, 1870, стр. 363.). (Вы знаете, между прочим, что термин «антропософия» был применен впервые Циммерманом** (**Очерк антропософии. набросок системы идеального взгляда на мир на реалистической основе. Вена, 1882.), но его антропософия — это какая-то мешанина из понятий.) Я очень ценю Циммермана, но тогда, прочитав его рецензию, я мог только вздохнуть и про себя сказать: «Эх ты, филистер!»

И вот тогда я снова обратился к сочинению Шеллинга о «возрасте мира», написанному хотя и абстрактно, но из которого сразу же явствует, что тут есть своеобразное описание древней Атлантиды, — совершенно спиритуальное, хотя и сильно искаженное абстракциями.

Итак, мы видим, что у Шеллинга везде есть что-то такое, о чем мы можем сказать: тут, внизу, находится Шеллинг, а в вышнем мире происходит нечто такое, что воздействует на Шеллинга. На примере Шеллинга становится особенно наглядным то, что в отношении духовного развития существ непрерывная взаимосвязь между духовным миром и земным миром.

И когда я в середине девяностых годов особенно интенсивно занимался поисками того, что же является спиритуальной основой эпохи Михаила и тому подобными вопросами, и когда я сам вступил в фазу жизни, в которой я сильно переживал мир, непосредственно граничащий с нашим физическим миром внешних чувств, который, однако, отделен от него своего рода тонкой стенкой (я лишь слегка коснулся этого в моем «Жизненном пути»), — то я убедился, что в этом ближайшем к нам сверхчувственном мире происходят грандиозные события, которые вовсе не так уж сильно отделены от нашего земного мира. В это время я находился в Веймаре, где, с одной стороны, активно участвовал в многообразной общественной жизни Веймара, а с другой стороны, одновременно имел внутреннюю потребность замыкаться от

всего этого, так что эти два процесса протекали параллельно. Тогда во мне достигло вершины то состояние, которое, собственно, было всегда мне свойственно: ведь переживание духовного мира всегда было для меня более сильным, чем переживание мира физического. Так что мне уже тогда, в юности, нетрудно было быстро обозреть какое-либо мироздание; но душевный контакт с тем, что в физическом мире именовалось на физический лад, устанавливался у меня нелегко. Так что для того чтобы опознать какой-либо камень или растение, мне надо было посмотреть на него не три и не четыре раза, но пятьдесят, шестьдесят раз.

Это достигло своей наивысшей степени в Веймаре. Веймар действительно был в то время (задолго до того, как там состоялось республиканское конституционное собрание) как бы неким оазисом, — духовным оазисом, совсем иным местом, чем другие города Германии. И там, в Веймаре, как я говорил в своем «Жизненном пути», я уже пережил свое одиночество. И тогда, чтобы выйти из него, в 1897 году я опять взял в руки Шеллингов «Самофракийские божества» и «Философию мифологии»; взял не затем, чтобы изучать их, но прибегнул к ним лишь как к известному стимулу, — так, как употребляют, например, внешние вспомогательные средства. Я поступил так, как человек, ведущий изыскания в духовном мире, который, желая несколько облегчить себе свою работу, воспользовался бы для этого внешними вспомогательными средствами — техническими и вспомогательными средствами, которые непосредственно не связаны с самим предметом исследования. Например, если кто-нибудь проводит исследования в области первых веков христианства, то он кладет себе под подушку на пару ночей сочинения святого Августина или Климента Александрийского: это внешний стимул, подобный какому-либо техническому вспомогательному средству для запоминания. Так и я взял тогда «Самофракийские божества» Шеллинга и его «Философию мифологии». Но, в сущности, я имел тогда в виду то, что происходило в течение XIX столетия так, что оно потом могло как бы излиться вниз на Землю и стать антропософией.

И когда я смог действительно проследить биографию, жизненный путь Шеллинга, мне стало открываться (сначала не очень ясно, ясным мне это стало уже много позже, когда я написал свои «Загадки философии»), как много в сочинениях Шеллинга написано, — собственно, записано им под влиянием инспирации, — и что инспиратором его был Юлиан Отступник — Герцелойде — Тихо де Браге, который хотя сам не появился на физическом плане, но необычайно сильно действовал через душу Шеллинга. И при этом я постиг, что Тихо де Браге после своего земного существования в качестве Тихо де Браге необычайно сильно продвинулся в развитии. Через телесность Шеллинга могло пробиться лишь немногое. Но если знаешь, что над Шеллингом, инспирируя, витает индивидуальность Тихо де Браге, и затем встречаешь при чтении «Самофракийских божеств» молнии гениальных прозрений, встречаешь гениальные прозрения именно в заключительной части «Философии откровения», где Шеллинг дает, пусть на свой лад, величественную интерпретацию древних мистерий, и в особенности если углубляешься в тот поразительный язык, который применяет там Шеллинг, — то начинаешь слышать уже не Шеллинга, а Тихо де Браге. И тогда начинаешь воспринимать, как, по сравнению с другими духами, именно Тихо де Браге, индивидуальность которого была воплощена также и в Юлиане Отступнике, сильно способствовал появлению многого такого, что стало стимулом новейшей духовной жизни и, хотя бы во внешних формах выражения, нашло себе место в антропософском направлении.

Затем большое впечатление произвела на меня книга Якоба Фрошаммера «Фантазия как основной принцип мирового процесса»* (*Издана в Мюнхене в 1877 г.). Это остроумное произведение, написанное в конце XIX столетия. Остроумное потому, что этот смелый человек, отлученный от Церкви, произведения которого были внесены в «Индекс запрещенных сочинений», решительно

выступил и в научной области: он указал на родство того чисто душевного процесса, который проявляет себя как фантазия, когда человек творит в области искусства, — на его родство с тем, что действует внутренне как рост и жизненная сила. Говорить это в те времена что-нибудь да значило! «Фантазия как основной принцип мистического процесса», как космическая творческая сила, — это очень значительная книга.

Фрошаммер очень заинтересовал меня тогда, и я постарался подойти к нему поближе, — подойти реально, а не только через его сочинения. И я опять нашел: его также инспирировал дух, прежде живший в Тихо де Браге и Юлиане Отступнике.

Итак, имеется целый ряд личностей, относительно которых можно сказать, что они действовали, как бы подготавливая то, что впоследствии стало антропософией. Но за всем этим стоит спиритуальный свет, действующий в сверхчувственном мире. Ибо все, что до этого низошло на Землю, осталось абстракциями. Лишь иногда оно конкретизирует себя у такого мыслителя как Шеллинг или такого смелого человека, как Якоб Фрошаммер.

И если мы сегодня подыдем свой взор к тому, что действует сейчас в сверхчувственном мире, и будем знать, в каком отношении к этому стоит антропософия, и если мы также распространим наше исследование на область истории — истории конкретной духовной жизни, — то все это окажет нам превосходную службу: здесь, на Земле, находится некоторое количество душ, искренне стремящихся к антропософии, всегда стоявших близко к течениям Михаила; а там, в сверхчувственном мире, находится некоторое количество душ, а именно — душ учителей Шартра, которые задержались там. У обеих этих групп душ — у тех, кто находится здесь, во внешнем мире, и тех, кто находится в духовном мире, — существует самое решительное стремление объединить свою деятельность в совместной работе.

И, видите ли, если хотят иметь помощь свыше при проведении исследований, касающихся будущего XX века, — если хотят иметь как бы Ангела-хранителя, который мог бы давать советы относительно сверхчувственного мира, если надо получать оттуда импульсы, — то такого помощника находят в индивидуальности Юлиана Отступника — Тихо де Браге. Она сейчас не присутствует в физическом мире; тем не менее она всегда тут и всегда дает пророческие сведения о том, что касается именно XX века.

И из всего этого вытекает следующее: те люди, которые сейчас искренне принимают антропософию, они подготавливают свои души к тому, чтобы как можно больше сократить продолжительность своей жизни между смертью и новым рождением, снова появиться на Земле в конце XX столетия и тут объединиться с задержавшимися в сверхчувственном мире учителями Шартра.

И вот, мои дорогие друзья, то, что мы должны принять в наши души: сознание того, что антропософское движение, в самом своем существе, призвано действовать и дальше. С концом XX столетия должны снова появиться на Земле не только самые значительные, но и почти все души антропософов, — появиться к тому времени, когда надо будет соединить духовной жизни, спиритуальной жизни необходимый ей сильный стимул. Ибо иначе земная цивилизация придет к полному упадку, симптомы которого уже теперь выступают так сильно.

Мне хочется, мои дорогие друзья, исходя из всего этого, возжечь в ваших сердцах тот огонь, который нам необходим, чтобы уже теперь сделать духовную жизнь внутри антропософского движения настолько сильной, чтобы мы своевременно были подготовлены к приходу той великой эпохи, которая настанет после нашей сокращенной жизни в потустороннем мире, — к той великой эпохе, когда расчет будет на важнейшую составляющую спасения Земли — на антропософские силы.

Я думаю, что эта перспектива будущего сможет воодушевить антропософов, сможет вызвать у антропософов такие чувства, которые поведут

их через современную жизнь энтузиастами, готовыми к работе, охваченными энтузиазмом чтобы подготовить их к предстоящему в конце столетия, когда именно антропософия будет призвана к тому, о чем я говорил.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 18 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Сегодняшнюю и завтрашнюю лекцию я хотел бы построить таким образом, чтобы из них могли получиться некоторые руководящие указания в отношении действия кармы, с одной стороны, но также несколько прояснилось и значение познаний по части человеческой кармы для всеобщей истории развития именно духовной жизни. Однако мы не сможем понять карму в ее действиях, пока рассматриваем только следующие друг за другом земные жизни какой-либо индивидуальности. Дело обстоит, как известно, таким образом, что когда в земной жизни человека ему проливается яркий свет на земной жизненный путь какого-либо человека или же на его собственный, тогда его прежде всего глубоко интересует вопрос: каким образом результаты минувшей земной жизни переходят в последующую? — Но сей способ действия кармы никогда не был бы понят, если оставаться при рассмотрении только земных жизней человека: человек ведь переживает между следующими друг за другом земными жизнями жизнь между смертью и новым рождением. В этой жизни между смертью и новым рождением и вырабатывается собственная карма человека, слагаясь из того, что случилось в его земной жизни, проведенной совместно с другими людьми, кармически с ним связанными — и теперь тоже развоплощенными и находящимися в жизни между смертью и новым рождением. Карма человека вырабатывается и во взаимоотношениях его с духами высших иерархий, а также, пожалуй, с низшими духами. И эта вырабатываемая карма становится понятной только тогда, когда можешь направить ясновидческий взор ввысь, к существам небесных светил, которые для физических глаз являют лишь свою внешнюю сторону.

Надо опять и опять повторять, что физики были бы в высшей степени изумлены, если бы они перенеслись туда, где находятся небесные светила, наблюдаемые ими через телескопы и анализируемые с помощью спектроскопов в отношении их вещества и даже их строения. Эти физики были бы поражены, если бы они перенеслись в те места, где находятся эти небесные тела, ибо они там встретили бы вовсе не то, чего они ожидают! Ведь то, что какое-либо небесное светило являет земным наблюдателям, есть для его собственного существования лишь довольно пустая внешняя видимость; а то, что небесное светило в себе содержит, имеет духовную природу, или же, если его природа физическая, то она является, можно сказать, неким остатком духовной.

Вы можете, мои дорогие друзья, следующим образом лучше всего уяснить себе это. Поразмыслите о том, что какой-то обитатель одного из небесных светил стал бы наблюдать Землю подобным же образом, как у нас астрономы и астрофизики наблюдают другие небесные светила: он описал бы некий диск, который мерцает, светится во Вселенной; нашел бы, может быть, у него темные и светлые пятна и как-то истолковал бы их. Вероятно, это истолкование не соответствовало бы тому, что знаем мы — земные жители. Может быть, если бы ему довелось при случае заметить пламя, ивергаемое Везувием, то он стал бы говорить о том, что на Землю тут влетела извне комета и т. п. Во всяком случае, описания такого астронома имели бы весьма мало общего с тем, что существенно для нашей Земли.

А что же существенно для нашей Земли? Поразмыслите о следующем: наша Земля ведет свое происхождение из того, что в моем «Тайноведении» описано как бытие древнего Сатурна. Тогда еще не существовало никакого воздуха, никакого газа, никакой жидкости, никакого твердого вещества, а было только дифференцированное тепло. И в этом дифференцированном

тепле было в зачатке заключено все то, что позднее стало минеральным, растительным, животным царствами природы, а также и человеческим царством. Мы, люди, еще были внутри этого Сатурна — в этом тепле.

Затем это развивается дальше. Воздух выделяется из тепла; выделяется вода; выделяется твердое вещество; все это сплошь остатки, которые были выделены, которые были отброшены человеком, чтобы сформировать себя. Все то, что присутствует в нас как минерально-плотное, а также жидкое и газообразное, это всего лишь остатки отброшенного нами. Таким образом, существенным на Земле является не то, что есть там в царствах природы, а также и не то, что мы несем в наших костях и мышцах, ибо эти последние состоят ведь из того, что нами отброшено и снова принято в себя, — но существенным являются наши души. А все другое, в сущности, есть более или менее видимость или остаточный продукт и т. п.

Землю по-настоящему можно описать только тогда, когда она описывается как колония человеческих душ в мировом пространстве. И также все звезды суть колонии духовных существ в мировом пространстве, — которые возможно познать. Наши собственные души, когда они прошли через врата смерти, движутся через эти небесные колонии, проделывая свой дальнейший путь развития — вплоть до нового рождения — в сообществе с теми человеческими душами, которые там уже находятся, и с существами высших иерархий или также низших иерархий. А затем, сообразно тому, какая работает карма, человек становится созревшим для того, чтобы снова принять то или иное земное тело. Значит, если мы хотим познать карму, то нам надлежит снова обратиться к звездной мудрости, то есть к духовному исследованию пути человека между смертью и новым рождением, — пути, проводимому им во взаимоотношениях с существами небесных светил.

Однако до наступления власти Михаила у людей Нового времени были великие трудности в деле обретения действительной звездной мудрости. И когда антропософия все же смогла прийти к этой звездной мудрости, то она знает, что этим она обязана тому обстоятельству, что с наступлением последней трети XIX столетия власть Михаила вмешалась в свершения земного человечества. И среди многих вещей, которыми мы обязаны власти Михаила, есть и то, что мы смогли получить беспрепятственный доступ к исследованию миров небесных светил ради постижения кармы, образования кармы в человеческом существовании.

Я хотел бы сегодня показать вам это на одном примере, чтобы постепенно ввести вас в область тех чрезвычайно трудных вопросов, которые возникают в связи с исследованием кармы. Я хотел бы привести вам один пример как некую иллюстрацию всего того, что должно произойти, прежде чем начать говорить непосредственно о действии кармы. Ибо если бы содержание этой лекции было бы сегодня представлено широкой публике, то результат совершенно точного исследования был бы сочтен за чушь, за глупость. Но речь идет именно о результате совершенно точного исследования; и вам следует уже знать обо всей той ответственности, какую надо сознавать при таком исследовании, а также знать обо всем том, что противодействует такому исследованию и через какие «тернии» приходится при таком исследовании продираться. Ибо необходимо, чтобы некоторое число людей могло узнать обо всех кармических особенностях, отличающих соплеменников к Михаилу, о чем я говорил; им надо знать, что при этих вещах дело идет о серьезном духовном исследовании, а не о том, что сегодня думают о таких вещах невежественные люди, стоящие вне антропософского движения.

Почти все из нас, мои дорогие друзья, могут вспомнить (я ведь отчасти уже упоминал об этом факте) один образ, который все снова и снова появляется в моих мистериях: это образ Штрадера.

Этот образ Штрадера взят в известном смысле из жизни — в той мере, в какой это может иметь место в поэзии. И личность Штрадера (о чем я уже

здесь упоминал) имела своего рода прототип в лице одного человека*(*Гидеон Спикер (1840—1912). В числе его трудов: «Мировоззрение Лессинга», Лейпциг 1883 г; «От монастыря до академической кафедры», Штутгарт, 1908 г.), который участвовал в развитии последней трети XIX столетия и пришел к своего рода рационалистическому христианству. Эта личность после чрезвычайно тяжелой юности (в фигуре Штрадера просвечивает нечто подобное) стала монахом ордена капуцинов, но не смогла удержаться внутри Церкви и потом нашла путь, приведший ее к должности профессора.

Когда эта личность от теологии обратилась к философии, она стала живым примером свободомыслящей религии Лессинга. Эта личность впала во внутренний конфликт с официальным христианством и более или менее сознательно хотела, исходя из разума, обосновать своего рода рационалистическое христианство. И та душевная борьба, с которой мы встречаемся у Штрадера в драмах-мистериях, разыгрывалась в определенном варианте уже в жизни этой личности.

Как вы знаете, в моей последней драме-мистерии Штрадер умирает. И когда я всматривался в то, каким образом личность Штрадера была вплетена в целое моих драм-мистерий, то я говорил себе: хотя нет никаких внешних препятствий для того, чтобы Штрадеру продолжать жить дальше, подобно другим персонажам драм-мистерий, тем не менее он умирает в силу внутренней необходимости! Так что можно даже рассматривать смерть Штрадера как неожиданность в ходе событий драм-мистерий. В известный момент Штрадер вдруг умирает; ибо я почувствовал, что не могу дальше рабатывать личность Штрадера в драмах-мистериях.

Почему это? Видите ли, мои дорогие друзья, тем временем умер, если я смею так выразиться, оригинал образа Штрадера. И вы можете себе представить, насколько глубоко интересовал меня этот оригинал в ходе его развития, раз я обрисовал его в образе Штрадера. Этот оригинал интересовал меня и дальше — также и после того, как он прошел через врата смерти.

Но тут есть одно своеобразное обстоятельство. Когда мы намереваемся проследить ясновидческим взором некую личность в то время, которое непосредственно следует за ее смертью и которое длится приблизительно одну треть физической земной жизни (тогда земная жизнь в некотором смысле переживается в обратном порядке, но втрое скорее), — то что же, собственно, переживает тогда человек в десятилетия, непосредственно следующие за концом его земной жизни?

Если взять человеческую жизнь здесь на Земле, то эта жизнь распадается на дни и ночи — на состояния бодрствования и состояния сна. В состояниях сна всегда присутствуют в сновидениях образные реминисценции дневной жизни. Когда человек оглядывается назад на свою жизнь, то ему вспоминаются обычно только состояния бодрствования, дневные состояния. Такого рода воспоминания можно передать следующим образом: вот, я вспоминаю себя с утра вплоть до вечера; затем — перерыв; потом опять вспоминается прошедшее с нового утра вплоть до вечера; затем опять перерыв; потом... и т. д., и т. д.

Однако поскольку от ночи ничего не остается в памяти человека, мы просто прочерчиваем линии жизни прямым образом и фальсифицируем наши воспоминания, присоединяя друг к другу только день за днем. Но после смерти нам приходится пережить как могучую реальность то, что наместовало по ночам, то есть во время приблизительно одной трети нашей земной жизни, — и пережить это в обратном порядке. И тогда наступает своеобразное переживание: имеют некоторое чувство бытия, — я сказал бы, некоторое чувство реальности того, что довелось пережить человеку на Земле. Ведь если бы этого чувства реальности не имелось, тогда все то, что человеку встречалось день за днем, он мог счесть за сновидения. У человека есть определенное чувство реальности. Знают, что земные вещи

реальны: ударяешься о них, если наталкиваешься на них, от них исходит свет, исходят звуки. Короче говоря, существует многое, побуждающее нас иметь чувство реальности здешнего мира во время земной жизни между рождением и смертью.

Но если собрать все то, что мы имеем здесь как чувство реальности, если вы, дорогие мои друзья, соберете воедино все то, что вы называете реальностью людей, которые вам встречаются здесь, то тем не менее все это в отношении своей интенсивности подобно действительности сновидений по сравнению с могущественной в ее интенсивности реальностью, которую переживают в те десятилетия непосредственно после смерти (и в которую вживается ясновидящий наблюдатель). Все это представляется человеку гораздо более реальным, чем земная жизнь, как если бы эта последняя была сновидением, — как если бы душа только теперь пробудилась в отношении интенсивности жизни. Это и есть то своеобразное обстоятельство, о котором я упомянул.

И когда я исследовал прототип Штрадера, то естественно, что мое внимание гораздо больше привлекала реальность, реальная индивидуальность, которая жила после смерти в потустороннем мире, чем воспоминание о ее земной жизни, которое по сравнению с тем, что наступает для умершего, подобно сновидению. Так что по сравнению с сильными впечатлениями от умершего я утратил интерес описывать Штрадера живого.

Итак, я могу сказать, исходя из собственного опыта, сколь мало интенсивна земная жизнь по сравнению с тем, что выплывает, когда прослеживаешь человека после его смерти, и что есть гораздо более интенсивная жизнь. И как раз тогда, когда вследствие проснувшегося земного интереса этот специфический интерес к данному человеку побуждает ясновидчески проследить его жизнь после смерти, как она протекает дальше, тогда возникают трудности. Ибо когда ведешь правильное наблюдение, наблюдаешь пристально, тогда видишь, как в этой посмертной жизни, делящейся в обратном направлении приблизительно одну треть минувшей земной жизни, умерший начинает подготовку своей грядущей кармы. Переживая свою жизнь в обратном направлении, он видит все то, что сделал в своей жизни. Если он причинил кому-то обиду, он переживает это сызнова. Если я умер, например, в возрасте семидесяти трех лет и, будучи шестидесятилетним, причинил кому-то страдание, то я переживаю это снова при моем посмертном странствовании в обратном направлении, но я переживаю это таким образом, что переживаю теперь не те чувства, которые я сам имел тогда, когда наносил обиду, но те чувства, которые пережил обиженный человек. Я полностью переношусь в переживания другого. И вот так живу я теперь, собственно, в тех людях, которые были затронуты мною в добром или же злом смысле, и имею их тогдашние переживания как свои собственные. И тогда у меня самого складывается устремление кармически загладить, возместить содеянное.

Интерес, который я имел к этому земному прототипу Штрадера, выступавшему теперь передо мной как сверхчуждая индивидуальность, был вызван именно тем, что этот прототип действительно хотел постигнуть христианство оригинальным, остроумным, рационалистическим способом.

Можно восхититься таким мыслителем, но тем не менее повсюду замечаешь, как обрываются нити рационалистической логики, как обрываются сплетения понятий при таком рационалистическом изложении христианства в книгах этого человека, написанных им в его земной жизни; замечаешь, как при этом, по существу, выступает нечто ужасно абстрактное, — как автор не может прийти к спланированному постижению христианства, как он при помощи философских понятий выстраивает себе своего рода рационалистическую религию и т. д. Короче говоря, у этой личности выступает вся слепота интеллектуализма теперешнего времени.

Это опять-таки обнаружилось примечательным образом при

прослеживании его жизненного пути после смерти. Люди, перед которыми не стоят такие трудности, при прохождении посмертного пути постепенно вживаются в сферу Луны. Это есть первая «станция» на этом пути. И когда мы как умершие приходим в область Луны, то встречаем там всех тех, можно сказать, «регистраторов» нашей судьбы, которые некогда в древнейшие времена были мудрыми учителями людей (о них здесь часто говорилось): когда Луна физически отделилась от Земли и стала самостоятельным космическим телом, то они последовали вместе с Луной. Так что теперь, когда мы как умершие проходим область Луны, то прежде всего встречаем там тех великих учителей человечества, которые некогда действовали, не воплощаясь в физическом теле; тем не менее они заложили основы изначальной мудрости, слабый отблеск которой сохранился в литературной традиции. Если мы не наталкиваемся ни на какие преграды, то на своем посмертном пути беспрепятственно вступаем в эту область Луны.

У той же личности, которая является прототипом Штрадера, обнаружилось нечто такое, из-за чего она оказалась не в состоянии во время ее душевной жизни после смерти беспрепятственно пройти через область Луны: возник ряд преград, — как если бы область Луны не хотела допустить к себе эту индивидуальность.

И если в образных имагинациях проследить, что там, собственно, происходило, то обнаруживается следующее: происходило так, как если бы те духи, первоучителя человечества, некогда принесшие ему первоначальную спиритуальную мудрость, все вновь и вновь повторяли этому прототипу Штрадера: «Тебе нельзя к нам, ибо ты из-за твоих особенных душевных качеств еще ничего не должен знать о небесных светилах; ты должен подождать, — ты должен повторно пережить то, через что ты прошел, и не только в своей последней инкарнации, но и в предшествовавшей ей, — и тем самым стать зрелым для того, чтобы знать что-то о небесных светилах и их сущности».

И вот что здесь примечательно: имеется некая индивидуальность, которая не могла предстать перед духами из мира небесных светил или могла сделать это лишь с трудом. Она, конечно, выступала им навстречу, но могла лишь с трудом делать это. И вот таким образом я именно в связи с этой личностью сделал то замечательное открытие, что у таких рационалистически интеллектуализированных индивидуальностей новейшего времени имеется некое препятствие при выработке их кармы: они не могут беспрепятственно приблизиться к духовным существам небесных светил. При дальнейшем исследовании обнаружилось, что эта личность потеряла способности и силы к своему рационализму из того времени, которое как раз предшествовало времени наступления власти Михаила.

Но затем со всей силой выступило требование произвести дальнейшее исследование кармы этой личности в отношении ее прошлого. Ибо я сказал себе следующее: там имеется нечто такое, что эта личность, исходя из результатов прошлых жизней, разработала таким образом, что это не только оказало свое действие в последовавшей земной жизни, но вторглось и в жизнь после смерти. А это уже поистине примечательный феномен.

Тогда обнаружилось, что жизнь в духовных мирах, которая предшествовала этой эскизно обрисованной мною земной жизни, какая отображена в фигуре Штрадера, была жизнью суровой проверки, экзамена этой души в сверхчувственных мирах: «Как же мне держаться по отношению к христианству?»

Можно сказать, что там, в сверхчувственном мире, медленно подготавливается то, что затем делает эту личность в земной жизни неуверенной в отношении постижения ею христианства. Это также просвечивает в фигуре Штрадера: он ни в чем не уверен; он отчасти отвергает мысль, что сверхчувственное есть; он хочет постигать только при помощи рассудка, — но все-таки хочет что-то узреть. Вспомните, каким изображен

Штрадер. Эта личность — порождение ка⁰⁰¹мы предшествующих времен. И обнаруживается, что факт¹⁰¹ически эта личность при прохождении через жизнь между смертью и новым рождением, что предшествовало этой ее земной жизни в конце XIX столетия и начале XX, прошла в очень приглушенном состоянии сознания, как оглушенная, сквозь жизнь небесных светил. Впоследствии в земной жи⁰⁰¹зи, как реакция на это, выступило стремление к образованию самых ясных, самых четких понятий в противовес тем сму⁰⁰¹тым понятийным образам, которые созерцала эта личность между смертью и новым рождением.

И когда от этих туманных переживаний миров небесных светил переходишь к прошлой земной жизни этой личности, тогда находишь нечто в высшей степени примечательное. Тогда оказываешься приведенным, — по крайней мере так стало со мной, — к «Состязанию певцов в Вартбурге» 1206 года, происходившему в то описанное мною время, когда старые пл⁰⁰¹тоники, например, школы Шартра, взошли в духовные миры, а аристотелики еще не спустились на Землю, и когда между этими группами духов состоялась своего рода небесная ко⁰⁰¹ференция, посвященная грядущему событию Михаила. Име⁰⁰¹ю на это время приходится состязание певцов в Вартбурге. Это всегда интересно проследить: что происходит здесь, на Земле, и одновременно — в потустороннем мире? И вот мы имеем состязание певцов в Вартбурге, которое не было непосредственно связано с грядущим течением Михаила.

Кто же участвовал в состязании певцов в Вартбурге? Там собрались самые значительные немецкие поэты, которые со⁰⁰¹ревновали друг с другом в пении своих стихов. Известно, что там боролись во славу своих покровителей-князей и ради их собственного признания Вальтер фон дер Фогельвейде, Вольфрам фон Эшенбах, Реймар фон Цветер; был там еще Генрих фон Офтердинген, выступавший, по существу, один против всех других. И в этом Генрихе фон Офтердингене нашел я ту индивидуальность, которая потом перевоплот¹⁰¹лась в человеке, ставшем прообразом Штрадера.

Итак, мы имеем дело с Генрихом фон Офтердингеном и должны заняться вопросом: почему Генрих фон Офтерди⁰⁰¹ген, пройдя через врата смерти, проходил через мир небе⁰⁰¹ных светил в сумеречном состоянии сознания? Почему?

Тут нужно проследить ход этого состязания певцов. Ге⁰⁰¹рих фон Офтердинген выступает против других. Уже пр¹⁰¹зван палач: он должен казнить Генриха, если тот потерпит поражение. Но Генрих фон Офтердинген избегает этой суд⁰⁰¹бы. Желая по-новому вести борьбу, он призывает к себе во⁰⁰¹дника Клингзора из Венгрии. Он действительно устра⁰⁰¹ивает приезд в Эйзенах волшебника Клингзора из Венгрии.

И вот заново разыгрывается Вартбургское состязание певцов при участии Клингзора. Отчетливо видно следу⁰⁰¹ющее: Клингзор, теперь выступающий за Генриха фон Офтердингена (который продолжает участвовать в певческом со⁰⁰¹стязании), борется не самолично, но привлекает в соратники духовных существ. И чтобы привлечь к борьбе духовных существ, он, к примеру, вызывает у одного юноши одерж¹⁰¹имость таким духовным существом, которое затем поет вместо него. И Клингзор дает выступить в Вартбурге еще более могущественным сверхчувственным силам.

Всему тому, что исходит от Клингзора, противостоит Вол⁰⁰¹фрам фон Эшенбах. Процедура, которую проделывает Кли⁰⁰¹нгер, состоит в том, что такое духовное существо должно выя⁰⁰¹вить, является Вольфрам фон Эшенбах ученым человеком или же нет. Однако Клингзор был загнан в угол Вольфр⁰⁰¹мом фон Эшенбахом. Ибо когда Вольфрам фон Эшенбах замечет, что в игре участвует такое духовное существо, он начинает петь о причастии Святых Тайн, о пресуществлении, присутствии Христа в Святых Дарах, — и дух должен уд⁰⁰¹виться, так как он не может этого вынести. Ведь за всем этим находятся действительные реальности (да будет мне позволено употребить эту тавтологию).

И все же Клингзору удается доказать при помощи множества духовных существ, что Вольфрам фон Эшенбах обладает лишь покинутым звездами христианством, христианством, которое больше не считается с Космосом, с миром небесных светил, а потому он оказывается неучем в отношении космической мудрости. Этого Клингзор добился. Клингзор доказал, что певец Грааля уже в то время знал о христианстве лишь только то, что не касалось космического христианства. И Клингзор потому мог выступить с такой духовной крепостью, что он обладал этой мудростью мира небесных светил. Но уже из того способа, как он применяет ее, можно видеть, что к его волшебному искусству примешивается то, что называют «черной магией».

Итак, мы видим, что Вольфраму фон Эшенбаху, профану в мире небесных светил, была неправедным образом противопоставлена звездная мудрость. Сейчас речь идет о времени XIII столетия перед выступлением на Земле тех доминиканцев, о которых я упоминал; речь идет о том времени, когда христианство именно там, где оно было особенно величественным, отклоняло всякое прозрение в мир небесных светил, когда лишь при внутреннем отчуждении от христианства могла еще существовать звездная мудрость, — как в случае Клингзора из Венгрии.

Генрих фон Офтердинген, призвав Клингзора, тем самым заключил союз с нехристианской «звездной мудростью». Вследствие этого Генрих фон Офтердинген остался в некоторой мере связанным не только с личностью Клингзора, которая позднее исчезла из его сверхчувственной жизни, но в особенности остался связанным с отрешенной от христианства космологией Средневековья. И вот так жил он долгое время, во время между смертью и новым рождением, а потом снова воплотился, как я описал вам, изживая известную уверенность в отношении христианства.

Но существенным тут является следующее. Он опять, умирая, проделывает путь в обратном направлении; и следуя этим путем в обратном направлении в мире душ, он становится на каждом шагу с необходимостью снова приближаться к миру небесных светил, а для этого принять участие в той суровой битве, которую должен был начать Михаил за свою власть именно в последней трети XIX столетия против тех демонических сил, которые связаны с нехристианской космологией Средневековья. И чтобы сделать эту картину полной, добавим: можно вполне точно ясновидчески узреть, что среди тех, кто ожесточенно воевал против власти Михаила и против кого должны были выступить духи Михаила, присутствовали — и еще теперь присутствуют — те самые духовные существа, которые некогда в Вартбурге были вызваны заклинаниями Клингзора, чтобы выступить против Вольфрама фон Эшенбаха.

Итак, перед нами предстает здесь некий человек, который в результате своей кармы ненадолго вступил даже в орден монахов-капуцинов, но тем не менее не мог подойти к христианству, — не мог подойти потому, что он нес в себе антагонизм по отношению к христианству, который он воспринял тогда, когда призвал из венгерской страны Клингзора на помощь против Вольфрама фон Эшенбаха, певца Парсифаля. И в то время как в подсознании этого человека все же приглушенно сказывалась нехристианская космология, в его обыкновенном сознании наличествовало какое-то рационалистическое христианство, не представлявшее особенного интереса. Интерес представляет только его жизненная борьба — попытка при помощи христианского рационализма обосновать своего рода рационалистическую религию.

Но видите ли, мои дорогие друзья, самым важным, самым значительным является то, что можно усмотреть взаимосвязь между абстрактным рационализмом, пронизательным абстрактным мышлением, и тем, что творится в подсознании: приглушенные, обессиленные представления о небесных светилах и отношения к небесным светилам изживают себя в сознании как абстрактные мысли.

И когда затем прослеживаешь, как сформировались в своей карме

самые толковые, в материалистическом смысле, люди современности, то приходишь к тому, что эти люди, главным образом в их прошлых земных жизнях, имели дело с космическим уклоном в черную магию. Это очень важная закономерность.

У крестьян инстинктивно сохранилось чувство отвращения к тому человеку, который показывает себя слишком топорным в рационалистическом смысле; этого они не терпят. В таком их отношении инстинктивно присутствует нечто, восходящее к таким закономерностям.

Да, мои дорогие друзья, взгляните теперь на все это с нашей точки зрения. Такие духи встречались в последней трети XIX столетия и в начале XX. Они принадлежали к самым интересным*. Так, например, перевоплощенный Герих фон Офтердинген, который имел дело с самым черным магом своего времени, с Клингзором, оказывается интересным именно из-за своего рационалистического рассудка.

Но тут же обнаруживаются трудности, мешающие правильным образом подойти к звездной мудрости. И этот правильный подход к звездной мудрости, который нужен для того, чтобы проникать ясновидческим взором в карму, возможен только в свете верного видения власти Михаила и верной позиции по отношению к Михаилу.

Это опять подтверждает то, что через всю действительность новейшего времени проходит одно течение духовной жизни (я показал его сегодня вам на одном конкретном примере — на примере человека, ставшего прообразом фигуры Штрадера), — течение, которое затрудняет непредубежденный подход к науке о небесных светилах, а тем самым и к науке о карме. Как все же это осуществить, и притом надежно осуществить, вопреки нападкам с той стороны, которую я охарактеризовал, — как подойти к звездной мудрости и к познанию кармы — об этом разговор пойдет завтра.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 19 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Наблюдения, к которым мы здесь приступили для того, чтобы все лучше и лучше понимать, что это значит, что современность стоит под знаком правления Михаила, — эти наблюдения привели нас в последний раз к показу того, как своеобразно может действовать карма человека; и эти наблюдения показали нам, как велики трудности, возникающие от того, что какая-либо личность не в состоянии между смертью и новым рождением пережить то, что необходимо для созидания кармы через участие в событиях звездного мира.

Само собой разумеется, что для воззрения, полностью связанного лишь с физической жизнью, трудно воспринять те вещи, которые, однако, должны быть восприняты, если со всей серьезностью отнестись к идее кармы. Но мы живем в эпоху великих решений, и эти решения должны быть приняты прежде всего в духовной области. И вот в духовной области эти решения правильно подготавливаются благодаря тому, что, исходя из углубления антропософского духа, отдельные люди обретают мужество настолько серьезно отнестись к наблюдению духовного мира, что на основе этого наблюдения они смогут постичь явления внешней физической жизни.

Поэтому я не побоялся в течение уже ряда месяцев сообщать о таких отдельных фактах духовной жизни, которые способствуют пониманию духовной конфигурации современности. И сегодня я пойду несколько дальше в иллюстрировании того, о чем еще буду говорить в воскресенье: моя цель — показать всю карму духовной жизни современности в связи с тем, что должно совершить антропософское движение.

Сегодня я буду говорить прежде всего о вещах, непосредственно не связанных с нашей главной темой; однако при этом вы тотчас распознаете, что духовная жизнь современности в самом глубоком смысле имеет характерные черты, происходящие из подоснов духовной жизни прошлого.

Многое тут покажется совершенно парадоксальным, но ведь и вся жизнь в целом является для земного рассматривания сплошным парадоксом. Примеры, которые я выбираю сегодня, не принадлежат к числу ординарных, ибо обыкновенная последовательность земных жизней, как правило, не соблюдается у исторических личностей: у этих личностей поверхностное наблюдение не может усмотреть прогресса в цепи следующих друг за другом земных жизней. Но эти земные жизни следуют друг за другом таким образом, что рассматривая их совместно, одновременно описываешь ход истории.

В столь отчетливом смысле это имеет место у немногих индивидуальностей, но это как раз такие индивидуальности, в отношении которых мы можем указать на их отдельные инкарнации как на инкарнации исторического значения. Это уже имело место у тех отдельных индивидуальностей, о которых уже говорилось прежде; и как раз на таких примерах мы можем чрезвычайно многому научиться для понимания кармы. Итак, я хочу прежде всего рассказать об одной личности, которая жила в конце первого христианского столетия. Уже тогда она была философом — таким философом, который в самом решительном смысле принадлежал к скептикам, то есть к тем, кто, собственно, ничего в мире не признают достоверным. Этот философ принадлежал к той школе скептицизма, которая, правда, уже видела наступление христианства, но оставалась на почве того воззрения, что в принципе невозможно достигнуть каких-либо надежных познаний и что, следовательно, никак нельзя сказать — могло ли какое-либо божественное существо вочеловечиться или же нет, и т. д.

Эта индивидуальность (ее имя в то время — Агриппа — ничего не скажет), воплотившись в то время, усвоила, можно сказать, все, что принес греческий скепсис, и была в известном смысле такой личностью, которую мы можем назвать даже циником, если это слово употреблять не в осудительном смысле, а как технический термин. Эта личность была циником не в отношении взглядов на жизнь, — тут она была скептиком, — но циником по отношению к вещам окружающего мира, над которыми она очень охотно подшучивала, — причем над весьма важными вещами. И это привело к тому, что христианство прошло мимо нее совершенно бесследно. Но когда эта индивидуальность прошла через врата смерти, то у нее сохранился определенный душевный склад, который, правда, в малой степени был следствием ее скептицизма, ибо ведь то, что является философским воззрением, далеко не уносят с собой в жизнь после смерти. Но этот склад был следствием ее внутренних душевных и умственных привычек, следствием ее легкого отношения к важным событиям жизни, ее склонности радоваться тому, что многое, казавшееся важным, оказывается вовсе не столь важным. Это было ее основным настроением. И это основное настроение было внесено и в жизнь после смерти.

Так вот, я вчера уже упомянул о том, что человек, когда он прошел через врата смерти, вступает в сферу, которая постепенно ведет его в область Луны. И я упомянул о том, что там есть, собственно, колония прамудрецов человечества, тех праучителей, которые некогда жили на Земле. Но они жили тогда не в физическом теле, а потому учили людей не так, как стали себе представлять обучение позднее; они странствовали по Земле, будучи облечены только в эфирное тело, и учили людей так, что человек, который обучался ими в мистериях, ощущал это как проникновение в него, как переживание в себе такого прамудреца. Он имел тогда чувство: прамудрец ныне был у меня. — И как следствие этого проникновения внутрь него, переживания в себе прамудреца, он ощущал затем некую внутреннюю инспирацию, через которую в то время и сообщалось учение. Это были древнейшие времена земного развития, когда великие праучителя странствовали по Земле в эфирных телах. Затем, когда Луна уже отделилась от Земли как космическое тело, эти первоучителя отошли на Луну; и вот, именно их сферу проходит человек на первом этапе своего развития в

Космосе после земной смерти. Эти прамудрецы суть те, которые просвещают тогда человека насчет кармы, ибо они имеют дело именно с мудростью прошлого.

И когда данная личность, Агриппа, вступила в эту сферу, тогда произошло то, что ей с особенной силой открылся смысл одной из ее прежних инкарнаций, которая была особенно характерной для нее и теперь, при посмертном взгляде на нее, производила особенно сильное впечатление. Ибо данная индивидуальность в ту свою инкарнацию могла еще частично видеть, каким образом религиозные культы Передней Азии и Африки проистекали из древних мистерий.

Эта индивидуальность заново пережила уже сверхчуждым образом в христианские времена то, что она некогда пережила на Земле в связи с некоторыми уже приходившими в упадок мистериями Передней Азии. И это привело к тому, что она (как я сказал, она не была затронута христианством в ее земной жизни), эта индивидуальность, теперь узрела, сверхчужденно узрела то, как в древних мистериях ожидали Христа.

Но тогда эти мистерии — я имею в виду культы, проистекающие из мистериальных мест, которые лицезрела эта личность, — уже приняли внешний характер в тех местах, где тогда жила эта личность. В результате она могла воспринять культовые обряды, которые в течение первых столетий христианского развития были перенесены, подвергшись христианизации, именно в римское христианство.

Итак, поймите, мои дорогие друзья, в чем тут, собственно, дело. Дело в том, что после смерти у данной индивидуальности в этой лунной области было подготовлено понимание тех внешних сторон культа и того внешнего устройства римской Церкви, которые прежде были языческими, но которые опять возродились в первые христианские столетия и перешли в римский культ, удержав тот подход к существу Церкви, который связан с римским культом.

Видите ли, это привело к созданию своеобразной духовной конфигурации у данной личности. При прохождении того пути, который проделывает человек во время между смертью и новым рождением, эта индивидуальность своеобразным образом работала над своей кармой в сфере Меркурия, так что она обрела широкий кругозор в области человеческих отношений (осуществляемых благодаря одаренности внешним разумом, а не внутренним чувством).

И когда мы прослеживаем дальше судьбу этой индивидуальности, то мы встречаем ее опять на Земле в лице того кардинала, который правил при Людовике XIV тогда, когда сам Людовик XIV был еще ребенком, — в лице кардинала Мазарини. И когда мы изучаем личность кардинала Мазарини во всем ее ослепительном блеске и величии, в его внешней трактовке христианства, легко ему дававшейся, а также и в том, как непринужденно он вживается в склад той женщины, которая осуществляла регентство во время несовершеннолетия Людовика XIV, — тогда мы видим следующее: он принимает в христианстве все то, что относится к устройству Церкви, к христианскому культу, к его великолепию. Он принимает все это, потому что встречается тут с испытанным метаморфозу переднеазиатским, восточным блеском. И, по существу, он правит Европой как человек, с большой силой воспринявший в себя (в своей гораздо более ранней инкарнации) переднеазиатскую сущность.

Но у Мазарини уже была та особенность, что его лично мало затрагивали происходившие тогда события. А вы должны вспомнить, что это было время завершения Тридцатилетней войны, — всех тех событий, которые разыгрывались как бы по инициативе Людовика XIV.

Кардинал Мазарини был одарен способностью широкого охвата событий и обстоятельств; он был крупным государственным деятелем, но одновременно он был в упоении от самого себя, в ослеплении от собственных

деяний. Эти деяния проистекали, можно сказать, от его великой ловкости, но никак не из глубины сердца.

Эта жизнь весьма примечательна тем, что затем происходит опять-таки во время между смертью и новым рождением. Можно увидеть, как тогда, при новом прохождении через сферу Меркурия, все то, что успела сделать личность Мазарини, рассеивается подобно дыму. Остается же то, что эта личность усвоила себе как идеи относительно христианства, остается и все то, что она пережила как скепсис по отношению к достоверному знанию. И все это следующим образом трансформируется в этой жизни между смертью и новым рождением: наука не дает последних истин; интенсивная способность понимания, которая была ущербной уже при предыдущем прохождении этой индивидуальности через сферу Меркурия, — она опять увядает; кармически образуются очень своеобразная умственная конституция, — такая, при которой эта индивидуальность упорно держится за прежние усвоенные ею убеждения, но при этом развивает мало понятий, необходимых, чтобы справляться с ближайшей земной жизнью. Наблюдая то, как эта индивидуальность проходила тогда через жизнь между смертью и новым рождением, имеешь следующее чувство: что, собственно, предстоит этой индивидуальности в новой инкарнации? С чем же она, собственно, по-настоящему связана? И тут имеешь чувство: она может быть более или менее связанной со всем чем угодно -и, вместе с тем, ни с чем. Для этого есть все предпосылки. Энергия, проявленная ею (после скепсиса в предшествующей земной жизни) на всех путях, на которых становятся кардиналами, затем христианство, пережитое с его внешней стороны, — все это глубоко коренится в этой личности. Эта личность должна была обогатиться различными познаниями, но выступила с легковесными понятиями. И кроме того: как же теперь изменилась политическая карта Европы, которой она прежде распоряжалась! Непонятно, как этой личности найти свое отношение к новой карте Европы? Что ей делать с этой картой? — Эта личность наверняка не будет знать, что предпринять с нею.

Да, мои дорогие друзья, необходимо проделать наблюдения над всеми этими вещами, происходящими во время жизни между смертью и новым рождением, чтобы не впасть в заблуждения и прийти к действительно точному знанию. Эта личность, о которой идет речь, опять родилась с наступлением времени Михаила, явив в своей физической жизни примечательный в своей двойственности облик. Эта личность не смогла стать ни настоящим государственным деятелем, ни настоящим клириком, хотя она энергично старалась быть и тем и другим. Это — Гертлинг, который в старости успел стать немецким рейхсканцлером и таким образом кармически реализовать остатки своего «мазаринизма»; свой же особый подход к христианству Гертлинг обнаружил в христианском профессорстве.

Вот пример, показывающий какими своеобразными путями современные люди приходят из прошлого к своим нынешним индивидуальностям. Тот, кто сам не исследует этого, но занимается измышлениями, естественно, приходит к чему-то совершенно другому. Но только тогда понимают карму, когда исходят из рассмотрения таких ее крайних проявлений, которые в мире внешних чувств выглядят почти что парадоксами, но которые суть факты в духовном мире. Как раз о подобном факте мне уже часто доводилось упоминать, а именно, о том, что столь яростно выступавший против Церкви Эрнст Геккель был перевоплощением монаха Гильдебранда, то есть великого папы Григория VII* (*Григорий VII (Гильдебранд) — римский папа (1073—1085).), им был Эрнст Геккель в своей прошлой инкарнации.

Отсюда вы видите, насколько малозначащим является внешнее содержание тех верований, которые имел человек в своей земной жизни, ибо они суть его мысли. Но подвергнутое изучению личность Геккеля, — изучению именно в связи с тем, чем был аббат Гильдебранд, ставший папой

Григорием VII (я думаю, что он тоже присутствует среди фигур Шартра), и тогда вы увидите, что в действительности тут есть динамическое продолжение одного в другом.

Я привел этот пример для того, чтобы вы могли увидеть, как выдающиеся личности современности вносят прошлое в эту современность. Я приведу еще другой пример, который может быть очень ценным для вас, но я почти готов отступить от этого, боясь легковесности; однако это вводит так глубоко в весь духовный склад современности, что я не могу обойтись без того, чтобы не привести этот пример.

Если вы теперь присмотритесь к фигуре монаха Гилдебранда, ставшего известным вам из истории как папа Григорий VII, то вы увидите, как душевная конфигурация Гекеля удивительным образом содержится в этой фигуре Гилдебранда, позднее папы Григория VII.

Но я хочу также упомянуть еще об одной личности; как сказано, я едва осмеливаюсь упомянуть о ней, но она чрезвычайно показательна в отношении того, что из прошлого и как именно переносится в современность. Я уже часто упоминал, — да это известно вам также из внешней истории, — что в IV столетии происходил Вселенский Собор в Никее* (*в 325 г.), на котором для Западной Европы было принято решение относительно арианства и афанасианства, и арианство было осуждено. На этом Соборе была явлена вся высокая ученость руководящих личностей первых веков христианства; здесь велись дебаты с привлечением действительно глубоких идей, — и тогда человеческая душа имела, в сущности, еще совсем иной строй, чем ныне: человеческая душа считала еще само собой разумеющимся то, что она живет непосредственно внутри духовного мира, но тогда уже был возможен спор о том, единосущен ли Христос, Бог Сын, Богу Отцу или же только подобен Ему. Последнее утверждали ариане. Мы не станем сегодня вдаваться в догматические различия между этими двумя представлениями, но отметим только то, что в споре обнаружилась необычайная острота и тонкость понятий, проникнутых, впрочем, интеллектуализмом тогдашнего времени.

Если мы сегодня имеем острый ум, то это естественно: сегодня почти все люди имеют острый ум. Я уже не раз говорил: люди сейчас ужасно мышленные, они умеют думать. Это не так уж много, но нынешние люди могут это. Можно быть очень глупым, но уметь думать. Да, люди могут сегодня думать. Но в те времена было иначе: люди не умели думать, они получали мысли как инспирации. А тот, кто обладал острым умом, тот ощущал себя как бы овеянным Божьей милостью, и мышление было в определенном смысле ясновидением. Такое было еще в IV послехристианском столетии. И те, кто внимал подобному мыслителю, также ощущали нечто от такого развития его мышления. На этом Соборе присутствовала также некая личность, принимавшая участие в дискуссиях; она была в высшей степени опечалена их исходом и принятым на Соборе решением, а еще больше утомилась, так как старалась найти аргументы как в пользу одной стороны, так и другой. Она приводила самые существенные аргументы как в защиту арианства, так и в защиту афанасианства; и если бы на Соборе пошла за этой личностью, то, несомненно, все дело приняло бы совершенно другой оборот. Это не было бы заключением какого-либо вялого компромисса между арианством и афанасианством, но было бы неким синтезом, который оказался бы, вероятно, чем-то очень значительным. Не следует, конечно, конструировать возможный исход истории, но ради ясности можно все же сказать, что это было бы чем-то очень значительным, что это привело бы к гораздо более интимной взаимной связи между Божественным внутри человека и Божественным во Вселенной. Ибо дальнейшее поведение победившего афанасианства привело к тому, что человеческая душа оказалась настолько отделенной от Божественного Первоисточника, что стали даже считать еретическим говорить о Боге внутри человека.

А если бы победило одно арианство, то, конечно, много говорилось бы о

Боге внутри человека, но без необходимого для этого внутреннего благоговения и внутреннего достоинства. Арианство рассматривало бы человека на каждой ступени его развития как воплощение присутствующего в нем Бога. Но ведь это имеет место и для каждого животного, равно как и для всего мира — каждого камня, каждого растения. Свою ценность это воззрение получает только в том случае, если оно в то же время содержит в себе побуждение ко все большему и большему восхождению в ходе эволюции для того, чтобы впервые обрести Бога. Утверждать, что на всякой ступени жизни человек имеет в себе Божественное, лишь тогда имеет смысл, если постигают это Божественное в непрестанном стремлении к непроявленной самости человека. Синтез этих обоих воззрений наверняка совершился бы, если бы эта личность, о которой я сейчас говорю, приобрела тогда на Соборе достаточное влияние.

Эта личность удалилась затем, глубоко опечаленная, в египетское отшельничество и вела необычайно аскетический образ жизни; она была основательно знакома со всем тем, что тогда — в IV столетии — было действительно духовной субстанцией христианства; она принадлежала, пожалуй, к наиболее образованным христианам того времени, но она не была борцом.

Уже то, как эта личность выступала на Соборе, обнаруживало человека, всесторонне взвешивающего все, спокойного и в то же время необычайно воодушевленного, — но его воодушевление не было придирчивостью и узостью энтузиаста. Это был человек, которому было не то чтобы тошно, — это было бы неправильным выражением, — но которому было необычайно горько, что ему ничего не удалось добиться; ибо он был глубоко убежден, что благо для христианства могло бы произойти, лишь если бы это его воззрение проникло в жизнь.

Итак, он удалился в пустыню и стал отшельником. Он был отшельником до конца своей жизни, но при этом он, следуя глубокому стремлению своей души, особо посвятил свой жизненный путь постижению происхождения инспирации мышления. Мистическое углубление его было направлено на то, чтобы установить, откуда же мышление получает свою инспирацию. Это сосредоточилось в едином великом устремлении — найти первоисточник мышления в духовном мире. И под конец эта личность была вся преисполнена этим страстным устремлением. Так она и умерла с этим устремлением, не найдя тогда, в этой своей земной жизни, конкретного результата, не получив ответа. Его не было. Время для этого было неблагоприятное.

И вот эта личность пережила при переходе через врата смерти нечто своеобразное. В течение десятков лет после смерти она могла взирать обратно на земную жизнь и видеть ее пропитанной тем, к чему она пришла в конце своей жизни. Эта личность могла лицезреть в том, что при обращении рассмотрении примыкает непосредственно к смерти, то, как думает человек.

Но это еще не давало полного ответа на вставший вопрос. И это важно. И не получив ответ на этот вопрос в виде идеи, эта личность всматривалась после смерти в Разум Вселенной, воспринимая его в чудесных светлых имажинациях. Она видела не идеи Вселенной — их она увидела бы, если бы ей удалось достигнуть завершения того, к чему она так стремилась, — не самые идеи Вселенной видела она, но она видела в образах как бы картину мышления Вселенной.

Так и жила между смертью и новым рождением эта индивидуальность, которая находилась в некоем состоянии равновесия между мистическим имажинативным созерцанием и пронизательным мышлением ранних времен (которое пребывало еще в текучем состоянии и не пришло к своему завершению).

В таком устройстве кармы победило вначале предрасположение к мистицизму. Эта индивидуальность воплотилась в Средние века как визионерка, достигшая удивительных прозрений в духовный мир.

Предрасположенность же к мышлению пока отступила на задний план, а вперед выступила способность созерцания. Удивительные видения с современной мистической отдачей себя Христу, необычайно глубокая пронизанность души созерцательным христианством — видениями, в которых Христос выступал как вождь воинства кротких, а не вооруженных и нападающих отрядов, — воинства, которое хотело бы распространять христианство с помощью кротости, чего еще никогда в реальности не было на Земле, — вот что было в видениях этой монахини. И это было настолько интенсивным христианством, что оно совершенно не подходило к тому, что развивалось тогда на Земле как новая форма христианства.

В течение своей жизни эта монахиня, эта визионерка не вступала в конфликт с официальным христианством, но она переросла официальное христианство и выросла поначалу в совсем личное христианство, какого потом на Земле вовсе и не существовало. Так что можно сказать, Вселенная поставила перед этой личностью вопрос, как возможно осуществить такое христианство при новой инкарнации в физическом теле.

А вместе с тем, после того как эта визионерка прошла через врата смерти, опять выступили отзвуки древнего и инспирированного интеллектуализма. И последствия визионерства оказались, можно сказать, пронизаны идеями. И эта индивидуальность в поисках человеческого тела для новой инкарнации стала Соловьёвым, Владимиром Соловьёвым*(*Владимир Соловьёв (1853—1900).). Почитайте произведения Соловьёва. Я уже неоднократно говорил о том, какое впечатление они производят на современного человека; я высказал это также в предисловии к изданию произведений Соловьёва**(**Владимир Соловьёв. Двенадцать чтений о богочеловечестве. Штутт, 1921 г. («Избранные труды в 3-х томах». Предисловие, стр. 12-16).). Пожалуйста почувствуйте то, что находится там между строк: мистика, часто кажущаяся нам излишне удушливой, христианство, носящее индивидуальную печать. Очевидно, что все это должно было искать такое мягкое тело, такое всесторонне податливое тело, какое можно получить только у русского народа.

Я думаю, мои дорогие друзья, что когда рассматриваешь эти примеры, то испытываешь тот священный трепет перед истинами кармы, которые надлежит целомудренно хранить лишь в глубинах души; ибо тот, кто понимает особенности наблюдений, проводимых в духовном мире, у того рождается чувство, что истина содержит в себе нечто святое, нечто вечное, с чего не следует недостойным образом снимать покровы.

Антропософию все снова и снова упрекали, — особенно теологи, — в том, что она срывает покров святости, мистичности с таинственных истин и тем самым профанирует их. Но если вникнуть в более глубокие, более эзотерические пласты антропософского мировоззрения, то можно ощутить, что истине не может быть и речи о такой профанации: мир наполняет нас священным трепетом, когда мы взираем на жизнь человека, следующие одна за другой, и на чудесное воздействие прежних жизней человека на его последующие жизни. Надо только самому не быть внутренне профанированным и не применять своего мышления в целях профанации, и тогда не будут возникать такие упреки.

Мы можем сказать: кто читает произведения Владимира Соловьёва и видит на заднем плане набожную монахиню-визионерку с ее изумительными видениями, с ее бесконечной отдачей себя Существо Христу, и кто видит затем эту личность, покидающую с горьким чувством Собор, на котором она выступала с таким великим и значительным вкладом, — кто видит таким образом христианство, выступающим дважды: в его рационалистической форме — но в инспирированно-рационалистической форме, — и затем в форме визионерской, — кто находит его дважды в душе и в сердце этой индивидуальности как ее подоснову, для того при снятии покрова с этой тайны ничто не будет профанированным.

Один немецкий романтик имел однажды мужество думать иначе, чем

другие, об известном изречении Изиды. Это знаменитое изречение гласит: «Я — то, что было, что есть и что будет; покрывала с меня не снимал еще никто из смертных». На что этот немецкий романтик ответил: «Тогда мы должны сделаться бессмертными, чтобы снять его!» — Другие же принимали это изречение пассивно.

Если мы откроем в себе действительно бессмертное, духовно-божественное, тогда мы получим право приблизиться, не профанируя их, ко многим тайнам, к которым мы не должны приступать, не имея элементарного доверия к божественности нашего собственного существа.

Вот в общих чертах то настроение, которое должно все более и более распространяться под влиянием наших прошлых и сегодняшних рассматриваний; они должны оказывать влияние на поступки и жизнь тех, кто, как это было описано, соединяет свою карму с Антропософским обществом.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 21 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Лекции, которые я теперь читаю под впечатлением того, что здесь присутствует так много друзей, прибывших со всех сторон, — они в основном имеют своей целью, исходя из кармы, привести к некоторому спиритуальному пониманию современной духовной жизни. И я хотел бы в последней из этих лекций в ближайший четверг представить изложенное в виде некоего единства.

Сегодня мне хочется на одном примере показать, как трудно бывает внести в современность подходящую для нее духовную науку. Я покажу это, исходя не из внешних отношений, но на одном кармическом примере. Этот пример касается, правда, одной индивидуальности, которая является воле не типичной, но особенной. Однако благодаря ему можно показать, насколько трудно внести в современную земную жизнь то, что каждый человек естественно приносит с собой из прошлых земных жизней. Он приносит с собой (за исключением, может быть, самой последней инкарнации) непосредственное или же по меньшей мере традиционное отношение к духовному миру. Мы увидим насколько трудно внести более раннее спиритуальное начало, на спиритуальный лад воспринятое, именно в современную телесность человека при современных условиях воспитания и цивилизации.

Для этого я предоставлю вам ряд последовательных земных жизней одной индивидуальности, которые выявят все возможные препятствия на пути такого внесения спиритуального в теперешнее время и которые помогут обнаружить, как эти затруднения были подготовлены уже в прошлых земных жизнях данного человека.

Рассмотрим сперва, мои дорогие друзья, одну человеческую индивидуальность в ее инкарнации в VI дохристианском столетии, — в то время и несколько позднее, когда имело место вавилонское пленение иудеев. При наблюдении этого времени мы наталкиваемся на женскую инкарнацию. Она принадлежала к иудейскому племени, но прежде чем иудеи были приведены в Вавилон, она сумела убежать и затем в Передней Азии восприняла всевозможные тамошние учения (эта женщина дожила до довольно преклонного возраста). Эти учения еще жили тогда в Передней Азии с великой интенсивностью и проникновенностью, самым различным образом разрабатывая то мировоззрение, которое можно назвать заратустровым мировоззрением; его резкий дуализм я описал в одной из глав моего «Тайноведения». Этот дуализм, с одной стороны, признавал, почитал Аура Маздао, великого Духа Света, который ниспосылает свои импульсы в развитие человечества и является источником добра, величия, красоты. Он имеет своих духов-служителей (Амшаспандов), которые окружают его подобно тому, как Солнце в сиянии откровения небесного лика окружено двенадцатью созвездиями Зодиака. Тут мы имеем светлую сторону этого восходящего к

древней Персии дуализма, — а затем мы имеем ариманического супостата, который вносит в мировое развитие человечества мрак, но также и зло, всевозможные преступления, дисгармонические образования.

Это учение было связано с проникновенным познанием констелляций небесных светил — в смысле астрософии или астрологии древних времен. Та индивидуальность в своей тогдашней женской инкарнации могла все это воспринять благодаря тому, что она имела своего рода учителя и друга в одной мужской личности, которая была посвящена во многие из этих переднеазиатских учений, в частности, в халдейскую астрологию.

Итак, имел место живой обмен мыслями между этими двумя личностями во время, последовавшее за вавилонским пленением иудеев. И мы наблюдаем то замечательное явление, что женская личность под воздействием впечатлений, которые она получила чрезвычайно восприимчивым, заинтересованным образом, — стала внутренне ясновидящей и могла обозревать Вселенную в видениях, передававших космический распорядок.

Мы тут действительно имеем дело с замечательной индивидуальностью, в которой, так сказать, ожило все то, что было ею обсуждено, что было проработано сообща с подружницей с нею упомянутым полупосвященным из Передней Азии. И этой женской личностью овладело настроение, которое можно передать так: «Ах, что такое, в конце концов, все те идеи, которые я восприняла во время учения, по сравнению с мощной панорамой имажинаций, которые стоят теперь перед моей душой! Насколько же мир внутренне мощен и богат!» — Это отметила женская личность в отношении своих визионерских имажинаций.

И именно это ее настроение вызвало размолвку между обеими упомянутыми личностями. Мужская личность придавала больше значения мыслительному прослеживанию мировоззрения, тогда как женская личность все больше и больше отдавала предпочтение образному. И можно сказать, что обе эти личности почти одновременно прошли через врата смерти, но в определенном разногласии друг с другом.

И вот, результаты этих земных жизней, я бы сказал, своеобразно сплелись вместе, так что после смерти обе индивидуальности чрезвычайно интенсивно переживали свои земные жизни в обратном направлении, а также вырабатывали карму между смертью и новым рождением. Интенсивная совместная жизнь была результатом этого особенного существования сообща. Мы находим это в особенности у женской личности, у которой после смерти в конце концов не осталось столь сильного предпочтения визионерских имажинаций. Более того, мы находим у этой женской личности после ее смерти появление своего рода жажды в ближайшей земной жизни постигать вещи в мыслительной форме, — так же как в ее земной жизни, только что описанной мною, она постигала вещи преимущественно в вербальной форме, которая от переживаний в словах переходят к визионерско-имагинативным переживаниям.

И вот эти обе индивидуальности, столь сильно кармически связанные друг с другом, снова воплотились во время первых христианских столетий, когда духовная субстанция христианства заявляла о себе в своего рода научной работе. Я здесь уже упоминал о том, что как раз многие из тех душ, которые теперь искренним образом пришли к антропософии, переживали христианство в эти первые христианские столетия, но переживали его в гораздо более жизненной форме, чем это совершалось позднее. И мы видим тут весьма замечательное явление.

Мы видим выступление одного человека, чья карма не имеет никакого отношения к тем двум индивидуальностям, о которых я говорю, но который теперь оказался связан с ними исторически как их современник. Мы видим в лице Марциана Капеллы выступление властителя дум того времени.

Это есть та самая личность, которая прежде всего написала

авторитетную, основополагающую книгу о «Семи свободных искусствах»* (*«De nuptiis Philologiae et Mercurii» (около 425 года).), — популярный учебник времен раннего Средневековья), которая потом играла большую роль во всем воспитании и обучении на протяжении всего Средневековья. Эти «Семь свободных искусств» — грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия и музыка — составляли в своей совокупности то, что тогда называли познанием природы и Вселенной.

Книга Марциана Капеллы сперва кажется несколько сухой, бесцветной. Однако, мои дорогие друзья, надо знать, что такие книги именно первых времен Средневековья вели свое происхождение из спиритуальных глубин; позднейшие ижежения, вышедшие из школы Шартра, также еще имеют бесцветный, каталогизирующий характер. И в сухом, бесцветном изложении Марциана Капеллы вопроса о семи свободных искусствах и о действующей за ними Природе надо заметить разглядеть изливание некоторых инстинктивных высших прозрений. Ибо совокупность этих семи свободных искусств (об этом уже говорилось в этих лекциях) представлялась тогда чем-то сущностным, — самой Природой в целом. И хотя такие личности как Марциан Капелла и другие, описывали эти вещи сухо, но они тем не менее знали, что можно узреть ясновидчески то, что диалектика, риторика и т. д. суть живые существа, инспираторы человеческих способностей и человеческой духовной деятельности, — а также то, что богиню Природу надо представлять себе подобной древней Прозерпине (как я это уже разъяснял здесь).

В этом течении, находившемся под влиянием того, что было заложено в семи свободных искусствах и в соответствии с тем взглядом на природу, — в этом течении находилась та женская личность, о которой я говорил, но теперь живущая в мужской инкарнации. В мужскую инкарнацию — в мужское тело, в мужской рассудок — она с самого начала внесла предрасположение к тому, чтобы не прямо выражать в мыслях познаваемые вещи, но сначала пережить, выразить их в визионерских прозрениях.

Можно сказать: пожалуй, у немногих личностей тогдашнего времени — в конце V и в начале VI столетия, — которых можно рассматривать в качестве учеников Марциана Капеллы, жило совершенно зримым, живым образом духовное содержание эпохи. Та же личность, которая теперь жила в мужской инкарнации, могла прямо говорить о своем отношении с инспирирующими силами диалектики, риторики и т. д.; она была преисполнена лицезрением духовных деятельностей.

И она снова встретилась с той другой личностью, которая была мужским духом в своей предыдущей инкарнации, а теперь перевоплотилась в женщину. И эта личность в теперешней женской инкарнации была наделена большой умственной культурой. И опять (мы видим, как тут действует карма, как все это обусловлено кармически) между ними возникает интенсивный духовный обмен, — обмен не идеями, но прозрениями, — возникает живая, духовная, интенсивная совместная работа.

Нечто примечательное образуется у той личности, которая в предыдущем дохристианском воплощении была женщиной, а теперь родилась мужчиной. Примечательным у этой личности было то, что ее могучие познания проистекали из живых визионерских прозрений, которые обычно бывают связаны с женской натурой, вообще склонной к визионерской жизни. Эта, теперь мужская, личность обладала всеми основными чертами женской инкарнации. И благодаря этому ей открылись бесчисленные тайны, относящиеся к взаимодействию Земли и Луны, — касающиеся, например, размножения людей. Как раз в таких областях эта, теперь мужская, личность особенно преуспела в познании.

И вот обе эти личности опять прошли через врата смерти, чтобы снова жить между смертью и новым рождением и еще в сверхчувственном мире пережить наступление эпохи души сознательной, — продвинуться там навстречу эпохе души сознательной. Потом та индивидуальность, которая

была оплечена мною сперва в ее женской инкарнации, а затем в ее следующей мужской инкарнации, родилась опять в мужской инкарнации. Очень интересно то, что обе рассматриваемые личности опять родились в одно время. Но и другая личность, которая в своей предыдущей инкарнации (значит, в той из рассматриваемых) была женщиной, теперь родилась мужчиной. Итак, обе рассматриваемые личности теперь одновременно родились в мужских инкарнациях. Нас должна преимущественно интересовать одна из них — а именно, та, которая в древности была женщиной чисто иудейского племени, а затем, в раннехристианское время, родилась мужчиной, который по своему физическому происхождению обладал смешанной кровью. Эта личность потом родилась в XVI столетии как итальянский утопист Томазо Кампанелла. Истине примечательная личность!

Рассмотрим пристальнее жизнь Томазо Кампанеллы, поскольку это необходимо для понимания кармы. Он родился с чрезвычайно сильной восприимчивостью к христианскому воспитанию, так что уже в своей ранней молодости штудировал «Сумму» Фомы Аквинского. Исходя из тех настроений, которые он усвоил себе благодаря своей прежней визионерской жизни, но которые постепенно превращались в противоположные настроения, побуждающие его изучать вещи мыслительным путем, он вживается в тот сильный мыслительный элемент, который находится в «Сумме» Фомы Аквинского, ревностно им штудируемой; и теперь, то есть в XVI столетии, он становится доминиканцем.

Однако в его мышление, которое он хотел строжайшим образом вести в направлении мысли в «Сумме» Фомы Аквинского, стало проникать какое-то беспокойство, проистекавшее из его прежней спиритуальной атаквистической визионерской жизни.

Примечательно, что Кампанелла ищет опорных пунктов для того, чтобы внутренне упорядочить свои прежние космологические прозрения визионера. И в то время как он, с одной стороны, становится ревностным доминиканцем, насельником монастыря в Козенце, с другой стороны — и это примечательно — Кампанелла заводит знакомство с одним весьма почтенным еврейско-каббалистом: он связывает изучение еврейской каббалистики с тем, что всплывает в нем как отголоски его древней визионерской жизни, а также связывает это с тем, чем стало учение Фомы Аквинского в доминиканском ордене. Все это живет в нем вместе со страстной тоской по визионерству. Он хотел бы как-то проявить вовне эту свою совершенно просветленную внутреннюю духовную жизнь. Ибо в его душе (этого не найти в биографиях Томазо Кампанеллы, но обнаруживается для духовного, ясновидческого наблюдения) как бы говорил некий голос: «Да, все же позади всех вещей есть духовное; также и внутри человеческой жизни должен быть тот же дух, который живет во Вселенной».

Все это оказывало свое действие также на эмоциональную сферу Томазо Кампанеллы. Он живет в Южной Италии. Южная Италия была поработана Испанией. Он принимает участие в одном заговоре с целью освобождения Южной Италии и, будучи схвачен испанцами, подвергается тюремному заключению, в котором он томится с 1599 года до 1626 года; иначе говоря, он живет в эти года вне окружающего мира, — из его земного существования были, собственно, вычеркнуты эти двадцать семь лет.

А теперь сопоставим эти два факта: когда Томазо Кампанелла подвергся заточению в темницу, ему было чуть больше тридцати лет. Последующие долгие годы он проводит в тюрьме. Это первое.

Но что он вообще за дух? Что он за личность? Он выдвигает идею государства Солнца. Из прошлых инкарнаций в душе Томазо Кампанеллы просвечивает разнообразное астрологическое содержание, всевозможные прозрения духовного мира. Он задумывает социальную утопию и описывает в своих сочинениях некое государство Солнца* («Город Солнца» написан в тюрьме в 1602

году.), в котором, как он верит, благодаря разумному социальному устройству смогут стать счастливыми все люди. То, что он описывает как город Солнца, как государство Солнца, отмечено чертами монастырской строгости, — Кампанелла воспринял эти вещи из монашеского ордена доминиканцев. В том, как он мыслит себе государственное устройство, наряду с некоторой монастырской строгостью есть, с другой стороны, чрезвычайно много от древней духовности. Во главе этого идеального государства должен стоять верховный правитель — своего рода верховный метафизик, который должен, исходя из духа, находить руководящие направления для государственного устройства, для государственной власти. Ему должны быть подчинены другие чиновники во главе с первым министром, которые должны осуществлять во всех частях установления государства Солнца. Эти установления возникли, кармически всплывая из души Томазо Кампанеллы, как реминисценции его прозрений, достигнутых в прошлых земных жизнях. Таким образом, он хотел, чтобы это государство Солнца управлялось, исходя из знания астрологических принципов. Конstellляции небесных светил подвергались тщательному наблюдению. Браки должны были заключаться сообразно этим конstellляциям; зачатия должны происходить так, чтобы роды падали на определенные, заранее вычисленные конstellляции, — иначе говоря, люди должны родиться на Земле, так сказать, с уже известной судьбой. Конечно, человек XIX или XX столетия, невропатолог или психиатр XIX или XX столетия, если бы ему попалось в руки такое сочинение, сказал бы, что ему место в библиотеке сумасшедшего дома. Вскоре вы увидите, что один психиатр XX столетия даже высказал подобное суждение.

Сопоставьте эти две вещи. Некая личность имеет эти страдания, эти жизненные условия как последствия ее прошлых земных жизней, ее прежних поступков. Некий человек хочет из силы Солнца и других небесных светил почерпнуть руководящие указания для управления государством на Земле; он хочет, так сказать, внести Солнце в земную жизнь и больше двадцати лет томится в темнице, воспринимая солнечное сияние только через узкую щель в тюремной стене; в его душе в мучительных чувствах и ощущениях изживается страдание того, что прежде, в прошлых земных жизнях, вошло в его душу. Впоследствии, благодаря папе Урбану VIII, Томазо Кампанелла был освобожден из тюрьмы, уехал в Париж, обрел там благосклонность Ришелье, стал получать пенсию и провел там остаток своей жизни.

Но вот важная особенность: тот еврей-раввин, с которым Томазо Кампанелла завел знакомство в Козенце и от которого он воспринял каббалистическую окраску своего мышления, благодаря чему в нем смогло ожить из прошлого гораздо больше, чем в ином случае, — тот еврей-каббалист был третьим перевоплощением той личности, что была (в описанных мною инкарнациях) мужчиной в первой своей инкарнации и женщиной во второй.

Итак, мы видим их взаимодействие; и когда они оба снова прошли через врата смерти, — Томазо Кампанелла и его друг, еврей-раввин, — то мы видим, как в той индивидуальности, которая в своем последнем воплощении была Кампанеллой, возникло примечательное противостояние по отношению к тому, что она восприняла в своих прошлых земных жизнях. И она ощущает это таким образом, что говорит себе: «Что могло бы случиться, не проводи я годы, томясь в темнице, где я мог только через узкую щель видеть солнечный свет!» — Эта индивидуальность постепенно приходит к своего рода отрицанию, к антипатии по отношению к тем духовным прозрениям, которые она имела в прошлом, в дохристианские времена и в первые века христианства. И тут мы наблюдаем то примечательное явление, что с наступлением эпохи души сознательной эта индивидуальность развивается дальше в сверхчувственном мире таким образом, что она, собственно, становится враждебной по отношению к тому, что было древней

спиритуальностью.

Видите ли, мои дорогие друзья, такой путь прошли многие души. Уже до своей земной жизни, вследствие того, что они провели в потустороннем мире свою сверхчувственную жизнь в эпоху души сознательной, они приобрели враждебность по отношению к прежним спиритуальным переживаниям. Ибо действительно трудно то, что раньше переживалось спиритуально, внести в современное тело человека. Современное земное тело и современное земное воспитание приводят человека к рационализму и к интеллектуальности.

И вот эта индивидуальность, которая в своем последнем воплощении была Томазо Кампанеллой, нашла, — в той ее земной жизни, которая последовала за жизнью Кампанеллы, — уникальную возможность создать некий противовес к прошлому, — и сделала она это в новой, несколько преждевременно наступившей земной жизни. Но это далось ей нелегко в силу тех условий, которые тогда были. Ибо, с одной стороны, эта личность еще в сверхчувственном мире чрезвычайно сильно выросла в элемент сознательности первого периода эпохи души сознательной, а именно — в рационализм и интеллектуализм. А с другой стороны, при переживании в обратном порядке событий, связанных с заключением Кампанеллы в темницу, все вновь и вновь прорывались в ее душу прежние визионерство, спиритуальное прозрение.

Эта индивидуальность, так сказать, перегрузила душу склонностью к интеллектуальной смысленности; она отключала прошлое, и у нее это отклонение прошлого постепенно приняло совершенно личный, индивидуальный характер. Развилась антипатия против той ее женской инкарнации в дохристианское время и вместе с этим — антипатия против женщин вообще. Отрицательное отношение к женщинам было сугубо личным, индивидуальным. И, как это совершается в карме, вместо чего-то теоретического возникает личная ситуация, личный темперамент, личная симпатия или антипатия, — в данном случае антипатия.

Так для этой личности возникла возможность еще раз пережить земную жизнь в свободном общении с окружающим миром, тогда как в своем последнем воплощении — в жизни Кампанеллы — она долгое время провела в тюремном заключении.

Прошу вас, поймите это правильно. Теперь та другая индивидуальность не появляется вместе с этой, ибо для той не было подобной предпосылки. Итак, эта индивидуальность, прошедшая через три описанные мною земные жизни, в которых та другая личность всегда была для нее чем-то, что поддерживало ее и вело в жизни, — теперь эта индивидуальность пришла к возможности пережить в земной жизни то, что было упущено ею во время двадцатисемилетнего тюремного заключения Кампанеллы. Пережить то, чего она была лишена во мраке тюремного заключения, стало для нее возможным в новой земной жизни.

Что же остается за вычетом всего остального, мои дорогие друзья, — что остается? Подумайте о следующем: когда Кампанелле было около тридцати лет, его постигло долгое тюремное заключение. Представьте себе степень зрелости человека эпохи Ренессанса, когда ему было около тридцати лет. Представьте себе: теперь действует то, что было тогда упущено, но все остальное — спиритуальное и рационалистическое — может проникать, приступать только извне. Повсюду в окружающем мире есть свет, и только годы, проведенные в темнице, погружены во тьму. И все это, излучаясь, пронизывает друг друга: ясновидение, женоненавистничество, о происхождении которого я уже сказал, а также и очень высокая разумность. Все это переплетается, взаимодействует, выступая при той степени зрелости, какая была у тридцатилетнего человека эпохи Ренессанса.

Теперь опять имеет место мужская инкарнация. Он родился примерно за 20 лет до завершения XIX столетия. В детское тело было включено то, что

стало, собственно, определяющим в его более позднем возрасте. Это было всего лишь повторением времени тюремного заключения, — так гласит в данном случае карма. Не удивительно, что подросток созрел чрезвычайно рано. Само собой разумеется, тут действовали детские силы роста, но совместно с тем, что было упущено в годы тюремного заключения, — со зрелостью тринадцатилетнего человека. Отсюда — скороспелость, преждевременное созревание. Так разыгрывается карма.

Одна примечательная склонность выступает у него при этом наверстывании того, что было упущено в прошлой земной жизни. В нем опять брезжат древние астрологические воззрения, древние прозрения, касающиеся спиритуального во всем мире природы, которые были столь грандиозны у этой индивидуальности в ее воплощении в первые христианские века. Это выступает, впрочем, по-детски, но тем не менее так сильно живет в нем, что он по этой причине питает антипатию к математически оформленному естествознанию. И когда он затем в 90-х годах XIX столетия поступает в гимназию, то блестяще учится словесности, иностранным языкам и всему тому, что не есть естествознание или математика. Но любопытно (для того, кто в состоянии судить о кармических взаимоотношениях, которые при ясновидческом постижении действительно повергают, я бы сказал, в состояние счастливого смущения), — любопытно то, что он в один миг овладел, кроме современного французского и итальянского языков, также и испанским, чтобы в свою ментальность внести то, что раньше побуждало его восставать против испанского господства, — чтобы возобновить прежнее переживание.

Вы видите, как действует карма, — как она вторгается в эту индивидуальность! Это ведь поразительно, что этот мальчик независимо от школьной программы стремительно изучил такой сложный для детей язык, как испанский, — изучил только потому, что его отец питал «случайное» пристрастие к этому языку (это опять-таки проистекает из кармы). Это говорит о сильнейшем влиянии его общего душевного склада. Этот основной тон переживаний заключенного, преисполненного вступлением против Испании, снова всплыл в его душе таким образом, что испанский язык стал в нем живым и пронизал его идеи, его мысли. Именно то, что было самым горьким переживанием во время этого заключения, проникает в ту область подсознания, где как раз правит воспринятый язык. Только поступив в университет, он приступает к занятиям естествознанием, ибо этого требует наступившая эпоха. Если в наше время хочешь стать образованным человеком, надо в той или иной мере изучить естествознание.

Теперь я могу сказать вам — кто же он, ибо я должен рассказать о нем дальше: это — злополучный Отто Вейнингер.

И вот после того, как Отто Вейнингер получил в университете естественнонаучное образование, он все то, что кипит, клопочет в нем так, как это может быть только в той земной жизни, которая является наверстыванием большого пробела в его прошлой земной жизни, — все это он вносит в свою докторскую диссертацию, за которую ему присвоена Венским университетом ученая степень доктора философии и которую Вейнингер после доработки выпустил в виде толстой книги «Пол и характер»* (*«Пол и характер», 17-е издание, Вена, 1918 г.).

В этой книге «Пол и характер» клопочет все то, что пережито прежде. Можно заметить, как порой там просвечивает утопизм Кампанеллы вместе с древними воззрениями, которые получают удивительное выражение. Что такое нравственность? На этот вопрос Вейнингер дает такой ответ: сияющий в мире природы свет есть выражение нравственности. Кто знает свет, тот знает нравственность. Поэтому в глубоководной фауне и флоре, которая живет без света, надо искать источник безнравственного на Земле. У Вейнингера можно найти чудесные интуитивные прозрения, как например, следующее: как надо рассматривать собаку с ее примечательным

выражением морды? Что обнаруживает оно? — То, что собаке чего-то не хватает, — что она что-то утратила, — а именно, утратила свободу.

Фактически вы можете найти у Вейнингера что-то от сверхрациональности, смешанное с крайним рационализмом. И можете также найти ненависть к тому, чем ему довелось быть в одном из прошлых воплощений, но это изживается не в ненависти к тому, что он знал, но в ненависти к своей женской инкарнации: женоненавистничество в его книге «Пол и характер» доходит до глупости. Все это показывает, как много может быть в одной человеческой душе спиритуальности, которая при переживании в сверхчувственном мире с групплением эпохи души сознательной может соединиться с интеллектуализмом; все это не может проявиться в современную эпоху, хотя хочет этого, — даже тогда, когда нынешняя земная жизнь есть всего лишь намерстывание периода жизни, утраченного в прошлом воплощении

Странные склонности Вейнингера опять-таки чрезвычайно многозначительны для того, кто может постигать кармические взаимозависимости. Его биограф описывает, что Вейнингер к концу своей жизни усвоил привычку смотреть из темного помещения через совсем маленькое отверстие на белую поверхность, — это доставляло ему особенную радость. Тут перед нами в этой непосредственной жизненной привычке просвечивает целая жизнь, проведенная в темнице.

А еще подумайте, как с этим связана жизнь в Южной Италии. То, что там разыгрывается, вводит его теперь в эту земную жизнь.

Надо еще упомянуть об одной детали, которая опять-таки является чрезвычайно важной для наблюдения кармы. Естественно, что Вейнингер принадлежал к читателям сочинений Ницше. И подумайте о том, какое настроение жило в душе Вейнингера при чтении «По ту сторону добра и зла» Ницше! (*1886 г.) Подобно взрыву бомбы поразило душу Вейнингера утверждение Ницше, что истина — это женщина. Это переживание Вейнингера окрашено женоненавистничеством, уже мною описанным.

Вот ему исполнилось двадцать два года, пошел двадцать третий год. Все оказывало на него сильное действие. В его душе образуются примечательные привычки. На него резко действует солнечный закат, так как наступающая темнота вызывает скрытое воспоминание о заключении в темнице в прошлой земной жизни. Поэтому Вейнингер всегда ощущает солнечный закат как нечто для него непереносимое. Но он обладает в своем юношеском теле зрелостью тридцатилетнего мужчины. Конечно, когда малоодаренный человек задирает нос, самодоволен, это некрасиво, но здесь, исходя из всей кармы Вейнингера, можно понять, почему он считал себя за какого-то особенного человека.

У него, естественно, обнаруживаются также самые различные отклонения от нормы, ибо эта его жизнь была повторением прошлой жизни в темнице. Там не всегда ведут себя обычно, нормально. Будучи осуществлением кармы, эти ненормальности могут вызвать у обычного психиатра впечатление проявлений эпилепсии. Такое впечатление производил также Вейнингер. Однако эта эпилепсия была последствием прошлой жизни в темнице, и ее проявления были защитным механизмом и теперь не имели никакого смысла при жизни на свободе, но были именно кармическим повторением прошлого. Вейнингер не был обычным эпилептиком. И нас не удивляет то, что он по достижении двадцатилетнего возраста неожиданно испытал совершенно необъяснимое побуждение сломя голову предпринять в одиночестве путешествие в Италию. Во время этого путешествия Вейнингер пишет весьма удивительную маленькую книгу «О последних вещах»* (*4-е издание, Вена, 1918 г.), где находятся описания элементарного мира природы, которые производят такое впечатление, как если бы кто-то захотел дать карикатурные, хотя и величественные описания Атлантиды, с психиатрической точки зрения являющиеся вполне безумными.

Однако это надо рассматривать кармически. Вейнингер совершает поспешное путешествие в Италию и, вернувшись обратно, проводит некоторое время вблизи Вены, в Брунне — в гористой местности. Здесь он записывает еще некоторые мысли (это величественные идеи о доме, в котором умер Бетховен), пришедшие ему в голову во время его итальянского путешествия, когда он жил несколько дней в той самой комнате, где скончался Бетховен, — теперь он переживал время своей былой неволи, — и кончает самоубийством, застрелившись. Его карма исполнялась. Застрелился Вейнингер в силу внутреннего побуждения, ибо у него создалось представление, что он стал бы совершенно дурным человеком, если бы продолжал жить дальше. Ему не открывалась возможность жить дальше, ибо карма была исчерпана.

Рассмотрите, мои дорогие друзья, с этой точки зрения отклонения Отто Вейнингера. Взгляните на все те препятствия, какие встречает эта душа, которая таким ненормальным образом переходит из эпохи Ренессанса в теперешнюю современность; взгляните на те препятствия, которые встают перед ней при поиске спиритуального вопреки тому, что она сама имеет столь много спиритуального в своих подсознательных глубинах; и выведите отсюда заключение обо всех тех препятствиях, которые существуют в эпоху Михаила на пути к надлежащему осуществлению требований этой эпохи Михаила.

Ибо естественно думать, что если бы душа Вейнингера смогла воспринять спиритуальное мировоззрение, то она, несмотря на все препятствия, смогла бы продолжать свое развитие вместо того, чтобы просто закончить самоубийством это повторение жизни в тюрьме.

Однако важно проследить как древняя спиритуальность развивается в человеческих душах вплоть до Нового времени и потом застопоривается, — важно увидеть именно на таких интересных примерах, каким образом она застопоривается.

Мы глубоко заглянули в кармические взаимосвязи, проследившие свет и на карму духовной жизни современности, описав эти четыре последовательные инкарнации одной чрезвычайно интересной индивидуальности, охватив ее жизнь, начиная с VI века до Мистерии Голгофы и до нашей современности. Это тот промежуток времени, который нам надлежит рассмотреть, если мы хотим понять жизнь нашей современности.

Мы рассмотрели сегодня случай, который показывает, как много может осуществить душа в эту эпоху. Я предпочитаю описывать такие вещи на конкретных примерах переживаний человеческой души, а не абстрактно обсуждать их.

Поэтому я привел этот эпизод, а во вторник вечером я закончу этот цикл лекций для членов Общества.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Дорнах, 23 сентября 1924 г.

Мои дорогие друзья! Из рассмотрений, проведенных в минувшее воскресенье, вы могли усмотреть то, что человеку, с его нынешней телесной конституцией и полученным им воспитанием, нелегко внести в современную инкарнацию (даже если она столь примечательна, как та, о которой говорилось в минувшее воскресенье) спиритуальное содержание своих прошлых инкарнаций. Ибо мы живем теперь в эпоху развития души сознательной, — в эпоху такого душевного развития, при котором особенно вырабатывается интеллект, господствующий теперь над всей жизнью, хотя люди еще часто поступают, следуя своим эмоциональным чувствам и особенностям характера. Интеллект есть та самая душевная способность, которая в наибольшей мере эмансипировалась от элементарно-человеческого, — от того, что человек несет в себе как свое более глубокое душевное существо.

Осознание этой эмансипации интеллектуального приходит тогда, когда

говорят о холодном рассудке, в который люди облачают свой эгоизм, в котором люди выражают свое безучастие, свое безразличие к другим людям, зачастую даже к близким. Холодным рассудком обозначается преследование всех тех целей, которые не восходят к идеалам души, но проистекают из утилитарности, предписывающей людям их жизненные пути.

В этих фактах выражается ощущение того, что рассудочное, интеллектуальное, рационалистическое эмансипировалось от человеческого в человеке. И кто вполне прозревает, в какой высокой степени интеллектуализированы нынешние души, тот понимает также, каким образом в каждом конкретном случае карма будет вносить именно в нынешние души то, что было усвоено этими душами в прошлые времена также и от высокой спиритуальности.

Подумайте, например, о следующем. Возьмем в самом общем виде, — в прошлый раз я показывал вам это на частном примере, а теперь возьмем в самом общем виде такую душу, которая в столетиях, предшествовавших Мистерии Голгофы, и в столетиях, последовавших за Мистерией Голгофы, жила таким образом, что духовный мир был для нее само собой разумеющейся реальностью, что она на основании ее собственных опытов могла говорить о духовном мире как о мире, столь же реальном, как цвета, тепло или холод для мира внешних чувств.

Все это заложено внутри души. Все это в периоды между смертью и новым рождением находится во взаимоотношениях с духовными мирами высших иерархий. Многообразное содержание вырабатывается тогда в этой душе.

Но вот такая душа в силу других кармических взаимосвязей должна снова воплотиться в теле, полностью предназначенном для интеллектуализма, которое в условиях современной цивилизации способно воспринимать одни только ходячие понятия, относящиеся, собственно, лишь к миру внешних чувств. Тогда возможно лишь следующее: для этой инкарнации то, что касается спиритуальности, отступает в подсознание, а в интеллекте, который развивает такая личность, может, пожалуй, присутствовать известный идеализм, тяга ко всевозможным идеям красоты, добра, истины; однако дело не доходит до того, чтобы те вещи, которые заложены в душе, поднялись из подсознания в обыкновенное сознание. Ныне существует много таких душ. И для того, кто в состоянии созерцать спиритуальное, — для него вид некоторых человеческих лиц вступает в противоречие с тем, что проявляется в жизни данных людей. Наружность гласит: «Тут, в глубине души, есть много спиритуальности». Но как только данный человек начинает говорить, в его речи не чувствуешь никакой спиритуальности. Поэтому, собственно, никогда еще в столь высокой степени, как именно теперь, лица людей не противоречили бы тому, что человек говорит.

Кто хочет понять, что необходимы сила и энергия, упорство и священное воодушевление для того, чтобы то, что уже принадлежит к нынешней эпохе, — а именно, интеллектуализм, — преобразовать в спиритуальность, — чтобы мысли, идеи возносились в духовный мир и чтобы при помощи идей можно было найти путь как ввысь, к духу, так и к духовному в природе, — кто хочет это понять, должен уяснить себе, что именно интеллектуализм составляет самое сильное, какое только можно помыслить, препятствие для обнаружения спиритуального, находящегося в человеческой душе. И только тогда, когда это будет принято во внимание, человек, являющийся антропософом, обретает внутренний энтузиазм к тому, чтобы воспринимать идеи антропософии, которые ведь должны считаться с интеллектуализмом эпохи и которые должны, так сказать, принять облик современного интеллектуализма. Но такой человек должен проникнуться тем, что им избраны ведь не относящиеся к миру внешних чувств идеи антропософии для того, чтобы постигнуть то, к чему эти идеи на самом деле

относятся, а именно — духовное. Само погружение в идеи антропософии может самым надежным образом вести нынешнего человека, если только он этого хочет, ввысь — в спиритуальное.

Последний тезис, мои дорогие друзья, мог быть впервые высказан, пожалуй, только в последние два-три десятилетия. Прежде это было еще невозможно. Ибо прежде, несмотря на то, что власти Михаила было положено начало уже в конце 70-х годов XIX столетия, дело обстояло так, что идеи, которые время приносило людям, — даже идеалистам, — были так сильно ориентированы на мир вещных чувств, что в 70-х, 80-х и 90-х годах подняться от интеллектуализма к спиритуальности было возможно только в исключительных случаях.

Действие этого факта я хотел бы сегодня показать вам на одном примере. Я хотел бы показать, что в ту эпоху, когда по тем причинам, которые я изложил именно в этом цикле лекций для членов Общества, должна была выступить антропософия как воззрение, проистекающее из спиритуального, — чрезвычайно сильно действовало то обстоятельство, что спиритуальность прошлого, которая вступала в человеческие души, с неотвратимостью была оттеснена назад. Да, в конце прошлого столетия она, не имея возможности проявиться, должна была отступить назад перед интеллектуализмом.

Поймите правильно, что я подразумеваю под этим. Возьмем, к примеру, какую-либо личность, которая жила во второй половине XIX столетия и которая имела в себе сильную спиритуальность, вынесенную из более ранней инкарнации: она вживается в современное образование, — в тогдашнее современное образование, — которое является насквозь интеллектуалистическим. Однако в той личности, которую я имею в виду, последующее действие былой спиритуальности является еще настолько сильным, что она хочет это выразить, — верно выразить. Но интеллектуализм этого не допускает. Эта личность получила интеллектуальное воспитание; эта личность живет в определенной общественной среде, у нее есть определенная профессия, — и повсюду интеллектуализм; в этот интеллектуализм не может вступить то, что она несет в своей душе. Об этой личности можно сказать: она словно призвана к антропософии. Но такой человек не может стать антропософом, хотя если бы он смог внести в интеллект именно то, что приобретено из спиритуальности более ранней инкарнации, так это стало бы антропософией. Но это у него не может стать антропософией; оно отступает назад вследствие своего рода шока, полученного от интеллектуализма. И самое большее, что может сделать подобная личность, это — обходиться повсюду с интеллектуализмом как с чем-то таким, к чему она не хочет приблизиться, чтобы то, что есть в ее душе, могло выступить в какой-либо последующей инкарнации. Теперь же это, естественно, выступить не может, ибо не соответствует наступившей эпохе. Такая личность может даже показаться косноязычной; но в отношении нее надо учитывать, что она повсюду судорожно отступает перед интеллектуализмом эпохи, чтобы не оказаться им затронутой.

Для пояснения этого я хотел бы привести пример. Я хотел бы прежде всего напомнить об одной личности древности, которая здесь часто упоминалась в связи с самыми важными вещами. Это — Платон, философ V и IV дохристианских веков, — душа, которая предвосхитила многое из того, о чем затем на протяжении столетий размышляло человечество. Ведь когда я указывал на великое духовное содержание школы Платона, я указал на то, что дух Платона с давних пор жил в развитии христианства и что он нашел свое выражение в этих великих учителях школы Платона именно так, как это могло быть тогда.

Здесь надо понять следующее: дух Платона был обращен прежде всего к миру идей. Однако, мои дорогие друзья, нельзя представлять себе, что идея у Платона была таким же абстрактным чудическим, что и наши нынешние идеи, какие мы имеем, когда превозносим обыкновенное сознание. Для Платона

идея была чем-то вроде персидских Амшаспандов, которые при Аура Маздао выполняли роль действующих гениев; для Платона идеи были действующими гениями, постижимыми только для имагинативного ясновидения, то есть они были сущностными. Но только он описывал их уже больше не с той жизненностью, с какой изображались такие вещи в более ранние времена. Он описывал их, так сказать, в качестве **тене**й духовных существ. Абстрактные мысли также возникают вследствие того, что идеи воспринимаются людьми все более и более тенеподобными. Но Платон в дальнейшем ходе своей жизни углубляет свое учение, и в его мир идей изливается почти вся мудрость тогдашнего времени. Если взять его **более** поздние диалоги, тогда у Платона найдешь астрологиче**ски**-астрономическое, космологическое, достойное изумления психологическое, этнографически-историческое содержание — причем все спиритуальное утончено до призрачности идеи.

Но все это у Платона исполнено жизни. И прежде всего, у Платона живым является ясновидческое прозрение: идеи суть основы всего того, что существует в мире внешних чувств. Повсюду, куда мы ни взглянем в мире внешних чувств и что мы ни увидим, — все суть внешнее выражение, внешнее **проя**вление идей. При этом в мировоззрение Платона вступает еще другой элемент, который стал известен окружающему миру в виде ходячего выражения, которое стало предметом большого непонимания, а также и злоупотребления, — **выра**жения «платоническая любовь». Одухотворенная любовь, которая максимально отбросила от себя то, что зачастую еще примешивается к любви от эгоизма, — одухотворенная **с**моотдача миру, жизни, человеку, Богу, идее — этой есть ведь то, что пронизывает жизневоззрение Платона. И это настро**е**ние в определенные эпохи отступает назад, но потом всегда снова расцветает. Ибо платонизм опять становится **востр**ованным и опять образует возвышенное содержание, к **к**орому стремятся люди; платонизм образовал также основу того, чему учили в школе Шартра.

Нередко в Платоне видели своего рода предшественника христианства. Однако думать, что Платон был предшестве**н**ником христианства, — это значит неправильно понимать христианство. Ибо христианство — это не учение, но жи**в**енное течение, связанное с Мистерией Голгофы; и о насто**я**щем христианстве можно говорить только после Мистерии Голгофы. Но можно утверждать, что и прежде были христи**а**не — в том смысле, что они до Мистерии Голгофы то Сущ**е**ство, которое потом, внутри земной жизни человечества, было опознано в качестве Христа, почитали как Солнечное Сущ**е**ство, — прозревали Христа в этом Солнечном Существо. Если хотят говорить о предшественниках христианства в этом смысле, тогда надо говорить и о многих учениках мистерий как о таких предшественниках; тогда и о Платоне можно говорить как об одном из предшественников христианства. Но, конечно, все это надо верно понимать.

Некоторое время тому назад я здесь уже говорил, что при жизни Платона под его влиянием подрастал (я упоминал об этом уже более десятилетия тому назад) один художник, который, хотя и не состоял в философской школе Платона, но исходил, если и не из философии Платона, то из ее духа; после того, как он прошел через другие инкарнации, он **с**родился уже как Гёте, и кармически то, что пришло к нему из прошлых инкарнаций, и в особенности из Платон**с**кого течения, будучи переработано в сфере Юпитера, стало тем видом мудрости, которая пронизывает у Гёте все. Итак, мы можем направить свой взор на возвышенное отношение Платона к этому, правда, не его непосредственному ученику, но его последователю; ибо в греческую эпоху он был, как сказано, не философом, а художником. Но взор Платона упал на него и заметил то поразительно многообещающее, что было в этом юноше.

Так вот, Платону было тяжело в последующие времена пронести через сверхчувственный мир то, что он носил в своей душе во время своей

инкарнации в качестве Платона. Это давалось ему очень тяжело. Ибо хотя платонизм и всплывал в разных точках Земли, но когда Платон из высшего мира взирал на то, что развивалось дальше как платонизм, это всегда становилось для него страшным препятствием в его сверхчувственной душевной и духовной жизни.

Дело обстоит не так, как если бы по этой причине хотелось осуждать или критиковать то, что жило дальше как платонизм. Само собой разумеется, душа Платона в последующие эпохи все более и более отчужденно переживала этап за этапом то, что как раз в ней самой было заложено. Но именно Платону, который был ведь еще связан с мистификациями древности и чье учение об идеях имело в себе своего рода персидскую основу, — именно Платону, когда в сверхчувственном мире закончилось время, положенное ему до вступления в новую инкарнацию (а у него это было даже изрядно долгое время), было тяжело вступить в христианскую культуру, в которую он, однако, должен был вступить. Так что можно сказать: несмотря на то, что в определенном смысле Платон все же может быть назван одним из предшественников христианства, вся душевная установка Платона была такой, что ему стало чрезвычайно трудно, когда он созрел для нового нисхождения на Землю, найти подходящее тело и внести в него свое обретенное в прошлом достояние таким образом, чтобы теперь оно могло появиться с христианским оттенком, с христианской нюансировкой. И кроме того, Платон был насквозь греком со всем тем восточным вкладом, который имели греки и которого вовсе не имели римляне. Платон в известном смысле был такой душой, которая поднимала философию в царство высокой поэзии, а потому философские диалоги Платона являются произведениями искусства. В них повсюду присутствует душа, и они повсюду проникнуты «платонической любовью», которую надо понимать в ее истинном смысле и которая вместе с тем явственно выдает свое восточное происхождение.

Платон является греком. Единственная цивилизация, в среде которой он мог воплотиться, когда созрел для новой инкарнации и, так сказать, состарился для сверхчувственного мира, — эта цивилизация была римской и христианской. Я хотел бы сказать, если смею употребить тривиальное выражение: «Ему настала пора». Тут он должен был собрать все свои силы, чтобы преодолеть сопротивление. Ибо в сущности Платона было заложено отвращение к римской прозаической трезвости, к римскому праву, — собственно, ко всему римскому.

В самом существе Платона заключалось также определенное препятствие к принятию христианства, ибо сам он ведь являл собой в известном смысле вершину дохристианского мировоззрения; также и во внешних обстоятельствах обнаруживалось то, что собственное существо Платона не могло с легкостью погрузиться в христианство. Ибо что тогда в мире внешних чувств проникало вглубь христианства? — неоплатонизм. Однако это было нечто совсем иное, чем настоящий платонизм. Образовался некий вид платонизирующего гнозиса, но тем не менее не существовало возможности перевести непосредственное существо Платона в христианство. Трудность для Платона была в том, как же ему теперь вступить в мир внешних чувств, обладая тем порывом, который несло в себе его существо и который вновь должен был дать плоды. И ему пришлось обуздать свой порыв.

И вот таким образом он воплотился в X столетии Средневековья как монахиня Гросвита — та позабытая, но гениальная личность X столетия, которая восприняла христианство в действительно платоновском смысле и которая, в сущности, внесла поразительно много от платонизма в сущность Центральной Европы. Живя в монастыре Гандерсгейм (Брауншвейг), она внесла поразительно много от платонизма в существо Центральной Европы. Сделать это могла, в сущности, тогда только женщина. Существо Платона не могло бы принять в то время христианство, если бы оно не появилось в

женском обличи. Но ему пришлось усвоить (практически принудительным образом) и римское начало, которым было тогда проникнуто все образование, так как все преподавание велось на латинском языке. Мы видим, как эта монахиня развивается в замечательную личность, которая пишет латинские драмы в стиле римского поэта Теренция, — драмы, которые действительно являются необычайно значительными.

Да, не очень легко узнать Платона в его новом воплощении. Я часто упоминал о том, что Фридрих Геббель*(*Дневники Геббеля, М° 1336 в Собрании сочинений Геббеля (часть 9) в Штутгартском издании.) сделал набросок одной драмы (существует только набросок ее плана); там Геббель хотел в шутку изобразить, как перевоплотившийся Платон сидит учеником в одном из классов гимназии. Конечно, это поэтическая фантазия — то, что Геббель хотел изобразить, как перевоплотившийся Платон в гимназическом классе проходит платоновские диалоги со своим учителем, — учителем гимназии, — и получает за свои отзывы наихудшие отметки. Таков был материал Геббеля для задуманной им пьесы, который, впрочем, остался неразработанным. Но это было у него, так сказать, ощущением того, как вообще легко может быть не признан перевоплотившийся Платон. Действительно, он легко может быть не признан. Эта черта особенно интересовала меня при прослеживании Платонова течения; ибо это неузнавание, непризнание чрезвычайно поучительно для отыскания верных путей при прослеживании дальнейшего прохождения индивидуальности Платона через земные жизни.

Ведь уже в высшей степени интересно то, что нашелся один немецкий филолог**(**Историк Йозеф Ашбах (1801 — 1882) пытался в своей книге «Гросвита и Конрад Кельт» привести доказательства того, что сочинения Гросвиты фон Гандерсгейм в действительности принадлежат Конраду Кельту (1459 — 1508), действовавшему в Вене при Максимилиане I.) (я не помню теперь его фамилии, — то ли Шмидт, то ли Мюллер), который приводил «непроверяемые» доказательства в пользу того, что монахиня Гросвита не написала ни одной драмы и что вообще не написала ничего, — все это, мол, сфальсифицировал некий советник императора Максимилиана. Все это, естественно, бессмыслица. Но с Платоном как раз связана его неузнаваемость.

Итак, вы в действительности видите эту энергичную христиански-платоническую духовную сущность связанной с центральноевропейским германским духом в этой индивидуальности монахини Гросвиты из X века. В этой женщине воплощена вся образованность тогдашнего времени. Это действительно достойная удивления женщина. Именно эта женщина принимает потом участие в тех процессах сверхчувственного развития, о которых я говорил: в переходе учеников Шартра в духовный мир; в нисхождении на Землю тех, кто затем выступил в качестве аристотеликов; в школе Михаила. Однако она в этом участвует совсем особенным образом. Можно было бы сказать, что здесь борются между собой мужской дух Платона и женский дух монахини Гросвиты, которые оба внесли свои плоды в эту духовную индивидуальность. Если бы вторая инкарнация была малозначительной, что ведь бывает в громадном большинстве случаев, то такая внутренняя борьба не имела бы места. Но здесь, у данной индивидуальности, эта внутренняя борьба продолжалась, собственно, все время.

Таким образом, когда эта индивидуальность созрела для того, чтобы снова прийти на Землю в XIX столетии, то мы видим, что эта индивидуальность оформилась так, как я гипотетически уже описал вам прежде: вся спиритуальность Платона оказалась застопоренной, отступившей перед интеллектуальностью XIX века и не желающей к ней приблизиться. И это происходило тем легче, что в этой душе присутствовало женское дарование монахини Гросвиты. Так что эта душа выступает таким образом, что все, обретенное ею в ее столь значительной, блистательной женской инкарнации, позволяет ей с легкостью отвергнуть интеллектуализм там, где ей это будет угодно.

И вот так заново воплощается на Земле в XIX столетии эта

индивидуальность, которая вырастает в интеллектуальность XIX столетия, но тем не менее всегда позволяет приблизиться к себе этой интеллектуальности только как чему-то внешнему, а внутренне судорожно отшатывается от нее. Но зато платонизм вторгается в сознание этой души не интеллектуалистическим образом; и повсюду, где только это возможно, она говорит, что во всем живут идеи. Эта жизнь в идеях становится для этой личности чем-то само собой разумеющимся. Но ее тело было таким, что всегда можно было иметь ощущение: голова, собственно, не может выразить всего того, что туда хочет простечь из платонизма. С другой же стороны, эта личность прекрасным, блистательным образом обоживала то, что сокрыто за платонической любовью.

Но здесь есть еще кое-что. В своей юности эта личность пережила нечто вроде сновидений о том, что Центральная Европа (где она ведь жила прежде как монахиня Гросвита) не должна быть по-настоящему римской; она представляла себе эту Центральную Европу чем-то вроде новой Греции, — тут пробивался платонизм; а та более суровая страна, — именно, Македония, которая противостояла Греции, — представлялась ей в виде европейского Востока. Примечательными были сновидения, которые жили в этой душе: они свидетельствуют о том, что она хотела современный мир, в котором она сама жила, представлять себе как Грецию и Македонию. Именно в юные годы у этой личности все вновь всплывало стремление представлять себе всю современную Европу как увеличенные Грецию и Македонию. Это очень интересно.

Так вот, этой личностью, о которой я сейчас говорю, является Карл Юлий Шрёер. И вам надо параллельно с тем, что мною было сказано, лишь посмотреть сочинения Карла Юлия Шрёера: с самого начала он говорит, собственно, вполне в духе Платона. Однако крайне знаменательно то, что он оберегает себя — можно сказать, с жеманством девушки-недотроги — от интеллектуализма, когда он может его избежать.

Говоря о Новалисе, он всегда охотно повторял: «Да, Новалис — это дух, которого не понять при помощи современного интеллектуализма, не знающего ведь ничего другого, кроме того, что дважды два четыре».

Карл Юлий Шрёер написал историю немецкой художественной литературы XIX века. Заметьте: везде, куда можно подойти с душевным ощущением платонизма, эта история литературы очень хороша; а там, где дело касается интеллектуализма, внезапно автору отказывает вдохновение. Шрёер пишет совсем не по-профессорски; о некоторых из тех, о ком остальные историки литературы умалчивают, у него написаны многие страницы; о тех же, кто является знаменитостями, он пишет порою только пару строк. Он пишет также и о Сократе, новое воплощение которого осталось незамеченным во внешнем мире* (*Здесь в стенограмме пропуск. По свидетельству присутствовавших на этой лекции, Рудольф Штейнер назвал Христиана Озера, отца Карла Юлиуса Шрёера, в качестве перевоплощения Сократа.).

Когда эта история литературы появилась, — о, тогда все литературные шишки воздели руки к небу. Видной шишкой был в это время Эмиль Ку* (*Эмиль Ку (1828-1876) - литературный критик.). Он говорил: «Эта история литературы вообще написана без участия головы, она просто высосана из пальца». Карл Юлий Шрёер предпринял также издание «Фауста» Гёте под своей редакцией. Один профессор университета в Граце, в остальном, вполне приличный человек, написал столь отвратительную рецензию на это издание, что, мне думается, произошел десерт дуэлей среди студентов Граца — за и против Шрёера. Это было уже злобной недооценкой. Дело зашло настолько далеко, что мне однажды пришлось встретиться с этой низкой оценкой Шрёера в одном веймарском собрании. Там в присутствии Эриха Шмидта, который был высоко почтенной личностью и доминировал над всеми в обществе, как-то зашла речь о том, кто из Веймарских принцев и принцесс умнее, а кто — глупее. И Эрих Шмидт сказал: «Вот, принцесса Ройс (это

была одна из дочерей великой герцогини Веймарской) — вовсе не умная женщина, так как она считает Шрёера за большого ученого». Таково было его доказательство.

Проследите все это вплоть до поразительной, прекрасной книжечки Шрёера «Гёте и любовь»: там вы действительно найдете то, что без всякого интеллектуализма можно сказать о платонической любви в непосредственной жизни. Нечто необычайное в отношении стиля и манеры этой книжечки ясно выступило передо мной, когда я говорил о ней с сестрой Шрёера. Она назвала ее стиль «вполне сладостным при незрелости». Таким он и является. Это — прекрасное выражение: «вполне сладостный при незрелости». В этом слове не стоило сгущать краски, и у Шрёера там все изображено с тонким благородством. Благородство вообще было ему особенно свойственно.

Но эта платоническая спиритуальность, отвергающая интеллект, которая хотела вступить в тело Шрёера, производила совсем особенное, примечательное впечатление. Шрёер выглядел так, что совершенно отчетливо воспринималось: эта душа не находится полностью в данном теле. И когда затем он стал стареть, тогда можно было заметить, как эта душа, которая, собственно, не хотела по-настоящему вступать в тело, предоставленное ей тогдашним временем, — как она стала по частям выходить из этого тела. Сперва распухли и стали нечувствительными пальцы, потом душевное присутствие начало выходить из самого тела, — и Шрёер закончил свою жизнь в состоянии старческого слабоумия.

Не вся индивидуальность, но некоторые черты Шрёера были перенесены мною на фигуру профессора Капезиуса в моих драмах-мистериях. Тут мы имеем блестящий пример того факта, что только при известных условиях спиритуальные течения древности могут быть внесены в современность. И хотелось бы еще сказать: в Шрёере обнаруживается ужас перед интеллектуализмом. Если бы он достиг интеллектуальности и смог бы соединить ее со спиритуальностью Платона, — то возникла бы антропософия.

Мы видим в его карме, как его, можно сказать, отеческая любовь к будущему Гёте (ведь Платон в свое время питал к нему отеческую любовь) преобразовалась и стала у Шрёера горячим почитанием Гёте. Заново она выступает в такой форме. Почитание Гёте у Шрёера было чем-то чрезвычайно личным.

На старости он хотел написать биографию Гёте. Он рассказывал мне об этом до того, как я в конце 80-х годов уехал из Вены. Позднее он писал мне об этом. Но он всегда писал мне об этой будущей биографии Гёте, непременно повторяя: «Гёте постоянно посещает меня в моей комнате». Это было в высшей степени личным, кармически предопределенным (как я об этом уже упомянул).

Эта биография не появилась, ибо как раз тогда Шрёер начал впадать в старческое слабоумие. Однако для всего тона его сочинений находишь вполне ясную интерпретацию, когда знаешь эти взаимосвязи, которые я сейчас описал.

Итак, мы видим, как в личности ныне совсем забытого Шрёера гётеанизм остановился перед вратами преобразованного в спиритуализм интеллектуализма. И что же, собственно, оставалось делать, как, получив побуждение от Шрёера, не продолжать гётеанизм дальше вплоть до антропософии! Другого выбора не оставалось. И часто перед моим душевным оком вставал потрясающий образ того, как Шрёер привносит древнюю спиритуальность в Гёте, проникая в него вплоть до интеллектуализма, — и как Гёте, чтобы сделаться понятным, должен быть снова постигнут при помощи современного интеллектуализма, поднятого в спиритуальное. Этот образ мне самому давался нелегко. Ибо все снова и снова к этому моему душевному устремлению примешивалось нечто вроде оппозиции по отношению к Шрёеру, так как то, чем был Шрёер, невозможно было непосредственно воспринять.

Например, когда Шрёер в Венском Высшем техническом училище вел занятия по устной речи и письменному изложению, то я однажды предложил изрядно искаженную и интерпретацию Мефистофеля, — просто для того, чтобы возразить Шрёеру как преподавателю (тогда у меня еще не было близких дружеских отношений с ним). Вот так он возбудил против себя некоторую оппозицию. Но, как сказано, ничего не оставалось иного, как преодолеть наступивший застой и внести на самом деле гётеанизм в антропософию!

Итак, вы видите, как на самом деле происходит ход всемирной истории: то, что имеешь в современности, приходит, встречаясь с задержками, с препятствиями, — но вместе с тем приходит довольно подготовленным. И когда вы читаете у Карла Юлия Шрёера его чудесное, подобное гимну, изображение женской сущности, — когда вы читаете его прекрасную статью «Гёте и женщины», которую он написал в качестве приложения к своей «Немецкой художественной литературе XIX века»* (**Leipzig, 1875 г.*), и когда вы все это воспринимаете — тогда вы говорите себе: в этом действительно живет нечто от ощущения женской ценности и женского существа, отзвук пережитого монахиней Гросвитой в качестве ее собственного существа. Эти две предшествующие инкарнации так удивительно резонируют у Шрёера, что кому-то их разрыв покажется просто трагическим. Но, с другой стороны, именно в личности Шрёера выступает реальная духовная ситуация конца XIX века, что проливает свет на вопрос: как же мы вносим спиритуальность в жизнь современности?

Это и есть то, чем я хотел завершить этот цикл лекций.

ПРИМЕЧАНИЕ

В том № 238 Полного собрания сочинений Рудольфа Штейнера, издаваемого Издательством Рудольфа Штейнера (Дорнах, Швейцария) в 1974 г., в качестве последней лекции было включено «Обращение» от 28 сентября 1924 г. Это «Обращение» посвящалось предстоящему Дню Михаила и должно было иметь продолжение, так как в нем присутствовали неоконченные объяснения некоторых кармических взаимосвязей. Однако смертельная болезнь не дала Рудольфу Штейнеру возможности завершить начатое. Характер изложения в «Обращении» таков, что без продолжения, все высказанное в нём Р. Штейнером остается неясным. Помимо этого на обороте стенограммы рукой Р. Штейнера сделана пометка: «Не распространять, пока я не добавлю к этому II части».

Выполняя пожелание Учителя, мы не решились идти по стопам швейцарских издателей и исключили «Обращение» из издаваемого нами тома.

Но все же приводим здесь не относящееся к упомянутым кармическим взаимосвязям окончание «Обращения» и текст медитации, посвященной Дню Михаила и завершающей последнюю в земной жизни лекцию Доктора Штейнера.

«... я сегодня собрался с силами и поднялся ради того, чтобы сказать вам это хотя бы в немногих словах. На что-то большее сил у меня сегодня не хватило бы. Но вот что могло бы прозвучать сегодня из моих слов вашим душам: примите представление о Михаиле в смысле того, что может ощутить сердце, верное Михаилу, если ему явится Михаил, облеченный в лучшее одеяние Солнца; он прежде всего указывает на то, что должно свершиться для того, чтобы это облачение Михаила, это одеяние из света, могло стать космическими словами, которые суть Христовы слова, — теми космическими словами, которые могут превратить космический Логос в Логос человечества.

Поэтому сегодня да будут обращены к вам следующие мои слова:

"Солнечных властей отпрыски, Сияющие, миры одаряющие духовные силы; Вам предназначено Божественным промыслом Быть Михаила лучистым

одеянием.

Он, Посланец Христа, являет в вас Несущую человека святую волю мира;
Вы, светлые эфирных миров существа, Несите людям слово Христа.

Так предстает Возвеститель Христа Томящимся, жаждущим душам; В
мировую эпоху Духочеловека Лучится им ваше сияющее слово.

Вы, ученики духопознания,

Примите мудрость манований Михаэля;

Активно воспримите в высокую

направленность ваших душ Слово Любви Вселенской Воли"».

Sonnenmächten Entprossene, Leuchtende, Welten begnadende
Geistesirmächte; zu Michaels Strahlenkleid Seid ihr vorbestimmt vom
Götterdenken.

Er, der Christusbote, weist in euch Menschentragenden, heil'gen Welten-
Willen; Ihr, die hellen Ätherwelten-Wesen, Trägt das Christuswort zum Menschen.

So erscheint der Christuskind der Den erharrenden, durstenden Seelen; Ihnen
strahlet euer Leuchte-Wort In des Geistesmenschen Weltenzeit.

Ihr, der Geist-Erkenntnis Schüler, Nehmet Michaels weises Winken; Nehmt
des Welten-Willens Liebe-Wort In der Seelen Höhenziele wirksam auf.

РУДОЛЬФ ШТЕЙНЕР

Эзотерические рассмотрения кармических взаимосвязей (1924 г.)

Настоящий список шести томов, включающих в себя лекции Р. Штейнера, посвященные теме
кармических взаимосвязей, а также перевоплощения и кармы приводится по оригинальному изданию,
осуществленному Издательством Рудольфа Штейнера, Дорнах, Швейцария.

(Изменение содержания издания 1970 г.: тт. I — VI ныне в Дорнахе; тт. V и IV - в других местах.)

ТОМ I. Двенадцать лекций. Дорнах, 16 февраля — 23 марта 1924 г.

(Кроме лекции, прочитанной 25 января 1924 г. в Берне, которая в новом издании помещена в т. VI.
Она также в отдельном издании: «Врата Луны и врата Солнца», Дорнах, 1970 г.)

ТОМ II. Семнадцать лекций. Донах, 6 апреля — 29 июня 1924 г.

(Кроме лекций, прочитанных в Штутгарте, 9 апреля и 1 июня; в Берне 16 апреля 1924 г. в новом
издании они помещены в VI томе. Помимо того лекция в Берне от 16 апреля содер-
жится в отдельном издании: «Врата Луны и врата Солнца», Дорнах, 1970 г.)

ТОМ III. Кармические взаимосвязи антропософского движения.

Одиннадцать лекций. Дорнах, 1 июля — 8 августа 1924 г.

ТОМ IV. Духовная жизнь современности в ее взаимосвязи с антропософским движением. Десять
лекций. Дорнах, 5 — 23 сентября и 28 сентября 1924 г.

ТОМ V. Шестнадцать лекций. Прага, 29 марта — 5 апреля; Париж, 23 — 25 мая; Бреславль, 7—15
июня 1924 г.

ТОМ VI. Пятнадцать лекций. Берн, 25 января; Цюрих, 25 января; Штутгарт, 6 февраля и 9 апреля;
Берн, 16 апреля*; Штутгарт, 1 июня*; Арнгейм, 18, 19, 20 июля; Торки, 12, 14, 21 августа; Лондон, 24 и 27
августа 1924 г.

(Лекции, отмеченные знаком *, в новом издании помещены в VI томе.)

В связи с темой <Первоплощение и карма, укажем также на след-
ствие тома из Полного собрания сочинений Рудольфа Штейнера (Издательство Рудольфа Штейнера, Дорнах, Швейцария):

«Принцип спиритуальной экономии и проблемы перевоплощения. Аспект духовного водительства
человечества» (1909);

«Откровения кармы» (1910); «Оккультная история» (1911);

«Первоплощение и карма в их значении для современной культуры» (1912).